

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

РЕФЕРАТИВНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2019 – 1

Издается с 1973 года
Выходит 4 раза в год

МОСКВА 2019

ББК 81
С 69

Центр гуманитарных научно-информационных исследований

Отдел языкознания

Редакционная коллегия серии «Языкознание»:

В.З. Демьянков – д-р филол. наук, главный редактор, *Э.Б. Яковлева* – д-р филол. наук, заместитель главного редактора, *Л.Р. Комалова* – д-р филол. наук, ответственный секретарь, *В.М. Алпатов* – д-р филол. наук, *Н.С. Бабенко* – канд. филол. наук, *В.Н. Желязкова* – д-р филологии, *Е.А. Казак* – канд. филол. наук, *И.В. Кангро* – д-р филологии, *В.Г. Кузнецов* – д-р филол. наук, *Е.М. Миронеско-Белова* – д-р филологии, *А.В. Нагорная* – д-р филол. наук, *Е.О. Опарина* – канд. филол. наук, *В.А. Пищальникова* – д-р филол. наук, *В.А. Плузгян* – д-р филол. наук, *Р.К. Потапова* – д-р филол. наук, *В.В. Потапов* – д-р филол. наук, *М.Б. Раренко* – канд. филол. наук, *С.А. Ромашко* – канд. филол. наук, *К.Я. Сигал* – д-р филол. наук, *Н.Н. Трошина* – канд. филол. наук

Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: С 69 РЖ / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания. – М., 2019. – № 1. – 192 с.

В журнале представлены новые отечественные и зарубежные исследования, посвященные проблемам общего и сравнительно-исторического языкознания, теоретическим проблемам лингвистики, работы по фонетике и фонологии, морфологии и синтаксису, лексикологии и стилистике, по прикладному языкознанию, психолингвистике и социолингвистике.

ББК 81

ISSN 2219-8776

© ИНИОН РАН, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

2019.01.001. Чертов Л.Ф. Семиотическая теория 6

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Теоретические проблемы и отдельные методы

2019.01.002. Алпатов В. Языкознание. От Аристотеля до компьютерной лингвистики 17

2019.01.003. Малевинский С.О. Лингвистические мифы и основания реалистической лингвистики 35

Психолингвистика

2019.01.004. Бутакова Л.О., Гуц Е.Н., Козловская Е.А. Детство в дискурсивном пространстве региона: Комплексный анализ ценностных фрагментов языкового сознания и институциональных коммуникаций 41

Социолингвистика

2019.01.005. Л.Р. Комалова. Социолингвистические исследования языковых реалий в контексте миграционных процессов. (Обзор) 50

Прикладное языкознание. Перевод, переводоведение

2019.01.006. С.М. Исаева. О дидактике художественного перевода: Общий очерк	60
2019.01.007. М.Б. Раренко. Внутренний перевод как особый вид перевода. (Обзор)	71
2019.01.008. М.Б. Раренко. Перевод и культура: Взаимосвязь и взаимовлияние. (Обзор)	78
2019.01.009. М.Б. Раренко. Перевод художественной прозы. (Обзор)	87
2019.01.010. М.Б. Раренко. Проблемы поэтического перевода. (Обзор)	95
2019.01.011. Русский вариант английского языка: История, функции и особенности	99

Коммуникация. Дискурс. Речевые жанры

2019.01.012. Кислякова Е.Ю. Коммуникативная категория инакости: Монография	107
2019.01.013. Дискурсивное пространство в лингвистическом ракурсе	113
2019.01.014. Язык, сознание, коммуникация	123
2019.01.015. Е.О. Опарина. Образные и лингвостилистические средства в языке политики. (Обзор)	133

Лингвокультурология

2019.01.016. Зыкова И.В. Метаязык лингвокультурологии: Константы и варианты	138
2019.01.017. Кулинич М.А., Кострова О.А. Теория и практика межкультурной коммуникации	147
2019.01.018. (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: Новые науки о человеке говорящем	152

УРОВНИ ЯЗЫКА

Фонетика. Фонология

2019.01.019. Ритм прозы от Карамзина до Чехова	161
--	-----

-
- 2019.01.020. В.В. Потапов. Корпусные экспериментально-фонетические исследования английского языка, функционирующего на территории Северной Америки. (Обзор) 166

**Лексикология. Лексикография.
Фразеология. Ономастика. Стилистика**

- 2019.01.021. Пословицы в фразеологическом поле: Когнитивный, дискурсивный, сопоставительный аспекты 173
- 2019.01.022. Цыганова Н.Д. Полиаспектное описание неолексем: (По материалам словотворческих интернет-сайтов) 177

ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

- 2019.01.023. Васильев В.Л. Гидронимия бассейна реки Мсты: Свод названий и анализ микросистем 184
- АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ И ЗАГЛАВИЙ РАБОТ, ОПИСАННЫХ НЕ НА АВТОРА 187**
- ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ (№ 1) 188**

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

2019.01.001. ЧЕРТОВ Л.Ф. СЕМИОТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ // Чертов Л.Ф. Семиотика: Очерки истории и теории. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – Ч. 2. – С. 92–240.

Ключевые слова: теория семиотики; семиозис и его уровни; разнообразие семиотических систем; гетерогенные тексты; комплексы семиосистем; семиосфера природы и семиосфера культуры; семиотические особенности искусства.

Во второй части монографии, состоящей из семи глав, исследуются различные подходы к вопросам, входящим в сферу семиотики, и предлагаемые методики¹.

В первой главе «Семиотика как предмет и как метод» отмечается, что эти различия связаны с множеством дисциплин, имеющих дело со знаками: каждая из них задает свой особый взгляд и способна стать основой для развития особой версии семиотики. Наиболее развитыми из них являются логическая и лингвистическая версии, восходящие к семиотике Ч. Пирса и семиологии Ф. де Соссюра, но и внутри этих направлений с самого начала имелись существенные различия. Так, линия Ч. Морриса отличалась от линии Ч. Пирса тем, что его теория знаков применима к описанию биосистем. Линия Л. Ельмслева отличается от семиологии Соссюра антипсихологической направленностью.

Явно определенным стал выход семиотики в область культуры (семиотика культуры, антропосемиотика, герменевтика), в результате которого в круг ее проблематики вошли разнообразные

¹ Реферат на первую часть монографии см. в РЖ: «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкознание» 2017. 04. – *Прим. ред.*

символические формы культуры. С другой стороны, развиваются семиотические интерпретации разных областей биологии (зоосемиотика, биосемиотика).

Однако семиотика, по мнению автора монографии, должна развиваться, не растворяясь в других дисциплинах – как самостоятельная целостная наука, имеющая собственный понятийный аппарат и освещающая со своей особой позиции знания о знаках. Для этой цели необходимо разграничивать и структурировать семиотические средства разных уровней, относя к понятию знака только конвенциональные средства человеческой коммуникации и деятельности. В таком случае семиотика включит в себя и теорию знаков, и – как особый раздел – теорию сигналов и индексов.

Во второй главе «Семиозис и средства информационной связи» анализируются различия между уровнями семиозиса и определяются понятия, имеющие отношение к данной стороне вопроса. Основное различие автор устанавливает между сигнально-индексальным уровнем, доступным биологическим организмам и техническим системам, с одной стороны, и знаковым уровнем, появляющимся в результате человеческой деятельности – с другой.

На первом из этих уровней носителями информации являются сигналы и индексы. Сигналы определяются как «такие информационные воздействия на систему-приемник, которые способны запускать в ней заданные реакции, обусловленные имеющейся в данной системе предынформацией, т.е. кодом» (с. 116). Примерами служат запрограммированные реакции автоматов на определенные механические воздействия, а также условные и безусловные рефлексы живых организмов. Индексы подразделяются на типы (симптомы, метки, индикаторы, индексалы, симулякры). Индексы обнаруживают отношение не только к системе-приемнику, но также к некоторому источнику, свойства которого данные носители информации проявляют и которые должны быть известны интерпретатору. Например, дым служит индексом пожара, внешний вид сына служит показателем для того, кто способен распознать в нем родовые черты. В целом семиозис на сигнально-индексальном уровне характеризуется тем, что все составляющие процесса принадлежат той ситуации, в которой он происходит. На этом уровне отправитель сообщения совпадает с источником, а объект обязательно включен в информационный процесс.

Сигнально индексальный уровень семиозиса служит основой для знакового. Знак остается сигналом, так как он «запускает» информационный процесс, однако знак может иметь значение, которое «никак не соотносено с ситуацией его появления в информационной цепи между отправителем сообщения и его приемником» (с. 120). Другими словами, знак репрезентирует то, что может оставаться за пределами наличной ситуации. Связь знака с тем, что он репрезентирует, опирается на конвенцию. Для знака существенно то, что он имеет фиксированное значение, «которое представляет собой установившийся в культуре способ интерпретации знака с помощью общей схемы его осмысления» (с. 123). Референт знака может быть вымыслом, но при этом мыслиться и переживаться более интенсивно, чем что-либо налично данное. В случае сигналов и индексов ошибочной может быть только их интерпретация, в случае знаков – сообщение о наличии объекта.

Знаки отличаются также способом их осмысления субъектом интерпретации. На знаковом уровне семиозиса когнитивный процесс связан со смещением осмысляемого объекта, которым оказывается не непосредственно данное (означающее), а то, на что знак направляет сознание интерпретатора¹.

Значение знака, зависимое от особенности конкретного его употребления конкретным интерпретатором, является смыслом знака. Помимо унифицированной схемы, заданной конвенциональным значением, смысл детерминирован многими обстоятельствами – ситуацией, особенностями интерпретатора, его предвзятым мнением, актуализацией непрямого и / или коннотативного значения.

Знаки могут быть разных типов и при этом – как вербальными, так и невербальными. Например, знаками-номинаторами являются имена собственные в языке и эмблемы, товарные знаки фирм, флаги и гербы стран, цвета спортивных клубов. Знаки-сигнификаторы выделяют не единичные объекты, а некоторые общие признаки и состояния, присущие многим объектам. В языке это имена нарица-

¹ Л.Ф. Чертов подчеркивает, что в отличие от изображений – иконических моделей, отнесенных Ч. Пирсом к категории икон и обладающих «прозрачностью» значения, знаки выполняют свою семиотическую функцию только благодаря смещенному пониманию их значения и формы субъектом восприятия. – *Прим. реф.*

тельные, их невербальные представители – черный цвет как знак траура или белый флаг как знак перемирия.

В третьей главе «Знаки как средства деятельности» представлена структура компонентов семиозиса, в которой выявляются взаимосвязи между субъектами, объектами и средствами семиотического процесса в человеческой деятельности. Инвариант такой структуры представлен в схеме «знаковой призмы», образованной элементами, «необходимыми и достаточными для организации знакового способа связи, и демонстрирует систему отношений между ними, ее механизм» (с. 132).

Схема включает: *знак* (D) – явление / предмет, представляющий собой внешний носитель значения; D выражает возникающий в сознании субъекта-отправителя *мысленный образ* (A) некоего *объекта* (C); этот образ формируется с помощью культурной нормы *сигнификата* (G). Сигнификат связан с культурной нормой выражения – *сигнификантом* (H), с помощью которого субъект-отправитель строит представление, или *чувственный образ* (B) о знаке (D), а субъект – получатель сообщения отбирает релевантные для себя признаки в своем *чувственном образе* (E) знака (D). Кодовое отношение сигнификации GH, т.е. отношение сигнификат-сигнификант, определяет реконструкцию *мысленного образа референта* в сознании субъекта-получателя (F), соотносимого с содержанием исходного *мысленного образа* A в сознании субъекта-отправителя. В представленной схеме (с. 133) отношение сигнификации между центральными компонентами плана выражения и плана содержания знака, соответственно, между сигнификатом и сигнификантом, образует центральный ряд, который автор называет инструментальным. Он связывает субъектный ряд и обозначенный объект (референт) в единую деятельностьную систему.

Л.Ф. Чертов подчеркивает, что предложенная объемная модель «знаковой призмы» может служить исследовательским инструментом, дающим целостное представление о знаковом механизме. Она также содержит в себе варианты схем знаковой связи, которые предлагались ранее в разных концепциях. Так, в ней распознается треугольник Фреге – в отношениях CDG (т.е. *объект – внешний носитель – сигнификат*). Треугольник Бюлера представлен в отношениях DACF (*внешний носитель – мысленный образ в сознании субъекта-отправителя – референт – мысленный образ в*

сознании субъекта-получателя). Треугольник Огдена-Ричардса, в который наряду со знаком входят обозначенный объект и мысль о нем субъекта-отправителя и субъекта – получателя знакового сообщения, прослеживается в отношениях ACD и FCD.

Четвертая глава «Знаковые системы и тексты» содержит анализ структур и функций знаковых систем.

Структура семиозиса, как было показано в его модели, имеет устойчивую инвариантную основу, однако передача информации возможна только при наличии выбора, по крайней мере, из двух вариантов. Вместе со своей альтернативой (отсутствием выбора) даже единичный знак может рассматриваться как элемент минимальной знаковой системы.

По мере увеличения количества знаков в системе возрастает возможность выбора и увеличивается многообразие возможных комбинаций. Знаки, отбираемые и используемые в подобных комбинациях по определенным правилам, получают наименование знаковых конструкций. По отношению к знаковым конструкциям, обладающим семантической целостностью и синтаксической связностью, применимо понятие «текст» в семиотическом смысле данного термина, относящегося не только к вербальной знаковой системе.

Знаковая система определяется автором как система норм образования, интерпретации и применения знаков и составленных из них конструкций. Совокупность сигнификантов всех знаков системы составляет ее план выражения, а совокупность сигнификатов – план содержания. Эти понятия применимы и к составленным на их основе текстам. Сложные знаковые системы, имеющие несколько уровней единиц, характеризуются иерархической организацией и включением, помимо единиц собственно знакового уровня, также единиц сигнально-индексального уровня. Так, в вербальном языке есть фонемы, которые непосредственно с сигнификатами не связаны, но в сочетании и противопоставлении другим фонемам позволяют различать лексемы.

Знаковые системы выполняют следующие семиотические функции: 1) репрезентируют объекты человеческой деятельности (моделирующая функция); 2) обеспечивают коммуникацию между субъектами (коммуникативная функция); 3) служат средствами конструирования и реконструирования смыслов в процессе мыш-

ления (конструктивная функция). Л.Ф. Чертов подчеркивает, что вербальный язык как знаковая система носит, очевидно, наиболее универсальный характер, и в нем выдерживается оптимальный баланс между тремя указанными направлениями.

В пятой главе «Разнообразие семиотических систем» исследуются типы семиотических систем и их функциональные особенности. Различия систем затрагивают их структуру, субстанцию выражения и содержания и каналы связи.

Разграничение вербальных и невербальных систем обусловлено потребностями коммуникации и культуры: вербальный код, способный истолковать, то, что выражается другими системами, все же не способен их заменить. Невербальные коды развиваются в культуре потому, что для каких-то смыслов и ситуаций выражения в несловесной форме оказываются более точными и прямыми.

Принято также разделять саморазвивающиеся знаковые системы и системы искусственного происхождения. Естественные языки создаются в культуре спонтанно, как результат деятельности всего общества в течение длительного периода времени. Искусственные знаковые системы могут сознательно приниматься какой-либо группой лиц, как, например, формализованные языки логики, связанные с именами их создателей – Г. Фреге, Б. Рассела и др.

Семиотические системы разных типов имеют различную функциональную специализацию. Такая специализация проявляется уже у природных кодов: генетический код, выполняющий функцию генерирования информации, отличается от кодов, регулирующих реакции организма на сигналы из внешней среды. Системы научных обозначений специализируются на выполнении познавательных функций, в то время как системы наград (орденов, спортивных призов и т.п.) – на оценочных функциях. Предметно-функциональный код задает нормы поведения в предметной среде и способы ее преобразования. Есть также коды, специализирующиеся на процессах общения, как, например, проксемический код, регламентирующий значимые для культуры приближения и удаления людей друг от друга.

Структурные и функциональные особенности семиосистем обусловлены их ориентированностью на пространственный или временной канал связи. Пространственный канал связан преимущественно с визуальным восприятием, а временной – со слуховым.

Семиосистемы, связанные с разными каналами, используют знаки, имеющие различные физические субстраты (субстанции выражения). Так, фонетическая структура звукового вербального кода во многом обусловлена спецификой акустического субстрата. В классе пространственных семиосистем различаются коды соматические («языки тела») и экстрасоматические («языки» внешних объектов). В особую группу автор выделяет коды, которые можно назвать беспредметными. Для таких кодов субстанцией выражения служат не предметные тела и не квазипредметы, а состояния среды, такие как цвет в символике политических направлений или спортивных клубов.

Семиотические системы различаются также и тем, какие психические процессы – естественного происхождения или же регламентированные культурными нормами – вовлечены в их интерпретацию. Содержание семиотических средств распознается на разных уровнях отображения и познания объектов и процессов. Так, в психологии различаются три основных уровня, на которых строятся визуальные образы: сенсорный (дающий ощущения), перцептивный (связанный с восприятием) и апперцептивный (связанный с представлениями). На следующем за ними концептуальном уровне происходит категоризация, т.е. подведение «воспринятого и узнанного под вербально определенное логическое понятие» (с. 166). Так, графема «А» на уровне ощущений улавливается зрением в зрительном поле, на перцептивном уровне воспринимается как конфигурация линий, на апперцептивном – опознается как подпадающая под освоенную субъектом схему буквы, а на концептуальном уровне категоризируется как определенный знак алфавита.

Особую группу образуют динамические коды, связанные с двигательными образами и требующие интерпретации проективного типа (схемы игрового действия, например в шахматах или планы поведения в коммуникации). Особую роль в культуре играют коды, обладающие аффективным значением и направленные на эмоциональную реакцию. Такими являются значимые жесты и мимика, изображения – от компьютерных смайликов до изображений в произведениях искусства, переводящих реакции на высокий эстетический уровень.

Автор устанавливает психосемиотические типы кодов в зависимости от соотношения между психическими уровнями, на которых строятся их планы выражения и планы содержания.

В шестой главе «Взаимосвязи семиосистем и гетерогенные тексты» анализируются типы связей между семиосистемами, закономерности совместного формирования ими значимых комплексов и рассматриваются характеристики гетерогенных текстов.

Отмечается, что различные семиотические системы могут быть как совместимыми, так и несовместимыми. Несовместимость требует замещения элементов кодов, и тогда один из кодов в плане выражения или содержания заменяется другим. Это дает разные формы перекодировки – перевод, переистолкование или истолкование в новой системе. В случаях совмещения коды могут сохраняться целиком и согласованно участвовать в создании смыслов. К этому типу принадлежит связь по принципу включения одного из кодов в план выражения или содержания другой семиосистемы. Например, рассмотренное Л. Ельмслевом соотношение между языком-объектом и метаязыком его описания.

Другими типами совмещения являются пересечение семиосистем, при котором общим остается один из планов. Например, в случае передачи алфавитного письма азбукой Морзе происходит смена плана выражения, но план содержания остается общим. Рассматриваются также другие способы совмещения семиосистем – символизация и присоединение (например, слова и музыка в песне).

В случае связи между семиосистемами, основанной на зависимости, употребление одной из них является условием для появления другой. Например, в случае отношений между алфавитным письмом и предшествующим ему устным вербальным языком.

Л.Ф. Чертов отмечает, что семиосистемы, возникающие в культуре, как и формируемые ими комплексы, подвержены диахроническим изменениям – дивергентным и конвергентным. В древности произошло отделение систем письменности от изображений, а также распад «мусического» комплекса на самостоятельные семиосистемы танца, пантомимы и музыки. В более поздние периоды условия для трансформаций знаковых систем создавались развитием технических средств. Например, в свое время звук преобразовал семиотическую структуру кино, дополнив движущееся изображение речью, музыкой и другими звуками. Те-

левидение и компьютер позволяют сочетать пространственные и временные коды в самые разнообразные семиотические комплексы.

Синтез семиосистем порождает гетерогенность построенных через их посредство текстов. Гетерогенные (принципиально полисистемные) тексты автор, вслед за Ю.М. Лотманом, относит к классу риторических. Такие тексты более сложно организованы: помимо связи между «горизонтальными» планами разных семиосистем, они образуют «вертикальные» структуры за счет символизации и создания коннотативных смыслов (с. 193). В то же время сложность гетерогенных текстов предполагает различие их интерпретаций. Например, умело выстроенная речь оратора может быть истолкована юристом, психоаналитиком и историком по-разному, при этом выходя за рамки намерений адресанта. Поэтому, помимо генерализующего подхода к гетерогенному тексту (выявляющего общие правила кодов и их сочетаний) и риторического (выявляющего намерения адресанта), возможен герменевтический подход к такому тексту как предмету неоднозначного толкования и источника возникновения и выявления новых смыслов.

В среде человеческого обитания, которая структурируется и осмысливается разнообразными семиотическими системами, формируются более или менее сложно организованные семиотизированные пространства. «Застолье, газетный лист, книга с текстами на разных языках и иллюстрациями, залы музея, рыночная площадь, экран компьютера и многое другое в среде обитания человека образуют уже не гетерогенные тексты, а гетерогенные пространства, в которых эти тексты могут появляться и исчезать, и в семиотизации которых участвуют разные системы» (с. 201).

В седьмой главе «Семиосфера культуры» рассматривается соотношение природных и культурных семиосистем и исследуются семиотические особенности разных областей культуры.

Автор связывает толкование понятия семиосферы с объемом понятия «семиозис». При широком толковании данного понятия в него включаются не только знаковые и символические средства, выработанные в культуре, но также сигнальные и индексальные семиосистемы, функционирующие в живой природе и в технических средствах.

В культуре формируется комплекс социально и культурно выработанных норм и навыков. Однако семиотические системы

культуры «складываются во многом как системы регуляции тех программ поведения человека, которые встроены в его биологическую организацию и без соотнесения с которыми они не могут быть вполне поняты» (с. 207). Например, реакции на тело человека, пробуждаемые сигналами естественного кода, регулируются с помощью выработанных в культуре норм поведения и семиотических средств. Эти реакции могут включаться в интерпретацию пространственных текстов, образуемых «языком тела» или кодом одежды; они также включаются в восприятие и толкование произведений искусства. Семиосистемы культурного и природного происхождения могут быть нейтральными друг к другу, действовать совместно или же сталкиваться между собой.

Каждая из сфер культуры складывается как особый вид семиотической практики. Эти сферы можно рассматривать также как стадии семиотического сознания, основными из которых являются мифологическое, религиозное и научное. Они имеют особые семиотические комплексы и способы их использования. Мифологическое сознание проявляется в магических действиях. Опирируя знаками, оно еще не различает в них четко означающее и означаемое и не дифференцирует синкретический комплекс средств, состоящий из слов, действий, пространственных форм. Для религиозного сознания характерно четкое разделение означаемого (относимого к трансцендентному миру) и означающего, при разнообразии семиотических средств, выражающих духовные ценностные смыслы. Научное сознание нацелено на поиск в воспринимаемом мире закономерного – оно опирается на знание и стремится к точным, обоснованным теоретически и экспериментально семиотическим средствам, разрабатывая собственные формализованные языки.

Семиотика искусства рассматривается автором как самостоятельная сфера семиотической практики, в которой отношения семиотических средств организованы особым образом. Анализ метафоры «язык искусства» выявляет сложные связи искусства со знаковыми системами. Общая для этой семиосферы специфика состоит в том, что искусство по-особому преобразует и организует коды и тем разрабатывает их выразительные возможности.

Комплексы семиосистем оказываются в каждом виде искусства своими, более или менее обширными. Например, киноязык

использует семиосистемы самых разных типов – вербальных и невербальных, зрительных, слуховых, пространственных и временных. В музыке, пантомиме, абстрактной живописи, наоборот, существует тенденция к ограничению группы применяемых кодов. Однако и в таких искусствах обнаруживается участие разных кодов. Так, «язык музыки» включает в себя неоднородное поле звуковых средств: тональные различия звуков по «высоте» имеют другие основания, чем связи музыкального ритма с движениями человека; мелодические интонации связаны с эмоциями человека, и эти связи могут быть устойчивыми в сознании слушателей; узнаваемая мелодия становится частью символического кода; нотная запись представляет собой визуально-пространственное средство представления звуков.

Семиотический взгляд позволяет исследовать «язык искусства» как исторически изменчивую сферу взаимодействия между кодами, которое создает в каждый исторический период определенную систему жанров и видов. Однако семиотическое исследование не может и не должно подменять искусствоведческий анализ, сфокусированный на том, насколько искусно семиотические средства используются.

Е.О. Опарина

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ОТДЕЛЬНЫЕ МЕТОДЫ

2019.01.002. АЛПАТОВ В. ЯЗЫКОЗНАНИЕ. От Аристотеля до компьютерной лингвистики. – М.: Альпина нон-фикшн, 2018. – 253 с.

Ключевые слова: язык; язык культуры; лингвистика; полевая лингвистика; говорящий; слушающий; структурный подход; фонология, письмо; типология; функции языка; прагматика; речевые акты; речевые жанры; картины мира; нейролингвистика; прикладная лингвистика; компьютерная лингвистика.

Владимир Михайлович Алпатов — лингвист, доктор филол. наук, член-корреспондент Российской академии наук по отделению историко-филологических наук, специалист по общему и японскому языкознанию, социолингвистике, истории лингвистики.

Книга В.М. Алпатова написана в форме небольших очерков обзорного характера, состоит из введения, 21 главы (1. Зачем надо изучать языки. 2. Как описывать язык культуры? 3. Как развивалась лингвистика. 4. Язык-система и язык-деятельность. 5. Как работают лингвисты, Полевая лингвистика. 6. Говорящий и слушающий. 7. Основные вопросы лингвистики и пути их решения. 8. Пример структурного подхода. Фонология. 9. Письмо. 10. Общее и особенное в языках. 11. Что может типология? 12. Как и почему изменяется язык? 13. Функции языка. 14. О границах лингвистики. 15. Прагматика и теория речевых актов; речевые жанры. 16. Социолингвистика. 17. Картины мира. 18. Что происходит в мозгу. 19. От нейролингвистики к устройству языка. 20. Строение мозга и национальные традиции. 21. Прикладная лингвистика. Компьютерная лингвистика.), итогов; тезауруса; литературы).

В первой главе В.М. Алпатов раскрывает понятие «языкознание», указывая на еще два названия-синонима и на тот факт, что хотя слово «языковедение» сейчас стало несколько устаревшим, и «языковедение», и «языкознание», и «лингвистика», все эти названия обозначают науку, изучающую человеческий язык.

Автор задается вопросом, зачем вообще надо изучать язык, если люди бессознательно овладевают своим языком (реже сразу двумя или тремя языками) в раннем детстве. Человек может прожить всю жизнь, не замечая свой язык и пользуясь им автоматически. О языке обычно вспоминают лишь тогда, когда процесс общения (коммуникации) оказывается затруднен. «Бывает, что слышишь слово и не знаешь, что оно значит. Или, наоборот, хочешь что-то сказать и не знаешь, какие слова употребить» (с. 10). Встречаются и еще более трудные ситуации, когда с собеседником не находится общего языка в самом буквальном смысле. Указывается, что издавна люди сталкивались с нежелательным для них явлением множества языков, делались попытки объяснения его истоков наподобие известного библейского мифа о Вавилонской башне. В случае необходимости язык соседей или завоевателей выучивался столь же стихийно, как и родной. «А многие люди, жившие традиционной жизнью, просто не знали о существовании других языков или игнорировали их. Русское слово немец или греческое варвар (буквально “бормочущий”) появились в среде тех, для кого существует только один – “наш” – язык» (с. 10).

Отмечается, что со временем в жизни людей появилось новое явление, потребовавшее обратить внимание на язык: возникли разные системы письма. В отличие от устного языка, письменный язык может выучиваться только сознательно. Появились школы и учителя, обучавшие письму «(первоначальным значением слова грамматика в Древней Греции было “обучение буквам”» (с. 10). Формирование письменностей уже требовало определенных размышлений над вопросом, что такое язык.

Традиции изучения языка сложились, прежде всего, в связи с появлением особых языков культуры. Языки формировались в разное время и могли иметь разные свойства (например, одни были в первую очередь языками религии, другие имели и светское использование), но между ними было определенное сходство. Все они получали ту или иную обработку и норму. Примерами языков куль-

туры могут служить древнегреческий, латинский, санскрит, классический арабский, древнееврейский, церковно-славянский, вэньян в Китае и сопредельных странах. Автор справедливо замечает, что эти языки имели «вненациональный характер и обслуживали целые культурные ареалы, часто связанные с определенной религией» (с. 11).

Автор указывает, что в классической Древней Греции философы очень интересно размышляли о природе языка или его происхождении, но эти размышления не породили каких-либо развитых способов работы с конкретным языковым материалом. Греческая традиция изучения языка сложилась не в классический период, когда по-гречески говорили и писали в основном греки, а в эпоху эллинизма, когда после походов Александра Македонского (конец IV в. до н.э.) греческий язык (койне) стал языком культуры на обширных территориях. И центром формирования этой традиции стала Александрия в Египте. Также и арабская традиция сложилась в VIII в., вскоре после образования Арабского халифата. Ее центром стали не исконные области жизни арабов, а другие территории Востока, где арабский язык должно было осваивать население иного происхождения, главным образом ираноязычное.

Отмечается, что особая ситуация сложилась в Китае и других странах китайского культурного ареала (куда первоначально входила и Япония). Изучение вэньяня, не имевшего устного функционирования, было неотделимо от изучения письма, основанного на иероглифике. На первом этапе развития китайская традиция (которая сложилась на рубеже новой эры) связывалась исключительно с изучением иероглифов. Позже, однако, в Китае стали изучать и звуки.

Далее указывается, что могли быть и другие причины формирования лингвистических традиций. В Древней Индии языку культуры санскриту тоже надо было специально учиться. Очень важной представлялась и иная задача: правильного построения ритуальных текстов. Для этих целей была создана грамматика санскрита – грамматика Панини (около IV в. до н.э.).

В других традициях такие задачи могли не стоять или стоять иначе. «Так, в Европе риторика – наука о построении “хороших” текстов (в основном светских) – была отделена от грамматики,

опиралась на ее результаты, но основывалась на иных, менее строгих правилах» (с. 12–13).

На развитие многих традиций повлияла такая задача, существенная для многих народов, как стихосложение. В разных традициях правила сочинения стихов могли по-разному влиять на изучение фонетики, особенно ударений, а иногда и грамматики.

Автор указывает и на другие причины необходимости изучать язык: филологические, текстологическую деятельность. Тексты на языке культуры из-за временной дистанции уже довольно сложно понять точно, их надо толковать. Уже в Александрии толковали Гомера, жившего на несколько веков раньше, но филология становится наиболее важной на более поздних этапах развития традиций, когда накапливается большое количество не вполне понятных текстов. Так было и в Китае, и в Японии, а в Европе такой процесс вышел на первый план, начиная с эпохи Возрождения (XV–XVI вв.). В течение нескольких веков языкознание (как и литературоведение) рассматривалось как часть филологии.

В главе «Как описывать язык культуры?» В.М. Алпатов возвращается на ранние этапы развития лингвистических традиций. Отмечается, что исходная практическая задача определяла подход к языку. Грамматика Панини очень непохожа на сочинения древнегреческих и римских грамматистов, хотя строй санскрита не так уж отличается от строя древнегреческого и латинского языков. Но на особенности традиции мог оказывать влияние и строй соответствующего языка культуры. Японская традиция отделилась от китайской, прежде всего, потому, что строй японского и китайского языков очень различен (с. 17).

В грамматике Панини и аналогичных индийских грамматиках имеется набор первичных элементов корней и аффиксов, который должен быть по возможности исчерпывающим; далее формулируются правила, действующие для тех или иных классов элементов. Эти правила из первичных элементов формируют слова, а из слов – предложения. В результате применения правил получаются правильные высказывания. Особо формулируются также фонетические правила. Такой путь исключает обсуждение вопроса о норме: соответствует норме то и только то, что получено в результате применения правил. Таким образом, заключает автор, индий-

ская традиция пошла по пути синтеза, построения целого из частей, а не по пути анализа.

Европейская традиция, как указывает автор, впервые сформировалась в Александрии в III–II вв. до н.э., ставшей в то время центром мировой науки. Первым дошедшим до нас трудом стала грамматика Дионисия Фракийца (II в. до н.э.). Уже в I в. до н.э. эта традиция перешла от греков к римлянам, которые приспособили ее к латинскому языку. Затем традиция параллельно развивалась в течение многих веков в двух вариантах. Уже в Средние века от них иногда «отпочковывались особые варианты, как это было в православном славянском мире, где описывался церковно-славянский язык» (с. 18).

На основе никогда не прерывавшейся греко-римской традиции постепенно была создана наука о языке. В XIX–XX вв., когда в этой науке появились строгие методы работы с материалом, все сделанное в предыдущие столетия стало рассматриваться как нечто «донаучное», в лучшем случае как «предыстория» «настоящей науки» (с. 18–19).

Сравнивая лингвистику с другими гуманитарными науками, автор отмечает одну ее особенность. В ряде наук в течение веков менялись представления и о самом их предмете, и об их задачах и целях. Но если сравнить грамматику Дионисия Фракийца и современный школьный учебник русского языка, то обнаружится много общего: сходна сама задача – научить правильному языку, сходно понимание языка как некоторой системы правил, извлекаемой из множества уже существующих, а не конструируемых автором текстов, сходно выделение основных изучаемых областей языка: фонетики, морфологии, синтаксиса, сходны многие основные понятия и термины: звук, гласный звук, согласный звук, слово, предложение, часть речи, глагол, наречие, местоимение, падеж, лицо, наклонение, залог и т.д. Некоторые из них появились даже до Александрии, например, первым выделил части речи Аристотель в IV в. до н.э. Лишь синтаксическая терминология современного учебника отсутствовала в александрийский период и появилась намного позже.

Исследователь отмечает, что задачи современной лингвистики гораздо шире и многообразнее задач, стоявших перед александрийскими грамматистами. Ясно, что прикладных задач становится

все больше с развитием культуры и науки. Существеннее то, что современная наука о языке больше не сводится к решению лишь практических задач, например, обучения языку и поддержания языковой нормы. Лингвистика уже несколько веков развивается в первую очередь как «чистая» наука, независимая от практики («хотя практические задачи не раз стимулировали развитие тех или иных идей и методов, а эти идеи и методы затем помогали практике») (с. 19).

Однако и процесс отделения науки от чисто практических проблем начался достаточно давно. «Даже если отвлечься от рассуждений древнегреческих философов, то уже “философские грамматики” схоластов XIII–XIV вв. относились к “чистой” науке» (с. 20).

Грамматика оставалась центральным разделом науки о языке до XIX в., потом на первый план стало выходить изучение звуковой стороны языка (сначала историческая фонетика, затем фонология). Сейчас в теоретической науке наблюдается новый перенос центра внимания на грамматику, только уже не на морфологию, как когда-то, а на синтаксис.

Автор указывает, что все эти привычные для нас свойства лингвистики, так или иначе восходящие к Античности или Средневековью, вовсе не могут считаться универсальными, что показывают иные лингвистические традиции. У индийцев существовал синтетический подход. Китайская традиция до ее европеизации в конце XIX в. не знала грамматики, основным видом описания в ней был словарь. Арабская традиция шла не от морфологии к синтаксису, а в обратном направлении. В Китае и Японии до знакомства с европейской наукой не было понятия, соответствующего звуку (фонеме): в Китае основной фонетической единицей был слог, а в Японии – единица, промежуточная между звуком и слогом. В арабской традиции выделялись согласные звуки, но гласные не рассматривались как отдельные единицы. Единица, соответствующая слову, видимо, существовала во всех традициях, но свойства этих единиц могли быть различными.

Исследователь отмечает, что современная англоязычная или франкоязычная лингвистика отошла от идей Дионисия Фракийца больше, чем российское языкознание: «по-видимому, это связано с

тем, что строй русского языка изменился по сравнению с классическими языками не так значительно» (с. 22).

Оказывается, многие привычные для нас свойства науки о языке обусловлены тем, как описывали язык еще в Александрии и Риме последних веков до новой эры. «Во многом они предопределены, помимо свойств античной культуры, особенностями структуры древнегреческого (и близкого к нему по строю латинского) языка» (там же). Чем дальше язык по строю от этих языков, тем менее соответствующая традиция была похожа на европейскую.

В главе «Как развивалась лингвистика» отмечается, что развитие науки о языке нельзя рассматривать как однолинейный процесс постоянного движения вверх. Широко известный образ спирали как метафоры научного развития очень хорошо подходит и к лингвистике. В разные эпохи на первый план выходили то одни, то другие проблемы.

Весь XIX в. научная лингвистика считалась исторической наукой, а изучение современных языков не прекращаясь, считалось скорее практической, чем научной задачей, недостойной университетских профессоров (с. 26).

В начале XX в., особенно после появления в 1916 г. знаменитого «Курса общей лингвистики» швейцарского ученого Фердинанда де Соссюра (1857–1913), изданного уже после смерти автора, приоритеты изменились. Системное изучение языков без обращения к истории (синхронное, по терминологии Соссюра), прежде всего в их современном состоянии, стало рассматриваться как основная задача лингвистики, а исторические штудии ушли на второй план. Так было в структурной лингвистике, расцвет которой пришелся на 1920–1960-е годы. Это сохранилось и в пришедшей ей на смену генеративной лингвистике, созданной американским ученым Н. Хомским в 1950–1960-е годы.

В.М. Алпатов отмечает, что в настоящее время в науку возвращается отвергнутая многими столетие назад идея о том, что пониманию современных явлений могут помочь данные исторической лингвистики.

Другая проблема, к которой в разные эпохи относились по-разному, связана с тем, что именно изучает лингвистика: язык вне его отношения к другим языкам или в сопоставлении с другими; ее иногда называют проблемой языка и языков. Все традиции осно-

вывались на изучении одного языка – языка «своей» культуры. Идея сопоставления языков долго была чужда всем традициям и сформировалась лишь в Европе в эпоху Возрождения в связи со становлением новых национальных языков, постепенно вытеснявших латынь из культурного обихода. С XVI–XVII вв. была поставлена задача разграничения общих свойств языка и особых свойств отдельных языков. Особенно яркое воплощение эта идея получила в так называемой «Грамматике Пор-Рояля» (1660, Франция) Антуана Арно (1612–1694) и Клода Лансло (1616–1695) (с. 28).

Затем весь XIX век прошел под знаком сопоставительных исследований как в генетическом плане (сравнительно-историческое языкознание), так и независимо от языкового родства (историческая типология). Большую часть XX в. (эпоха структурной лингвистики) лингвисты стремились охватить как можно больше языков, идея же их сопоставления уже не была приоритетной. А основатель нового этапа в развитии лингвистики Ноам Хомский ограничил сферу своих исследований английским языком (с. 29).

Далее указывается, что другая проблема, по-разному решавшаяся в разные эпохи, – связь лингвистики с другими науками. В лингвистике можно видеть как периоды сближения с другими науками, разработки пограничных проблем, так и периоды ее обособления от других наук, формирования собственно лингвистических методов. Затем, когда к концу XIX в. обнаружился кризис исторического языкознания, стали активно сближать лингвистику с историей, психологией, физиологией, социологией и даже с географией. Но после появления книги Ф. де Соссюра начался длительный период нового, еще более радикального обособления лингвистики от всех наук. Считалось, что лингвистика должна основываться исключительно на собственно лингвистических методах.

Всё сказанное не означает, что области лингвистики и научные подходы, временно отошедшие на периферию, никем не развиваются. Например, и в XX в. многие ученые занимались историческим, в том числе сравнительно-историческим языкознанием. Перешло оно и в XXI в., но его ведущая роль, которую оно играло в XIX в., была утеряна. Тематика лингвистики неуклонно расширяется, и ни одна лингвистическая проблема не исчезает.

Однако нельзя считать, что возрождение интереса к какой-то проблеме означает простое возвращение к тому, что было когда-то. Возвращение всегда происходит на новом уровне, с учетом того, что сделано за прошедший период, в том числе в других лингвистических дисциплинах и за пределами лингвистики (с. 33).

В главе «Как работают лингвисты. Полевая лингвистика» В.М. Алпатов говорит о том, что задачи любой науки, непосредственно познающей мир, включая и лингвистику, можно на самом общем уровне разделить на два класса. Это, во-первых, получение и первичное исследование нового фактического материала, во-вторых, обобщение, построение объяснительных теорий. «А наука делается людьми, и кому-то, может быть, ближе одна задача, а кому-то другая» (с. 49).

В самой истории мировой науки наблюдается постоянная смена приоритетов. Едва ли не в каждой дисциплине чередуются периоды интенсивной работы теоретической мысли и следования устоявшимся канонам, открытия новых фактов и стремления переосмыслить то, что уже известно.

Автор приводит примеры исследовательской деятельности Августа и Фридриха Шлегелей, В. Гумбольдта, Ф. Боппа, Я. Гримма, А. Шлейхера. Все эти ученые выдвигали теории, не подкреплявшиеся или подкреплявшиеся конкретными примерами.

Новый виток развития науки обозначился во втором десятилетии XX в. Большую роль сыграл «Курс общей лингвистики» Соссюра. Резко возросло стремление выдвигать теории. «Ученые новой научной парадигмы если и интересовались, например, рукописями, то не как основным объектом исследования, а в качестве источника сведений по исторической фонологии языка, их влекла интерпретация» (с. 51).

Далее отмечается, что бурное развитие теоретической лингвистики к 1940–1950-м годам в ряде стран стало сменяться новым сосредоточением на фактах, которое, однако, имело иной характер, чем у ученых, изучавших старинные тексты. Речь идет об изучении современных языков в полевых условиях. Огромное количество языков мира оставалось неопианным, и американские ученые поставили перед собой задачу их описания на основе разработанных Л. Блумфилдом и его последователями методов. Они отправлялись в районы распространения языков и там работали с носителями

этих языков – информантами. Разрабатывалась специальная методика работы с информантами, возникла особая лингвистическая дисциплина – полевая лингвистика.

Многие ученые успешно совмещали роли собирателей фактов и создателей научных теорий. Автор приводит примеры практической работы и научной деятельности Ф. Соссюра и выдающегося американского лингвиста, культуролога и этнографа Эдварда Сепира (1884–1939).

Указывается, что в настоящее время сбор фактов, в частности полученных полевым путем, производится в расчете и на расширение объекта лингвистических исследований, и на использование полученных материалов для развития понимания природы языка. Многие полевые исследования описывают вымирающие языки. Автор описывает различные методы работы с информантами. Приводятся примеры успешных полевых исследований кафедры теоретической / структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ.

Исследователь указывает, что бывают «спокойные периоды» (с. 55), когда наука сосредоточена на конкретном фактическом материале и на обработке методов его получения. «Но неизменно наступают времена кризиса и перелома, когда необходим прорыв в теории...» (с. 56).

Глава «Говорящий и слушающий» посвящена взаимоотношениям участников в синергических формах речи (диалогах, полилогах). Здесь участвуют как минимум два человека. Это говорящий (пишущий) или слушающий (читающий). Разумеется, количество участников речевого общения не ограничено: число их может быть разным. В обычной ситуации это не может быть один человек. Автор приводит высказывание Л. Щербы и М. Бахтина относительно монологической и диалогической форм речи.

Указывается, что отношения между говорящим и слушающим многообразны и в устной, и в письменной речи. Могут быть выделены два полярных класса ситуаций. «С одной стороны, говорящий (пишущий) обращается к известным и конкретным собеседникам: текст предполагает ответ или, по крайней мере, допускает его (разговор, беседа, личная переписка). С другой стороны, может происходить обращение к абсолютно неопределенному собеседнику, при этом ответ не предполагается (научная литература, газетная

информация, авторский текст художественных произведений); такой тип ситуаций чаще реализуется на письме. Может быть выделен и промежуточный тип ситуаций. В этом случае множество собеседников также не определено, однако задаются некоторые его характеристики (обращение к женщинам, пассажирам, политическим единомышленникам, потребителям рекламируемого товара и пр.). Говорящий, обращаясь к массе, в то же время обращается как бы к каждому собеседнику лично; ответ также не предполагается» (с. 60). Примерами таких ситуаций являются устная и письменная реклама, выступление телеведущего или телекомментатора, агитация на предвыборном митинге, статья раздела газеты, объявление по радио в метро. Ситуации двух последних типов значительно расширились с появлением радио и телевидения, но и общение с конкретным собеседником приобрело новые возможности: оно не перестало быть преимущественно устным, как еще было недавно (Интернет, СМС-сообщения и пр.). «Каждый из трех типов речевого общения может быть условно назван соответственно индивидуальным, массовым и индивидуально-массовым (или квазииндивидуальным)» (с. 60).

В качестве другого признака синергических форм общения указывается единичность или множественность говорящих и слушающих. В устных формах общения это может быть один говорящий, на письме возможны коллективные сочинения, устный текст (как и письменный) может предполагать наличие анонимного коллектива, от имени которого он распространяется. Сложнее ситуация со слушающими, число которых может варьироваться от одного человека до всего человечества.

Автор отмечает, что эти признаки не следует считать абсолютно независимыми: ситуация, при которой одна сторона только говорит или пишет, другая сторона только слушает или читает, в принципе предполагает множественность, точнее, неопределенное количество слушающих или читающих. «Могут быть, конечно, исключения вроде случая, когда просят пройти из очереди “следующего”, однако подобный речевой акт уже занимает промежуточное положение: ответная реплика возможна и здесь. Взаимный же речевой акт, разумеется, не требует, чтобы собеседников было всегда двое; однако их количество должно быть сравнительно невелико и их состав точно определен» (с. 61).

В зависимости от типа общения могут употребляться или **менять** значение те или иные слова и формы языка. В.М. Алпатов приводит примеры из русского и японского языков. Роли и интересы говорящего и слушающего различны. Говорящий исходит из смысла и создает текст, а слушающий, воспринимая текст, извлекает из него смысл.

Говоря о противоречиях в потребностях между говорящим и слушающим, автор ссылается на работы И.А. Бодуэна де Куртенэ и Е.Д. Поливанова, Р. Якобсона и др.

Говорящий, стремясь выразить тот или иной смысл, обычно не задумывается о том, насколько его речь соответствует норме, и нередко от нее отклоняется. Но его собеседник четко ощущает все то, что для него непривычно. «Поэтому говорящий склонен к новациям, которые могут затем закрепиться и языке, а слушающий склонен к консерватизму, поэтому закрепляется не все» (с. 65).

Потребности говорящего и слушающего нередко противоречат друг другу. Однако эти противоречия, как и многие другие противоречия, объективно существующие в языке, способствуют развитию языка.

В главе «Основные вопросы лингвистики и пути их решения» исследователь говорит, что сильно огрубляя и схематизируя круг проблем лингвистики, их можно свести к трем главным вопросам: «Как устроен язык?», «Как функционирует язык?» и «Как развивается язык?».

Из этих вопросов первый, поднятый еще Панини и александрийцами, изучен лучше всего, хотя многое еще остается неясным. Существуют развитые научные теории, предложенные в структурной и генеративной лингвистике, детально разработаны и методы работы с языковым материалом. Много занималась лингвистика и третьим вопросом, «здесь, однако, имеется значительный разрыв между прекрасно разработанными методами (сравнительно-историческим и филологическим) и весьма скудной и уязвимой для критики теорией языковых изменений» (с. 69). Вопрос же о функционировании языка, неоднократно ставившийся в науке, и сейчас изучен крайне слабо, хотя за последние 20–30 лет его исследование активизировалось.

Отмечается, что лингвистические традиции, ставя перед собой те или иные практические задачи, неизбежно обращались к

изучению структуры языка. По сути, наука о языке с самого начала была структурной, несмотря на то что этот структурный анализ был еще несовершенным и многого не охватывал. Метод работы с языковым материалом мог быть тщательно разработанным, как у Панини. В Европе он также совершенствовался, хотя и не дошел до такого уровня, как в Индии или у арабов. Начиная со схоластов XIII–XIV вв., предпринимались и попытки построения тех или иных теорий структуры и функционирования языка. Одну из самых интересных можно видеть в «Грамматике Пор-Рояля». Однако с начала XVIII в. вплоть до начала XX в. методы работы с языковым материалом, кроме методов, подчиненных историческим задачам, совершенствовались мало, а лингвистические теории почти не создавались, хотя накопление фактов имело место. В это время наука обратилась к изучению ранее игнорировавшегося вопроса: «Как развивается язык?» Долго казалось, что именно он – главный или даже единственный объект изучения языкознания. Лишь в конце XIX в. и начале XX в. вопрос об устройстве языка вновь начал ставиться всерьез. В связи с этим автор выделяет двух замечательных русско-польских ученых – Николая Вячеславовича Крушевского (1851–1887) и Ивана Александровича Бодуэна де Куртене (1845–1929), а также датского лингвиста Отто Есперсена (1863–1943).

Указывается что, несмотря на критику самой идеи языка как системы правил (В. Гумбольдт, В. Волошинов и М. Бахтин и др.), важность такого подхода к языку неоспорима. Однако нельзя считать этот подход единственно возможным и исчерпывающим.

Автор замечает, что «самое главное то, что система порождения речи – это действительно набор правил, оперирующих с исходным словарем первичных элементов. В соответствии с этими правилами, первичные элементы могут модифицироваться (морфология) и сочетаться между собой (синтаксис)» (с. 71). В результате получаются высказывания. Такой подход в неявной форме содержался еще у Панини, а наиболее четко он сформулирован у Н. Хомского в его генеративной лингвистике. Однако «генеративный подход не надо понимать как модель деятельности говорящего (против этого предостерегал сам Хомский), но он представляет собой попытку сформулировать правила, аналогичные тем, которыми пользуется носитель языка» (там же). Правила грамматики носи-

тель языка, уже ими овладевший, использует бессознательно, автоматически. Это относится и к говорящему, и к слушающему.

Отмечается, что изучение правил, на основании которых говорящий преобразует смысл в текст, используя исходные единицы, преобразуемые и комбинируемые необходимым образом, а слушающий движется в обратном направлении, совершенно необходимо. В то же время нельзя сводить изучение языка к изучению правил. А именно к этому сводили свои задачи представители структурной лингвистики. Некоторые структуралисты, например американский ученый Зелик Харрис (1909–1992), шли еще дальше и отказывались от изучения языкового значения, сводя лингвистику к изучению регулярностей в распределении звуков и звуковых последовательностей. Такой путь получил название «дешифровочного подхода» (с. 72). Он имитирует деятельность дешифровщика на раннем этапе работы, когда смысл изучаемого текста еще неизвестен. Но ясно, что он крайне сужает исследовательские возможности лингвиста, а отказ от изучения значения просто иллюзия: «лингвист изучал регулярные явления в языке, совершенно ему неизвестном, но при этом задавал вопросы двуязычному носителю этого языка (информанту), который, разумеется, опирался на значения известных ему слов и грамматических конструкций» (с. 72).

В.М. Алпатов отмечает, что и более умеренные структуралисты, не отказывавшиеся от изучения значения, исследовали лишь небольшую часть лингвистических проблем. Они, в сущности, унаследовали очень давнюю традицию, но ограничили область своих исследований осознанно и строго. Автор ссылается на швейцарского последователя Ф. Соссюра и одного из издателей (вместе с А. Сеше) его знаменитой книги Шарля Балли (1865–1947).

В заключение главы автор отмечает, что как часто бывает в истории науки, такое сужение проблематики на каком-то этапе даже полезно: ученые сосредоточиваются на сравнительно узком секторе с четко очерченными границами, что дает возможность значительно уйти вперед в изучении проблематики внутри этого «плацдарма» (с. 73). Поэтому введенное Соссюром жесткое разграничение языка и речи было шагом вперед для своего времени.

В главе «Общее и особенное в языках» говорится о том, что идея сравнения языков появилась в европейской науке сравнительно поздно. Лишь в XVI–XVII вв., когда уже был накоплен материал

по ряду языков, прежде всего европейских, была поставлена задача разграничения общих свойств языка и особенностей конкретных языков. В «Грамматике Пор-Рояля» была четко сформулирована идея о том, что существует общая логическая структура для всех языков. Однако в конкретных языках она может отражаться по-разному, иногда прямо, а иногда довольно сложным образом. Каждый язык выражает некоторое мыслительное содержание, в принципе единое для человечества; это содержание должно передаваться везде, но не все свойства конкретных языков соотносятся с этим содержанием. Идеи, высказанные в XVII в., были очень глубокими, но ограниченным был языковой материал, которым тогда владели в Европе. Авторы «Грамматики Пор-Рояля» в основном использовали лишь материал латинского и французского языков, в меньшей степени – древнегреческого, испанского и итальянского. Универсальная логическая система понималась как контаминация систем реальных языков Европы, включая древние.

В XVII–XVIII вв. еще не поднимался вопрос о систематическом сравнении языков по их свойствам. Его поставили в начале XIX в. в Германии братья Август (1767–1845) и Фридрих (1772–1829) Шлегели, а затем Вильгельм фон Гумбольдт. Они заложили основы лингвистической дисциплины, которую сейчас принято называть типологией. В ней сопоставляются языки вне зависимости от родственных связей, на основании их структурных свойств. Ученые-типологи выявляют и общие свойства всех языков, и индивидуальные особенности отдельных языков, но более всего их интересуют промежуточные явления: те или иные черты, которые встречаются не во всех, но во многих языках мира. В типологии языки сопоставляются по различным параметрам, которые могут принимать разные значения, а также по отношениям между этими параметрами.

Братья Шлегели разделили языки на флективные, агглютинативные и аморфные (последние были позже переименованы в изолирующие). В. Гумбольдт добавил еще один класс – инкорпорирующие языки. Эти понятия до сих пор, несмотря ни на что, сохранились в лингвистике.

Флективные, агглютинативные и изолирующие языки образуют некоторую шкалу, где класс агглютинативных языков как бы находится посередине между двумя другими. Каждый из классов

обладает некоторой совокупностью признаков, в основном морфологических. Эталонные флективные языки – древние индоевропейские, близок к этому эталону и русский язык. В этих языках хорошо выделяются слова; каждое слово грамматически оформлено, распадаясь на корень и аффиксы; значимые части слова тесно срastаются друг с другом; одним и тем же аффиксом выражаются разные грамматические категории. Эталонные агглютинативные языки – тюркские и монгольские; близки к ним по строю финно-угорские, дравидийские, отчасти корейский и японский. В этих языках слово также состоит из корня (корней) и аффиксов, но связь между ними менее тесна, и их границы очевидны; в связи с этим не столь очевидны границы слов и различия между аффиксами и служебными словами; аффикс обычно обозначает лишь одну грамматическую категорию. В изолирующих же языках (китайский, вьетнамский и др.) слова обычно грамматически не оформлены и имеется тенденция к совпадению корня со словом (в ряде этих языков есть и служебные слова, с трудом отделимые от знаменательных); аффиксы и обязательные грамматические категории отсутствуют, а грамматические отношения передаются порядком слов и служебными словами. Инкорпорирующие языки не стоят в одном ряду с другими классами. К ним относят, например, чукотский язык, некоторые языки индейцев Северной Америки. В этих языках слово часто совпадает с предложением: в глагол включаются элементы, обозначающие подлежащее и дополнения (с. 107).

Автор отмечает, что, как и другие лингвистические дисциплины, типология переживала времена подъема и упадка. Ее возрождение началась в 1921 г., когда появилась книга Э. Сепира «Язык». В 1920–1930-е годы были выдвинуты две важные идеи, изменившие характер типологии. В отличие от ученых XIX в., для которых типологическая классификация языков была принципиально единой, отражавшей стадии движения человеческого духа, Сепир определил такую классификацию как выделение разных параметров, свободно комбинирующихся друг с другом. Это, в частности, позволило найти место инкорпорирующим языкам, которые не вписывались в традиционную шкалу. Если флективные (фузионные, в терминах Сепира), агглютинативные и изолирующие языки противопоставлены по степени спаянности морфем между собой, то инкорпорирующие языки (названные Сепиром полисинтетиче-

скими) имеют максимальное значение по признаку выражения грамматических значений внутри слова. Им противопоставлены синтетические языки (русский, турецкий), где слово обычно грамматически оформлено, но подлежащее и дополнения выражаются отдельными словами, и аналитические (китайский, английский), где грамматические отношения обычно выражаются вне слова.

В.М. Алпатов отмечает, что в 1930-е годы чешский лингвист Владимир Скаличка (1909–1991) выдвинул другую важную идею – языка-эталона. Раньше считалось, что языки делятся на классы, и каждый язык относится к какому-то из классов. Однако в языках, как правило, сосуществуют черты разных типов. Скаличка выделил изолирующий, флективный и прочие эталоны как набор признаков, которые по-разному могут присутствовать в реальных языках. Языки редко полностью соответствуют этим эталонам, но по-разному к ним приближаются. В эти же годы типология перестала быть дисциплиной, основывавшейся лишь на морфологии. Появились фонологические, синтаксические классификации языков. Одним из основателей синтаксической типологии стал советский языковед, академик Иван Иванович Мещанинов (1883–1967).

Автор отмечает, что для развития типологических исследований есть два очень существенных препятствия. Хотя количество исследуемых языков всегда росло и сейчас несопоставимо со временами «Граматики Пор-Рояля», для ученых, занимающихся типологией, всегда очень трудно решить, насколько его исследование охватывает все языки или хотя бы представительную их часть. На Земле еще есть неизученные территории, где могут найтись абсолютно неизвестные языки. Особенно это относится к джунглям Амазонки и к Новой Гвинее. Но даже если язык известен по названию, он может быть совсем не описан. В Юго-Восточной Азии и на юге Китая есть языки, имеющие более миллиона носителей, о которых лингвистам совсем ничего неизвестно. Но даже в случае, когда описания того или иного языка существуют, возникает вопрос о сопоставимости описаний разных языков. Автор приводит пример с так называемым инструментальным, «орудийным» падежом (с. 109).

Отмечается, что необходимо учитывать то, что привычная для нас лингвистическая терминология формировалась на материале древнегреческого и латинского языков, затем вошла в другие языки Европы. В грамматике европейских языков имеется немало

черт общего происхождения. Автор приводит многочисленные примеры, иллюстрирующие трудности употребления времен в разнотипных языках.

Тем не менее несмотря на такого рода трудности лингвистика XX в. значительно расширила свои горизонты за счет материала большого числа языков разного строя.

При этом привычные термины и схемы описания продолжают сохраняться. Как пишет автор, отказываться от них нецелесообразно, но материал иных языков требует их уточнения.

В заключение главы автор выражает мнение, что отнюдь не все проблемы описания языков решены. «Введение в оборот нового материала (как материала неизвестных языков, так и фактов, ранее не замечавшихся в известных языках) может увеличить хаос в науке, который преодолевается построением разного рода объяснительных теорий и моделей, упорядочивающих этот материал. Лингвистическая типология за последние десятилетия значительно продвинулась вперед. И многие полученные результаты интересны» (с. 113).

В главе «Функции языка» автор рассуждает о том, как лингвисты изучают важнейший и самый сложный вопрос: «Как функционирует язык?» Отмечается, что на этот счет существует немало гипотез и теоретических рассуждений, но разработанных методов работы с материалом пока недостаточно.

Первый вопрос, который следует рассмотреть, уже давно поднимавшийся, состоит в том, для чего человеку нужен язык.

Большинство ученых XIX и XX вв. считали, что язык, прежде всего, является средством общения между людьми. В этом случае говорят о коммуникативной функции языка.

Э. Сепир, занимавшийся не только типологией, но и функционированием языка, не отрицая, разумеется, коммуникативной функции языка, выдвинул на первый план и другую функцию, названную им символической (теперь ее чаще называют когнитивной, т.е. познавательной). Таким образом, язык, прежде всего, – средство приобретения и закрепления опыта людей, человеческого познания мира. Сепир обращал внимание и на другие функции языка: «Язык – мощный фактор социализации. Может быть, самый мощный из существующих» (с. 150). Функция, отмеченная Э. Сепиром и позже названная Р. Якобсоном фатической, направлена, как указывал Сепир, на установление социального контакта между членами временно образуемой группы.

Р. Якобсон, развивавший идеи Сепира, отстаивал высказанную им в 1920-е годы идею о существовании еще одной функции языка – поэтической (Сепир ее не выделял). Эта функция направлена не непосредственно к собеседнику, а «к самому знаку», т.е. самостоятельную значимость приобретают свойства самого языка, особенно фонетические и интонационные: подбор и сочетаемость звуков, чередование ударных и безударных слогов, соответствия звуков друг другу (в частности, рифма), интонационные контуры и т.д.

В заключение книги В.М. Алпатов отмечает, что «в кратком очерке мы не смогли охватить даже небольшую часть актуальных проблем лингвистики. Мы старались выделить главное, но, конечно, наш подход очень субъективен, и другие лингвисты укажут на многие пробелы и посчитают, что в первую очередь надо было бы отметить совсем другое. Однако вряд ли можно в таком очерке чего-то не упустить. В нашу задачу входило лишь выделить основные, с нашей точки зрения, проблемы, стоящие перед наукой о языке начиная с ее истоков и кончая нашими днями, рассмотреть как “вечные” проблемы, так и проблемы, появившиеся лишь недавно, сопоставить идеи, выдвигавшиеся учеными разного времени. Лингвистика – очень старая, существующая не одно тысячелетие наука, но в то же время именно сейчас ее горизонты значительно раздвинулись и продолжают раздвигаться» (с. 237).

Э.Б. Яковлева

2019.01.003. МАЛЕВИНСКИЙ С.О. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МИФЫ И ОСНОВАНИЯ РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ. – М.: Флинта: Наука, 2017. – 224 с.

Ключевые слова: языковая система; речепорождение; мемориальная лингвоструктура человека; лингвосознание; языковая гибридность; языковой стиль; языковая этикетность; речетип; языковая личность; фонема; координация.

Малевинский Сергей Октябревич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания Кубанского гос. ун-та, специалист в области русистики¹.

¹ Автор работ: Семантические поля порока и добродетели в языковом сознании современной студенческой молодежи. – Режим доступа: <http://e-catalog.nlb.by/Record/BY-NLB-br0000384373>; и др.

В монографии аргументируется точка зрения, согласно которой нерешенность многих имеющихся в лингвистике теоретических проблем обусловлена представлением о языке как имеющей наличное бытие знаковой системе. Автор полагает, что «понятие языка представляет собой чисто виртуальный, гипостезируемый объект и является типичной научной мифологемой» (с. 2).

Книга состоит из предисловия, 12 глав («Миф о языке», «Системность. Чего?», «Формы существования языка или типы речи», «Речетипы гибридного характера», «Мифы о стилях», «Языковая личность: Миф или реальность?», «Блуждание в оценках», «Семантические типы полнозначительных слов», «Структурная организация семантики дескрипционного слова», «Миф о координации», «Вопрос о языковой картине мира») и заключения.

В предисловии уточняется понятие мифа как «измышлений нашего разума, которые претендуют на обладание какой-то объяснительной функцией, с помощью которых люди пытаются объяснить то, что не представляется им эмпирически очевидным» (с. 3). Мифы и мифологемы (мифологические представления) могут отражать донаучные, т.е. наивные представления и, соответственно, быть представлены в сферах наивного знания, в том числе и в наивной лингвистике. К ним автор относит и само понятие языка как некой особой субстанции, способной существовать сама по себе в качестве особой, независимой сущности. С некоторых пор она стала осмысливаться как строго организованная система звуковых, фонетически оформленных сигналов – языковых знаков, а ее наличное бытие стало локализовываться на уровне человеческой памяти и человеческого сознания, что, на взгляд С.О. Малевинского, является теоретическим нонсенсом, «ибо в сознании и памяти нет и не может быть никаких выступающих в качестве знаков звуковых комплексов, а есть лишь свойственные людям представления о них» (с. 5). Слова, словоформы, фразеологические обороты не хранятся в памяти человека, а создаются в процессе речепорождения каждый раз заново на основе речепроизводственных моделей. Память – это не хранилище готовых чувственных образов, а человеческая способность к их распознаванию и воспроизведению. Всю совокупность структур человеческой памяти автор квалифицирует как «индивидуальную мемориальную лингвоструктуру человека» (с. 21) и видит задачу лингвистов в исследовании реально существ-

вующих явлений: речевой деятельности человека и обуславливающих ее психофизических феноменов, а также отдельных сегментов речевого потока (именуемых единицами языка).

Особый вред лингвистике нанесло, по мнению автора, положение о системном характере языка, основанное на допущении, согласно которому, что если реально существуют системные отношения между единицами, то должны быть и сами единицы. Языковая система – это чисто виртуальный объект, построенный как результат двух мыслительных действий – «разделения речевого потока (или текста) на отдельные сегменты (речевые единицы) с последующим обобщением выделенных сегментов и объединением их в определенные инвариантные образования» (с. 9). Указывается, что онтологический статус языка как не реального, а чисто виртуального образования осознавался немногими лингвистами, к которым относятся, например, Бодуэн де Куртенэ¹ и Й. Коржинек².

Характеризуя трактовку парадигматики языка Фердинандом де Соссюром, С.О. Малевинский отмечает, что парадигматические отношения между звучащими единицами языка представляют собой только черты сходства и различия во внешнем облике и семантике этих единиц. Эти отношения не существуют как реальные связи и мыслятся как некая виртуальная данность в рамках языка как виртуальной системы. Отношения же между представлениями о звучащих знаках на уровне индивидуальной мемориальной лингвоструктуры носит систематизированный характер.

Наиболее удачной концепцией по организации семантической (понятийной) памяти человека автор считает концепцию семантического поля как совокупности лексем, объединенных общностью семантических компонентов не только в их понятийном содержании, но и в сфере ассоциаций.

Критикуется выделение в традиционной лингвистике форм существования языка (литературного языка, диалектов, койне, городского просторечия и жаргонов), поскольку не все они (прежде всего, жаргоны) могут претендовать на статус полноценной языковой системы, представляя собой лишь определенные лексические

¹ Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. – М., 1963. – Т. 1. – С. 75, 77.

² Коржинек Й. – Цит. по: Березин Ф.М. История лингвистических учений. – М., 1975. – С. 217.

пласты, ограниченные речевой практикой конкретной социальной общности. С.О. Малевинский считает, что в этой концепции произошла подмена понятий речи – на язык, социально ограниченного речетипа – на социально обусловленную форму существования языка.

Рассматривается проблема гибридности в языке. При этом подчеркивается, что на основе гибридизации создаются не только пиджины: «некоторые европейские этнические речетипы, начиная с индоевропейского и заканчивая современным английским, суть не что иное, как гибридные образования, представляющие собой результаты исторического взаимодействия (смешения) речетипов народов-мигрантов и народов-аборигенов» (с. 71).

С.О. Малевинский считает мифом существование языковых стилей как особых форм языка, так как: 1) стилистически маркированные единицы не образуют самодостаточных коммуникативных систем; 2) не существует стилистически абсолютно чистой речи; 3) язык – это виртуальный объект, не существующий в реальной действительности, и выделение в нем особых подсистем бессмысленно. Функциональные стили могут выделяться и описываться только как речевые явления, определяемые как «интегральные свойства определенных речетипов, заключающие в себе все обуславливающие своеобразие этих речетипов формальные и содержательные признаки» (с. 91–92). Функциональные речевые стили соотносятся с различными частными речетипами в рамках общеэтнических речетипов. Автор считает целесообразным говорить о стилях «только тогда, когда какой-либо речевой коллектив, обладающий своим собственным речетипом, использует все разновидности этого речетипа, варьируя их в зависимости от ситуаций, сфер и целей речевой коммуникации» (с. 92).

Предлагается следующая классификация речевых стилей на основе признака языковой этикетности: 1) общеэтикетный (литературный) стиль, главной чертой которого является избегание сниженных речевых средств; 2) частные этикетные стили, т.е. научный, официально-деловой, публицистический, литературно-художественный, церковно-религиозный и обиходно-бытовой; 3) частные жанровые стили, например стили научного сообщения или научной дискуссии в рамках научного этикетного стиля; 4) неэтикетные стили, т.е. фамильярный (неофициальный), соотносимый с такими

жанрами, как приятельская беседа, анекдот, шуточный разговор; отмечается все более интенсивное проникновение фамильярного стиля в художественную литературу и публицистику.

Мифом автор считает также и понятие языковой личности¹, потому что подразумеваемый феномен определяется только по совокупности произведенных индивидуумом текстов, т.е. продуктов его речевой деятельности. Более адекватным был бы термин «речевая или коммуникативная личность» (с. 116), в индивидуальной мемориальной линвоструктуре которой зафиксированы умения и навыки говорения, чтения, письма, а также лингвориторические компетенции. Сюда же С.О. Малевинский относит «лингвосознание»² (с. 116), т.е. систему человеческих представлений о коммуникативных единицах, вычленяемых из потока речи.

Автор оспаривает также существование фонем как предельно простых и далее неразложимых единиц системы языка, так как до сих пор не решен вопрос о соотношении фонем и звуков речи как минимальных акустических сегментов, вычленяемых из речевого потока.

Обращаясь к проблемам семантики, автор подробно останавливается на структуре дескрипционных лексем как количественно преобладающих лексических единиц речи, поскольку «только дескрипционные значения могут рассматриваться как смысловые феномены понятийного характера» (с. 154). Констатируется, что семантическая структура полнозначного дескрипционного слова может быть представлена в виде следующих информационных блоков, объединяющих все возможные виды смыслов, присущих данному слову: 1) понятийного содержания слова; 2) сопутствующих смыслов, представляющих собой знания, мнения, эмоциональные и другие оценочные значения, ассоциирующиеся в сознании людей с выражаемыми словами понятиями; 3) смыслов, относящихся к сфере коннотации (сем, составляющих эмоционально-экспрессивную окрашенность слов, а также элементов образности и т.д.); «в отличие от сопутствующих смыслов коннотативные смысловые образования конвенционально закреплены за словом

¹ Указывается, что это понятие было введено К. Фосслером (с. 112). – *Прим. реф.*

² Автор использует словообразовательный элемент *лингво-*, так как латинское *lingua* обозначает не только «язык», но и «речь». – *Прим. реф.*

или же формально эксплицированы в его “звуковой оболочке”» (с. 168).

С.О. Малевинский возражает против понятия координации, введенного в теорию синтаксиса Н.Ю. Шведовой¹ для интерпретации грамматической связи между главными членами простого двусоставного (подлежащно-сказуемого) предложения, которая традиционно трактовалась как односторонняя синтаксическая зависимость сказуемого от подлежащего, т.е. как подчинительная связь на уровне словоформ. С.О. Малевинский считает «бесмысленным противопоставление синтаксических связей между двумя словоформами (каковой действительно является связь между сказуемым и подлежащим) и между словом (или лексемой) и словоформой (каковой является согласование). В речевом потоке все синтаксические связи, имеющиеся внутри предложений, возникают между словоформами и связывают именно словоформы, а не слова» (с. 172).

Неточность видит С.О. Малевинский и в утверждении Н.Ю. Шведовой о том, что структуры, образуемые на основе координации (предикативные основы предложений), имеют грамматические формы, свойственные именно уровню предложения. «Реальные предложения и их грамматические основы, будучи речевыми образованиями и сегментами, вычленимыми из потока речи или текста, не имеют никаких наборов грамматических форм. Каждое конкретное предложение обладает одной-единственной формой, предопределяемой свойственными ему значениями объективной модальности и синтаксического времени, – той формой, в которую оно облачается при собственном порождении» (с. 173).

Популярность понятия языковой картины мира автор объясняет искусственным раздуванием мифологемы о каком-то принципиальном отличии русского национального менталитета от западного. Возникает вопрос: может ли вообще существовать какая-то связанная с языком картина мира, если самого языка как такового не существует? Однако автор признает, что картина мира, складывающаяся из ментальных образований, ассоциируемых с представлениями, отражающими речевые сегменты, все же имеется.

¹ Шведова Н.Ю. Согласование и координация: Их сходства и различия // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. – М., 1971. – С. 312–319.

С.О. Малевинский полагает, что «рассматривать эту картину нужно как семантическую часть не языка, а индивидуальной мемориальной лингвоструктуры человеческого индивида» (с. 184), т.е. структуры, включающей в себя осознаваемые и подсознательные компоненты. Говоря о вербальной картине мира не только как об индивидуально-психическом, но и как о социальном феномене, следует иметь в виду не столько концептуальное, сколько понятийное содержание дескрипционных слов, учитывая лексические значения компаративных и оценочных слов и значения грамматических форм и синтаксических структурных схем. Именно эти семантические феномены образуют смысловую основу, своего рода структурный костяк вербальной картины мира не только на уровне мемориальной лингвоструктуры отдельно взятого человеческого индивида, но и в лингвосознании и речевом менталитете целого народа.

В разделе «Заключение» подчеркивается, что трудно определить природу речевых и психических явлений, если «приписывать им существование и какое-то строго определенное место в виртуальной, никем и никогда не виданной и лишь гипотетически конструируемой системе языка» (с. 219).

Н.Н. Трошина

ПСИХОЛИНГВИСТИКА

2019.01.004. БУТАКОВА Л.О., ГУЦ Е.Н., КОЗЛОВСКАЯ Е.А. ДЕТСТВО В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА: Комплексный анализ ценностных фрагментов языкового сознания и институциональных коммуникаций. – Омск: Издательский дом «Наука», 2018. – 446 с.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент; дискурс; языковое сознание; речевая компетенция; институциональный дискурс; ассоциативно-семантическое поле; метод семантического дифференциала.

Монография выполнена на кафедре русского языка, славянского и классического языкознания Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского по результатам исследования «Детство в дискурсивном пространстве региона: комплексный

анализ институциональных и персональных коммуникаций с участием ребенка»¹.

Проблема влияния коммуникативной среды на языковую личность дошкольника, младшего и среднего школьника (от 5 до 14 лет) принадлежит к кругу проблем, для постановки и решения которых требуется комплексный подход (определение качества, характера, способов влияния дискурсивного пространства на сознание незрелых носителей русского языка требует психолингвистических, социолингвистических, лингвистических методов и методик). Проведенное группой авторов исследование объединяет теоретические и экспериментальные способы изучения языкового сознания детей дошкольного и разного школьного возрастов, изучение уровней развития их языковой способности и речевой компетенции. Теоретическим основанием серии экспериментов послужил подход к языку как достоянию его носителей, выявляемому с помощью сопоставления ассоциативных, семантических, рецептивных данных, а также текстов сочинений и эссе на свободные и заданные темы. Исследование перечисленного материала осуществляется в режиме однократной, повторяющейся и трендовой фиксации с целью определения характера влияния коммуникативной среды на языковую личность детей от 5 до 14 лет.

Принципиальным для авторского коллектива было совершенствование методик психолингвистических экспериментов, поэтому к одной аудитории и одному стимульному материалу применялись разные типы ассоциативных и семантических методик. Это позволило экспериментально задать разные режимы речевой деятельности и получить сопоставимые базы данных, на основе которых моделировались способы актуализации определенных зон языкового сознания. Кроме того, материал позволил использовать разные способы анализа ассоциативных и семантических полей (построение моделей концепта, семантического гештальта, когнитивной структуры ассоциативного поля, модели психологического значения как структуры семантического поля; моделирование эмоционально-чувственного и цветового значения слова).

Авторский коллектив при смене режимов речевой деятельности исходил из следующих социальных тенденций.

¹ Проект поддержан грантом РФФИ № 15-04-00325 а.

1. Современные школьники и старшие дошкольники живут и формируются в быстро меняющемся мире, насыщенном разнообразными мультимодальными сведениями. Объективным фактом стало значительное изменение характера информационной среды, в настоящее время поликодовой, способов и скорости трансляции сведений / информации, легкость ее получения и возможность выбора адресатом. Виртуальная информационная среда безусловно доминирует в сознании детей над традиционной «книжностью» и пр.

2. У детей раннего дошкольного возраста появилась возможность участвовать в коммуникативных событиях глобального масштаба посредством сети Интернет, и возраст «приобщения к Всемирной паутине» снижается дальше.

3. Коммуникативное пространство взрослых пронизано существованием и даже «борьбой дискурсов», в которой немалая роль принадлежит рекламному, развлекательному и событийно-новостному типам. Они далеко не всегда ориентированы на базовые ценности русских, их модели речевого поведения и способы трансляции ценностей. Коммуникативное пространство, осваиваемое ребенком через Интернет, в этом случае не является исключением.

4. Изменение форм взрослого общения разных типов и взрослого досуга закономерно повлекли за собой изменение форм детского досуга, обусловили трансформации коммуникативной ситуации, ее составляющих, форматов и качества предоставления информации и др.

5. Изменились официальные представления о школьном и дошкольном образовании. Так, введена модель идеального ученика, соответствующая образовательным стандартам n-го поколения, формат ЕГЭ в начальной школе, произведена формальная возрастная градация произведений для детей и юношества. Это определило и иное содержание учебного дискурса, представленного обновленным составом художественных и нехудожественных текстов в учебных программах по гуманитарным предметам, книгами для дошкольников, разработанными с учетом ФГОС дошкольного образования и др.

Все перечисленное находит закономерное отражение в смысловом содержании текущих коммуникаций (институциональных и персональных), формирующих в значительной степени языковое

сознание детей. В связи с этим было важно определить роль конкретных институциональных и персональных дискурсов в формировании детской языковой личности, а для этого выявить приоритетные для нее дискурсы, установить их содержание, интенциональную структуру. Это, в свою очередь, потребовало анализа типичных коммуникативных реакций детей на актуальные для них компоненты дискурсивного пространства.

Дети включаются в дискурсивное пространство региона как потенциальные (моделируемые взрослыми) и реальные участники коммуникаций. К первым относятся целевые адресаты институциональных детских дискурсов: праздничного, учебно-развивающего, учебного, массмедийного. На них сориентированы вербальные составляющие сценариев праздников, «учебники» для малышей, вербализуемые прецедентные феномены на упаковках детских игр, на обложках альбомов, книжек-раскрасок, школьных дневников; вербальное содержание телепередач и печатных изданий для детей и т.д. Ко вторым относятся реальные участники институциональных и персональных дискурсов, создающие устные и письменные речевые произведения в рамках учебно-воспитательного, семейного, дружеского дискурсов.

Представленный в монографии исследовательский проект предполагал смысловое сопоставление дискурсов для детей (ребенок – «клиент») и дискурсов детей (ребенок – «агент») с целью выявления влияния первых на вторые. При этом акцентирована проблема реконструкции значимых фрагментов языкового сознания школьников на основе результатов психолингвистических экспериментов. Данные экспериментов стали основанием и для определения уровня языковой способности и речевой компетенции детей. Материалом на различных этапах исследования послужили: тексты сочинений на заданные темы; мультсериалы, рекламные ролики товаров и продуктов питания для детей, институциональный дискурс учебных программ и учебников в аспекте их восприятия; сайты театров города Омска и Омской области, имеющих детский сегмент репертуара; сайты организаций, предоставляющих услуги по проведению детских праздников (ивент-агентств), сайты спортивных школ и команд для детей.

В структурном и содержательном отношении монография делится на две большие части. В первой части формулируется и

решается проблема психолингвистического описания значения как достояния невзрослого носителя языка на основе проведенных экспериментов. Разделы этой части посвящены реконструкции смыслового состава лексем, отражающих ценностные фрагменты языкового сознания невзрослых носителей языка. Это позволяет установить типы семантических связей в ментальном лексиконе, выявить наличие / отсутствие влияния информационной среды на представителей поколения россиян, рожденных в «нулевые» годы XXI в. Поскольку теоретическим основанием исследования является представление о семантике слова как достояния индивида, «живого знания», активного участника в создании «живого мультимодального гипертекста»¹, термины «языковое сознание», «ментальный лексикон», «ассоциативно-вербальная сеть» используются как интегративные понятия, способные обеспечить процессы моделирования содержания сознания.

По результатам проведенного комплексного исследования детство в дискурсивном пространстве региона имеет следующие характеристики.

По основанию «субъект речи» выделяется детский дискурс, маркированный по следующим признакам: социальный статус говорящего, его стратегии, интенции, ценности, тематический и жанровый репертуар, язык.

Детский дискурс функционирует в сфере персональных (семейных, дружеских) коммуникаций детей дошкольного и младшего школьного возраста. К его сущностным признакам отнесены а) неязыковые: игровые и познавательные стратегии, ценность игры, асимметричность общения со взрослыми («запрос на разрешение»), дискурсивные маркеры с функцией привлечения внимания и др.) и б) языковые: предпочтение прямых высказываний косвенным, эмоциональный язык, включающий окказиональные звукоподражательные слова. Эти выводы сделаны главным образом на материале записей устных разговоров с участием детей.

Авторы выделяют и ряд институциональных дискурсов, адресованных исключительно детям или включающих детскую аудиторию в число своих «клиентов» (учебно-педагогический, просве-

¹ Цит. по: Zalevskaya F. Interfacial theory of word meaning: A psycholinguistic approach. – London: IASHE, 2014. – 180 p. – *Прим. реф.*

тительский, массмедийный, праздничный, рекламный и др.). Анализ этих дискурсов, проведенный на материале письменных, устных, аудиовизуальных текстов (учебников, видеороликов, мультфильмов, рекламных объявлений на сайтах и многих других), позволил сформулировать общее положение о конкуренции (опозиционности) учебно-педагогического и массмедийного дискурсов при наличии некоторых их общих свойств.

В учебно-педагогическом дискурсе преобладает познавательная цель, в детский массмедийный дискурс проникает, занимая в нем прочные позиции, коммерческая (рекламная) стратегия. Посредством учебника школьнику транслируются ценностные категории, характерные для русской национальной ментальности и отвечающие возрастным особенностям ребенка: добро, дружба, смелость, любовь к природе, беспричинная радость, веселье, труд, порядок, хорошая речь, интеллект, ценность детства, юмор.

Развлекательная медиапродукция также транслирует значимые для детей ценностные ориентиры (игра, дружная семья). В противоречие с национальной картиной мира вступают индивидуалистские установки – быть лучшим, не похожим на других (уникальным), быть победителем.

Активное внедрение в детский развлекательный медиадискурс консьюмеристского начала порождает новые медиажанры: рекламные видеоблоги для детей и летсплеи (жанр интернет-сериалов, в которых игроки выкладывают в Интернет видео того, как они играют, и комментируют свой игровой процесс). Вследствие большой популярности жанровые новообразования становятся действенным инструментом формирования у детей ценностей общества потребления.

В целом детское дискурсивное пространство имеет инвариантно-вариативное устройство. Варианты обусловлены объективными социальными характеристиками информантов, социокультурным статусом, мировоззренческо-воспитательными установками родителей (интеллектуальное развитие / обучение бытовым навыкам, принятие интеграционных культурных процессов / социализация в русле русскоязычной культурной традиции, принятие / непринятие гаджетов и др.).

У детей и подростков существуют субъективные представления о дискурсивном пространстве, в котором они находятся.

На основе эксперимента по методу дополнения языкового знака было построено смысловое поле 'говорить', выявлены обычные и / или предпочтительные для школьников типы собеседников, темы общения и другие характеристики коммуникации. Анализ структуры поля выявил, что позиция собеседника, наряду с местоимениями, занята обозначениями членов семьи; позицию темы разговора занимают лексемы ассоциативно-семантической группы 'школа'. В зоне ближней периферии в позиции собеседника находятся имена собственные, в качестве тем названы, в порядке убывания, *выходной, еда, уборка, похвала, одобрение, признание в любви, животные, приказания, просьбы, компьютерные игры, информация, сообщение*. Этот эксперимент, как и свободный ассоциативный эксперимент, показал значимость для детей семейного общения и персональных коммуникаций в целом; преобладание «рутинных» тем, связанных со школой и бытом; переживание собственного социального статуса; выражаемую потребность в одобрении, признании, любви; особенное отношение к животным. По данным экспериментов, в досуговом сегменте жизни ребенка преобладают компьютерные игры (ассоциативные поля «компьютер», «планшет» отражают значимые сегменты языкового сознания, связанные с игрой). Материал «одного речевого дня»¹ разных информантов показал, как социальная среда репрезентирована в языке дискурсов.

В проведенном исследовании авторами применялась методика свободного ассоциативного эксперимента и метод определения понятий. Примененный в разной по возрасту аудитории, семантический метод дал возможность проследить, какие именно формы отражения скрываются за словом, и в какой системе психологических операций реализуется значение слова на каждом этапе развития языкового сознания. Кроме того, он показал, с какими единицами глубинного яруса лексикона связаны стимулы. Результаты

¹ Методика «Один речевой день» разрабатывается в работах: Полевая лингвистическая практика / Асиновский А.С., Богданова Н.В., Бродт И.С., Королева И.В., Русакова М.В., Рыко А.И., Степанова С.Б., Филиппов Н.С., Шерстинова Т.Ю. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2010. – Ч. 2: Методические указания по обработке, многоуровневой разметке и лингвистическому анализу корпуса звучащих текстов на русском языке. – 141 с.; Ермолова О.Б. «Один речевой день говорящего» с точки зрения прагматики // Вестник Пермского ун-та. – 2014. – Вып. 3 (27). – С. 21–30 и др. – *Прим. реф.*

семантического эксперимента – толкования актуальных слов, данные респондентами, – выявили константные и переменные семантические зоны, отличающие семантический гештальт школьников от семантического гештальта студентов. Константами для обоих гешталтов семантического поля «любовь» являются *чувство, боль*, которые выявляются в наглядно-действенном толковании стимула, представленном в синтаксических конструкциях с союзными словами *когда, что*. Помимо общих семантических зон для школьников при определении стимула «любовь» важны семантические зоны «забота» и «субъекты любви» и наглядно-действенное толкование стимула. Для студентов характерны семантические зоны, состоящие из реакций, близких к словарной дефиниции, связанных с вербально-логическим толкованием стимула (*мировоззрение, желание, процесс, понятие*).

Константами для обоих гешталтов семантических полей «жизнь» является *время* и синтаксические конструкции с союзными словами *когда, то, все* (наглядно-действенное толкование стимула). И для студентов, и для школьников характерен тип определения значения через введение слова в систему вербально-логических отношений. Кроме того, школьники реагировали только на одно значение слова-стимула, которое им известно, понятно, актуально для них и легко поддается толкованию.

Анализ сочинений на заданные темы, написанных учащимися 5–7 классов, показал соответствие объема текстов возрастной норме развития языковой способности в нижних и средних ее пределах. Речевые произведения большого объема, сложной смысловой и формальной структуры редки (особенно это касается речи пятиклассников). Возрастное развитие языковой способности происходит за счет оформления аргументативных и рефлексивных стратегий мышления и речи, усложнения синтаксических конструкций. При этом у учащихся 5–7 классов отмечается средний уровень речевой компетенции.

Сопоставление речевых произведений на одну и ту же тему в разных классах выявило нарастание рефлексии пишущих от пятого класса к седьмому и динамику формирования в ментальном лексиконе учащихся риторического канона, соответствующего формату ЕГЭ. Отмечены ограниченный состав концептов и их компонентов, приближение в ряде случаев письменной речи к ее разговорной

форме, структурное упрощение, вариативность написания сетевых форм, увеличение эгоцентрической направленности коммуникации.

Сочинения на тему «Если бы не было компьютеров и планшетов...», написанные школьниками третьих, пятых, шестых классов школ г. Омска, показали направления смыслового ассоциирования: информация, общение, развитие (ум), здоровье, прогулки и игры на свежем воздухе. С наличием либо отсутствием компьютеров и планшетов дети связывают полярные общие и частные оценки жизни, мира, человека; представляют себя жертвами новых технологий, которые не могут управлять происходящим в их жизни. В сочинения включены советы, предостережения, напутствия ровесникам, которые по содержанию пересекаются с рекомендациями на тему «дети и гаджеты» в научно-популярной литературе.

Еще один эффективный метод – метод семантического дифференциала, примененный авторами монографии на разных этапах исследования, – выявил эмоционально-оценочную составляющую восприятия школьниками разных текстов, что позволяет решать как собственно психолингвистические, так и прикладные дидактические и психологические задачи. Было выявлено, что учащиеся 5–6 классов эмоционально «захвачены» художественным произведением; учащиеся 10–11 классов оценивают произведение менее эмоционально. Спустя некоторое время после изучения художественного произведения показатели эмоциональной реакции становятся усредненными и даже приближающимися к нулю во всех возрастных группах, что соответствует известным закономерностям психологии процессов восприятия. При чтении прозаических произведений читатели-школьники обращают внимание на характеры героев, авторскую оценку произведения. Восприятие лирики сопровождается сопереживанием лирическому герою, испытываемые соотносят эмоции лирического героя со своими, обращаются к своему жизненному опыту и впечатлениям.

Метод семантического дифференциала для оценки восприятия русских и американских мультсериалов в разных возрастных группах выявил несовпадение позитивных и негативных областей восприятия мультсериалов у студентов и школьников, разницу проявленных эмоций. Сформированные в детстве стереотипы «своего» и «чужого» у студентов выступают в роли «стабилизаторов» процессов восприятия, определяют регулирование эмоционально-

оценочных интерпретаций в процессе рецепции. В языковом сознании школьников подобные стереотипы, вероятно, отсутствуют, поэтому граница «своего» и «чужого» неочевидна.

На всех этапах проведенного комплексного исследования детства в дискурсивном пространстве региона выявили преобладание нерегиональных черт коммуникативной среды. Это обнаруживается в превалировании рекламных стратегий в разных типах дискурса, адресованных в первую очередь взрослым, в отражении в разных видах текстов современных героев, становящихся прототипами досуговой коммуникации, в появлении ценностных концептов нового времени при сохранении традиционных оценочных и ценностных составляющих менталитета.

В.А. Пицальникова

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

2019.01.005. Л.Р. КОМАЛОВА. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ РЕАЛИЙ В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ. (Обзор)¹.

Ключевые слова: миграция; социолингвистика; языковая ситуация; английский язык; испанский язык; каталонский язык; newspeakerism; newspeakerhood; Латинская Америка; Европа; Ирландия; Италия; Испания; США; обучение языку; языковая компетенция; билингвизм; мультилингвизм; миноритарный язык; язык большинства; польский язык; многонациональное общество; интеграция; социализация; языковая политика.

Специальный выпуск журнала «Cuadernos AISPI. Estudios de lenguas y literaturas hispánicas» (1) посвящен теме массовой миграции испаноязычного населения в Европу и США. Редакторы номера утверждают, что современный этап развития миграционных процессов характеризуется уменьшением числа мигрантов и стабилизацией (или возвратом) иммигрантов первой волны и их потомков. В номере представлены десять статей, которые объединяются в три тематических блока.

¹ Обзор подготовлен в рамках государственного задания по теме «Языковая ситуация и языковая политика в современном мире: Концепции развития языков в условиях глобализации».

1. *Языковая практика мигрантов из Латинской Америки, проживающих на территории Италии.* Языковой контакт между испанским и итальянским языками в целом приводит к тому, что в неформальной коммуникации (в интернет-чатах и на форумах), в разговорной речи все чаще появляются гибридные формы, обусловленные различными видами языковой интерференции. В письменной коммуникации также наблюдается отхождение от орфографических и синтаксических стандартов. Повседневная языковая практика латиноамериканских мигрантов соотносится с концепцией трансязычия¹, так как в спонтанной коммуникации носители языка «смешивают» языковые нормы двух языков в контакте. При этом отмечается, что подобный билингвизм сопровождается определенными трудностями, особенно во время обучения. Например, по сравнению с итальянцами-учащимися 4–5 классов испаноязычные школьники делают много фонологических ошибок. Наряду с этим испаноязычные дети, которые положительно относятся к родному языку, достигают лучших результатов при обучении чтению и письму на итальянском языке. При этом у проживающих в Италии выходцев из Латинской Америки формируется пограничный тип языковой идентичности, который можно выявить, например, на материале художественных произведений писателей-мигрантов.

¹ По мнению З.Г. Прошиной, «термин *трансязычие (translanguaging)*, обозначающий языковую практику билингвов, под которыми понимаются люди, успешно общающиеся на двух и более языках (а, б). <...> трансязычие – это использование всего коммуникативного репертуара говорящего, в результате чего языки и культуры плавно перетекают друг в друга, где-то помогая, а где-то мешая (отсюда представления о трансференции и интерференции). Трансязычие имеет ярко выраженный деятельностный и речетворческий характер, представляя собой новое, творческое, трансформирующее и интегрирующее использование всех имеющихся в распоряжении билингва языковых ресурсов» (в). *Список литературы:* (а) Celic C., Seltzer K. *Translanguaging: A CUNY-NYSIEB Guide for Educators.* – New York: The City University of New York, 2011. – 184 p. (б) García O. *Countering the dual: Transglossia, dynamic bilingualism and translanguaging in education // The global-local interface and hybridity: Exploring language and identity / Rubdi R., Al-sagoff L. (eds.).* – Bristol; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters, 2014. – P. 100–118. (в) Прошина З.Г. Транслингвизм и его прикладное значение // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: Языки и специальность.* – 2017. – Т. 14, № 2. – С. 155–170. – *Прим. реф.*

2. *Языковая практика мигрантов из Латинской Америки, живущих в Испании.* Федеральные СМИ Испании, включая в повестку дня миграционный вопрос, определенным образом формируют представление о миграционных реалиях. Например, по сравнению с заголовками газет в США, где миграция соотносится с представлением о граничащей с США Мексике и президентской кампанией Д. Трампа, газеты Испании освещают события, связанные с миграцией в Европу, используя такие лексемы, как «драма», «Европейская мечта» и «общая политика» в составе стилистических приемов, и таким образом способствуют формированию определенных мнений граждан по миграционному вопросу. И если для первого поколения латиноамериканских мигрантов, ныне проживающих на территории Испании, восприятие угрозы стабильности в связи с низким социальным статусом иммигранта способствовало осмыслению и поддержанию идентичности только этнической группы, то для второго поколения мигрантов-латиноамериканцев характерна сильная тенденция к интеграции в принимающее общество при сохранении сильной национальной идентичности и намерения поддерживать и укреплять эту групповую сплоченность.

3. *Языковая практика испаноговорящих в США.* Отмечается, что крупные телерадиовещательные компании, чтобы объединить испаноговорящие аудитории, делают ставку на «нейтральный» вариант испанского языка – полуискусственную разновидность с преобладанием мексиканского варианта испанского, которая не используется носителями в повседневном общении, т.е. не существует вне пространства СМИ. Данный вариант испанского языка развивается и в связи с поддержкой крупных кинокомпаний, озвучивающих кинофильмы, ориентированные на выходцев из Мексики, проживающих в США. В целом латиноамериканские жители США позитивно относятся к англоговорящим американским политикам, журналистам и актерам, которые используют разговорный испанский в публичных выступлениях, подчеркивая, что данный факт является не только показателем уважения к латиноамериканскому сообществу, но и преимуществом для любого жителя США. Наряду с этим публичные лица – выходцы из Латинской Америки – воспринимаются отрицательно, когда речь идет о формировании негативного образа латиноамериканца. При исследовании речевых предпочтений жителей некоторых городов США определяется, что,

например, разновидность мексиканского варианта испанского языка, бытующая в Лос-Анжелесе, считается более престижной по сравнению с испанским языком, на котором говорят в Сальвадоре, не только для мексиканцев, но и для выходцев из Центральной Америки.

Сборник трудов «Language, identity and migration. Voices from transnational speakers and communities» (2) состоит из 13 статей, пять из которых представляют социолингвистические исследования языковых реалий, связанных с миграционными процессами.

В фокусе внимания Hoare R. в работе «Giving voice to the experiences of children of immigrants in Ireland: An explanatory study of language, identity and emotional well-being» находится мультилингвизм и мультикультурализм. Автор проводит исследование поведения 12 детей в возрасте 10–11 лет, родители которых иммигрировали и осели в Дублине и приходит к выводу, что эти дети проявляют свое языковое и культурное «наследие» в процессе решения творческих задач в ходе школьного обучения. Результаты анализа данных свидетельствуют о том, что мышление детей не является унитарным, каждый испытуемый уникален в выражении своих эмоций.

Pagès M. в работе «Attitudes and identity in the French multicultural foreign language classroom in Ireland: Case studies» представляет результаты исследования по методу case-study, в котором приняли участие два подростка (дети мигрантов), которые родились в Ирландии и изучают французский язык в средней школе. Автор называет социальный контекст, в котором развиваются эти дети, мультикультурным. На основе качественного анализа мотивационных оснований, наблюдения за поведением испытуемых в учебном классе и интервью с их учителями автор описывает влияние социальной среды, в которой происходит самоидентификация подростков, на успешность обучения иностранному языку.

Diskin Ch. в работе «Standard language ideologies in multicultural Ireland: A case study of Polish and Chinese migrants in Dublin» сравнивает отношение к «дублинскому» варианту английского языка живущих в Дублине иммигрантов из Китая и Польши и урожденных ирландцев. Несмотря на различные уровни языковой компетенции и разные мотивы миграции в Ирландию, в ответах информаторов отмечается особое отношение к исследуемому вари-

анту английского языка. Так, при переводе мигранты сталкиваются с определенными сложностями, связанными не столько с уровнем их языковой компетенции, сколько с тем, что им приходится постоянно сравнивать разговорный вариант английского языка, который бытует в Ирландии, со стандартным вариантом английского языка.

В исследовании Kobiałka E. «Language, identity and social class among Polish migrants in Ireland» автор анализирует взаимосвязь между идентичностью и интеграцией польских иммигрантов в Ирландии. На основе 37 социолингвистических интервью по модели У. Лабова изучает информацию о субъективном опыте общения на дублинском варианте английского языка иммигрантов, изучавших английский язык в родной стране. Основное внимание уделяется тому, как мигранты отстаивают свою идентичность, общаясь на иностранном языке, отказываясь от или приобщаясь к местной разновидности английского языка (фонологической системе). Автор обращает внимание на влияние низкого социально-экономического статуса на процесс обучения иностранному языку и приходит к выводу, что не столько низкий уровень языковой компетенции препятствует общению и интеграции, сколько социальный статус говорящего.

Bidzińska В. в статье «Debunking the myth of Poland's monoculturality» переосмысляет представление о Польше как о монокультурном обществе, апеллируя к тому, что благодаря современным миграционным тенденциям страна превратилась в мультикультурное и многонациональное объединение. Автор приводит аргументы в поддержку теории о том, что различные этнические группы, проживающие на территории Польши в результате волны иммиграции, влияют на язык, музыку и литературу принимающей страны, обогащают лексику, развивают морфологию и изменяют произносительную норму польского языка.

В работе (3) предпринята попытка ответить на вопрос о том, используют ли мигранты миноритарный язык принимающего общества. В принимающих мигрантов двуязычных или многоязычных государствах, где различные официальные статусы региональных языков, языков меньшинств и / или языков большинства могут стать причиной социально-политического конфликта, установление

языковых режимов оказалось более сложным¹. В этих странах иностранные мигранты становятся объектом различных дискурсов и кампаний национальных или региональных правительств, конкурирующих за привлечение новых носителей языка в свои языковые проекты². Это означает, что в процессе языковой социализации иммигрантам, возможно, придется научиться управлять социальными смыслами всех этих языков, а также идентичностями, которые локально и глобально соотносятся с каждым из них. С тем чтобы получить легитимный статус в обществах-резидентах, медицинское обслуживание, юридические консультации и телекоммуникационные технологии, мигрантам, в частности, необходимо узнать, что от них требуется в ходе определенных коммуникативных событий на местном (в школе, на рынке и пр.), региональном (например, в миграционной службе) или национальном уровнях, а также в рамках пространств социализации, в которых нормы устанавливают сами мигранты (3, с. 7).

Объектом исследования М. Сабатé-Далмау является языковая адаптация и интеграция мигрантов³ в жизнь билингвального европейского общества (Испании). *Предметом* выступает использование мигрантами миноритарного языка (каталонского).

Двухлетнее качественное исследование проводилось в Каталонии с привлечением двух групп *испытуемых* (23 мигрантов): 1) женщины и мужчины в возрасте 27–52 лет (n = 20), выходцы из Южной Азии, Северной и Центральной Африки, Восточной Европы и Латинской Америки (в основном из Пакистана), попавшие в Каталонию в 2002–2010 г., которые посетили другие страны Европы, были одиноки или жили в Испании с членами своей семьи, некоторые из них не учились в школе, некоторые не знали латинский алфавит, другие хорошо владели письменным английским языком и разговорным языком Дария или Панджаби, большинство из них

¹ O'Rourke B, Pujolar J. New speakers and new processes of speakerness across time and space // Applied Linguistics Review. – 2015. – Vol. 6. – 145–150.

² Pujolar J. Africanwomen in Catalan language courses: Struggles over class, gender and ethnicity in advanced liberalism // Words, worlds and material girls: Language, gender and globalization. – New York: Mouton de Gruyter, 2007. – P. 305–348.

³ Вместо лексемы «мигранты» автор использует номинацию «transnational population» (транснациональное население) – люди, которые являются гражданами одной страны и проживают в другой стране. – *Прим. реф.*

не имели испанского гражданства и были безработными на момент проведения исследования; 2) трое безработных мужчин, выходцев из Ганы в возрасте 40 лет, без гражданства и места жительства, которые путешествовали по Европе и осели в городе в 2008 г., между собой они разговаривали на Ашанти как на лингва-франка и владели другими африканскими языками, английским и некоторыми вариантами арабского, двое из них получили начальное школьное образование в Гане.

Первая группа испытуемых проживает в городе, условно названном автором Вальес, в который после гражданской войны переезжали испаноязычные семьи из южной части Испании. Вторая группа живет в городе, условно названном Аноя. Оба города похожи по размеру и располагаются в часе езды от Барселоны. Оба являются экономическими анклавами, чья промышленность почти рухнула в связи с испанским экономическим кризисом 2008 г. (уровень безработицы составляет 39% среди мигрантов в Каталонии). Согласно последним данным¹, Вальес является одним из городов с самым низким показателем знания каталанского языка (около 60%), в то время как Аноя – одним из самых высоких показателей (около 80%).

Исследование проводится в рамках *концепции ньюспикеризма (newspeakerism – новояза)*, которая возникла в двуязычных сообществах, претерпевающих языковые конфликты, в качестве аналитического инструмента для изучения процессов, в рамках которых «местные» носители языка большинства были вынуждены по своему выбору или по необходимости (заново) осваивать язык меньшинства, посредством формального обучения или погружения в среду. Эти носители назывались или считали себя «новыми носителями» данного языка². Активным агентом социолингвистических преобразований стали индивиды, мобилизующие языковые ресурсы, чье социолингвистическое поведение на разных этапах жизни

¹ Generalitat de Catalunya. Informe de política lingüística. Departament de Cultura, 2015. – Mode of access: <http://llengua.gencat.cat/web/.content/documents/informepl/arxiu/IPL-2015-esp.pdf> (Last accessed 08.12.2016.)

² O'Rourke B., Pujolar J., Ramallo F. New speakers of minority languages: The challenging opportunity – Foreword // International Journal of the Sociology of Language. – 2015. – Vol. 231. – P. 1–20; Puigdevall M. Els nous parlants de llengües minoritàries: Pertinences i legitimitats // Digithum. – 2014. – Vol. 16. – P. 1–5.

выступало основанием для объяснения личного (не) использования языка меньшинств¹. Явление, когда индивид становится «новым носителем» языка называется ньюспикеризм, а языковая идентичность, которая рефлексивируется в рамках ньюспикеризма (отстаивается или осваивается носителями языка), называется ньюспикерхуд (newspeakerhood)².

Цель описываемого исследования заключалась в изучении языка в социальной жизни в обществах, переживающих переход от «локального» билингвизма к «постнациональному» многоязычию, в основном в недостаточно исследованных многоязычных пространствах социализации мигрантов в рамках концепции ньюспикеризма.

Материалом в исследовании выступают переведенные в орфографическую транскрипцию образцы устной диалогической речи мигрантов (общение испытуемых между собой, испытуемых с другими мигрантами), ежедневные и еженедельные полевые записи автора статьи, множество письменных материалов (реклама, письменные сообщения и др.). Интервью с испытуемыми проводились в основном на испанском языке, также использовался каталанский и английский языки.

Мигранты сами первые не упоминали, что они знают каталанский язык. В случае владения миноритарным языком уровень знания был низким как у мигрантов, проживающих в Вальесе, так и у жителей Анои. Испытуемые представлялись как неносители каталанского языка. При этом при переключении автором языкового кода с испанского на каталанский язык испытуемые понимали содержание сообщения, но извинялись за свое скудное знание каталанского.

В статье М. Сабатé-Далмау представляет пять выдержек из языкового материала, дает комментарии по восьми отрывкам ин-

¹ Pujolar J., O'Rourke B. New speakers, non-native speakers: Towards a post-national linguistics. – 2016. – Mode of access: https://www.academia.edu/30325038/Theorizing_the_speaker_and_speakerness_lessons_learned_from_research_on_new_speakers (Last accessed 16.05.2017.)

² Martín Rojo L., Márquez Reiter R. New speakers in a multilingual Europe: Opportunities and challenges. Position paper WG2 – Language and Migration. The New Speakers Network. ISCH Cost Action IS1306.–2014. – Mode of access: <http://www.nspk.org.uk/images/WG2.pdf> (Last accessed 29.11.2016.)

тервью, а также приводит ссылки на обширные заметки о работе с испытуемыми.

В результате анализа языкового материала автор приходит к выводу, что мигранты не представляют себя как новых носителей каталанского языка, не расценивают ресурсы на каталанском как часть своего языкового репертуара, умалчивают о своем испано-каталанском двуязычии, используют этницизмы типа «местные», «аутентичный язык» и атрибутируют себе гибридную идентичность. Мигранты инвестируют в изучение языка большинства, рассматривая испанский язык в качестве единственного языка «интеграции». «Создаваемый» ими испанский язык идеологически основан на моноглоссии стандартного испанского языка Иберийского полуострова (standard Peninsular Spanish¹), хотя на самом деле актуализируется посредством глобального испанского языка (global Spanish) (3, с. 9).

Каталанский как язык меньшинства понимается испытуемыми как иностранный язык, который необходимо дополнительно изучать в утилитарных целях, а не как новый язык, осваиваемый в ходе языковой социализации. Таким образом, каталанский язык воспринимается как язык «транзита», а не «переселения». Испытуемые отрицали или не ставили своей целью использование каталонского ньюспикеризма. Только те, кто хотел обосноваться в Каталонии и получить доступ к рабочим местам нерабочих специальностей, рассматривали каталанский ньюспикеризм как проект на будущее.

Однако на практике многие испытуемые включали каталанский язык в языковую практику. Это стало очевидным при общении мигрантов на испанском с местными жителями в коммуникативных ситуациях, выполняющих контактоустанавливающую функцию (например, ежедневное использование обращения «d'eu» от каталонского «adéu» – «пока / до свидания») (3, с. 14). В письменной речи мигранты использовали каталанскую графему «пу» вместо испанской «ñ», чтобы передать звук /ɲ/ в текстовых сообщениях и рукописных заметках, адресованных местным жителям и иностранцам (там же).

¹ Также известный как испанский язык Испании, не то же самое, что кастильский вариант испанского языка. – *Прим. реф.*

Для мигрантов из исследуемых городов каталанский язык является языком местной элиты, представители которой включены в процесс распределения ресурсов со стороны администрации региона. В Аноэ каталанский язык ассоциировался также с представителями местной общественной религиозной организации, снабжающей мигрантов бесплатными банными принадлежностями и одеждой, и с работниками агентства по временному трудоустройству, которые переводили резюме мигрантов на каталанский язык, чтобы помочь им получить доступ к местному рынку труда.

Таким образом, миноритарный каталанский язык воспринимается мигрантами как аутентичный язык автохтонного населения. Ситуация усугубляется и тем, что местные власти и коммерческие организации поддерживают билингвизм, но допускают использование испанского вместо того, чтобы активно включать каталанский в языковую практику на рабочем месте в городе с преобладающим большинством населения, владеющим каталанским языком. Местные жители-каталонцы в коммуникации с мигрантами переключаются с каталанского на испанский язык. Мигрантами такое переключение воспринимается как попытка местных обособиться от малоимущих мигрантов и «не делиться с ними своим языком» (3, с. 15). Иными словами, каталанский и для мигрантов становится только миноритарным языком, а испанский – языком интеграции, формирующим идентичность жителей Испании.

Список литературы

1. Cuadernos AISPI. Estudios de lenguas y literaturas hispánicas: Migraciones hispánicas: Discurso, sociedad y cognición / Caravedo R., Moreno Fernández F. (eds.). – Roma: Associazione Ispanisti Italiani, 2016. – Vol. 8. – 265 p. – Mode of access: <https://www.ledijournals.com/ojs/index.php/cuadernos/issue/view/81/showToc>
2. Language, identity and migration. Voices from transnational speakers and communities / Regan V., Diskin Ch., Martyn J. (eds.). – Bern; Oxford: Peter Lang, 2016. – 409 p. – Mode of access: <https://doi.org/10.1017/S0047404517000537>
3. Sabaté Dalmau M. Migrants' minority language newspeakism: The pervasiveness of nation state monolingual regimes in transnational contexts // Journal of Sociolinguistics. – Wiley & Sons, 2018. – Vol. 22 (1). – P. 5–28. – Mode of access: <https://doi.org/10.1111/josl.12270>. – Mode of access: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/josl.12270>

ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ПЕРЕВОД, ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

2019.01.006. С.М. ИСАЕВА. О ДИДАКТИКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА: Общий очерк.

Ключевые слова: дидактика перевода; теория художественного перевода; художественный перевод исторических произведений; дидактика художественного перевода.

Дидактика – это раздел педагогики, изучающий вопросы теории образования и обучения. Эта наука изучает закономерности формирования и усвоения навыков, умений и знаний, определяет объем и структуру содержания обучения.

Дидактика перевода – это область педагогической науки, нацеленная на разработку оптимальной модели переводческой компетентности для различных видов перевода. Востребованность данной науки в современном обществе обусловлена необходимостью подготовки большого количества специалистов в области перевода, связанной с «международной гармонизацией образовательных систем, углублением диверсификации требований к результатам переводческой деятельности, стремительным совершенствованием новейших информационно-коммуникационных средств»
(Базылев, 2016, с. 344).

Если рассматривать понятие «дидактика» применительно к процессу художественного перевода, то технологический прогресс, который в настоящее время развивается с несравнимой с прошлыми десятилетиями скоростью, обеспечивающей доступность и простоту использования его продуктов, играет значительную роль в растущем спросе на быстрый перевод художественных произведений. Объявления о выходе тех или иных литературных новинок, особенно с потенциалом на скорую экранизацию, появляются в режиме реального времени если не ежесекундно, то ежечасно. В наш век высоких скоростей, где малейшая задержка может быть связана с крупнейшими финансовыми потерями, проблема подготовки высококвалифицированных специалистов в области художественного перевода, способных в течение минимального времени предоставить качественный перевод находящегося в центре пристального внимания публики произведения как никогда актуальна, ведь количество книг в последнее время только увеличивается. Это связано с

требованиями современного общества – стоит одному произведению в каком-либо жанре стать популярным, как вслед за ним появляется множество аналогичных книг, построенных на тех же принципах. Например, произведения о вампирах были далеко не так широко известны, прежде чем весь мир захватила «Сумеречная сага» С. Майер, однако как только это случилось, издательства во всех странах (в том числе и отечественные) взялись за выпуски таких непереуверенных книжных серий, как «Академия вампиров» (12 томов) Р. Мид, «Дневники вампира» (10 томов) Л.Д. Смит, «Братство черного кинжала» (16 томов) Дж. Р. Уорд, «Вампирские тайны» (13 томов) Ш. Харрис, «Вампирские хроники» (14 томов) Э. Райс, «Дом ночи» Ф.К. Каст (12 томов) и т.п., а одно из издательств запустило целую незаконченную на данный момент серию книг под названием «Тёмная любовь», в которую на настоящий момент входят несколько десятков переводов произведений разных зарубежных авторов. Кроме того, этот ажиотаж работает не только в «вертикальном измерении» – первое, самое популярное, на верхней строчке, а остальные за ним, но так же и в «горизонтальном», под которым мы подразумеваем выпуск менее известных произведений популярного автора, о чем непременно будет упомянуто на обложке: «От автора всемирно известной саги...».

Речь идет о книгах для читателей всех возрастов: и темных фэнтези-сагах с пометкой 16+, и об этюдах «в серых оттенках» для более взрослой аудитории, и сериях для младшего и среднего школьного возраста вроде «Властелина колец», «Хроник Нарнии» и «Гарри Поттера» (популярность последнего несколько не ослабевает даже несмотря на то, что с момента выхода последней книги основной части серии прошло больше десяти лет). Недавно одно из отечественных издательств выкупило права на серию книг о юном волшебнике, и приняло решение переиздать сагу не просто с другими вариантами обложек, но с другим переводчиком, что, учитывая специфическое содержание и лексику этих произведений, которым на сегодняшний день посвящено немало научных работ (одна из любимых тем для исследования у студентов, аспирантов и молодых ученых), не могло не привлечь внимание общественности, мнения которой разделились – на тех, кто считает наиболее адекватным вариантом перевод издательства «Росмэн», и тех, кто подерживает перевод издательства «Махаон».

В настоящий момент переводчики международных бестселлеров перестают быть «невидимыми» и оказываются в центре пристального внимания публики, связанного с новой тенденцией обсуждать и разбирать перевод в Интернете, где ни одна переводческая ошибка, неточность или вольность не останутся незамеченными (любительский перевод еще никогда не достигал таких масштабов, научно-технический прогресс и стремительное развитие технологий открыло перед читателями-фанатами абсолютно новые горизонты), отчего требования как к переводу, так и к переводчику только возрастают, даже несмотря на мировую проблему эксклюзивного копирайта, в соответствии с которым издательство имеет право опубликовать перевод крайне низкого качества, делая ставку на раскрученный бренд, который дает гарантию, что книгу все равно купят, и тот факт, что издавать другой перевод больше никто не имеет права.

Поскольку дидактика перевода направлена на изучение процесса формирования личности, обладающей особыми компетенциями, особыми психическими свойствами, сознающей свой социальный статус (Гак, Григорьев, 2009, с. 344), одной из таких компетенций в дидактике художественного перевода становится *переводческая социокультурная компетенция*, которую мы определили, как совокупность общественно-политических, культурно-исторических, демографических, бытовых знаний о стране изучаемого языка и способность применять такие знания в процессе перевода, учитывая обычаи, традиции, нормы этикета и исторические реалии, при создании адекватного варианта перевода в соответствии с уровнем межкультурной эквивалентности и способами перевода этих реалий.

Среди других компетенций, относящихся к дидактике художественного перевода, мы выделяем: коммуникативную, лингвистическую, текстообразующую, техническую, дискурсивную, стратегическую, социокультурную, социолингвистическую, а также механизм переключения с одного языка на другой.

Дидактика перевода связана с такими науками, как психология и лингвopsихология, сравнительное языкознание и лингвистика (лингвистика текста, социолингвистика), страноведение и лингво-страноведение, культуроведение и лингвокультурология, методика обучения иностранным языкам, наравне с которой так же широко

используется термин лингводидактика, объектом изучения которой являются «методологические основы преподавания языка» (Фёдоров, 2002, с. 14). В круг задач дидактики перевода также входит формирование личности переводчика с психологических позиций, включая развитие интерпретативных, коммуникативных и специальных компетенций, что объясняет ее связь с аксиологией, эрратологией, эпистемологией, герменевтикой, теорией коммуникации и т.п.

Дидактика перевода и лингводидактика – две тесно соприкасающиеся науки, однако дидактика перевода не является «особым случаем» лингводидактики, так как, во-первых, перевод представляет собой лишь часть речевой деятельности, что объясняет попытку таких знаменитых лингвистов, как А.В. Фёдоров, Дж. Кэтфорд, Ж. Мунен, Ю. Найда, «последовательного распространения на перевод общетеоретических постулатов лингвистической науки» (Гарбовский, 2012, с. 4); во-вторых, в центре рассмотрения дидактики перевода находится именно перевод, а изучаемые лингводидактикой процессы формирования навыков говорения, слушания, чтения и письма, представляющие собой основные постулаты данной науки, имеют второстепенное значение.

Дидактика рассматривает перевод как «сложнейшую интеллектуальную операцию и социально значимое действие» (там же, с. 5), предполагающее овладение особыми компетенциями, определенную ответственность в эстетическом и социальном понимании, которую берет на себя переводчик, поскольку билингвизм лишь первое (и далеко не единственное) из многих условий, необходимых для успешной переводческой деятельности.

Если говорить о связи дидактики перевода с теорией перевода, то этот вопрос, по мнению ученого В.В. Сдобникова, весьма непростой. В работах А.В. Фёдорова и Я.И. Рецкера художественный перевод рассматривается как «творческая деятельность, связанная с языком и литературой и неизбежно предполагающая соприкосновение двух языков, передачу подлинника средствами другого языка» (Сдобников, 2007). Подобный подход привлек внимание к таким вопросам, как разработка теории множественных соответствий, перевод реалий и безэквивалентной лексики, имен собственных и фразеологизмов, выделение и систематизация приемов перевода, а также к успехам в развитии машинного перевода и

структурной лингвистики (исследование И.И. Ревзина и В.Ю. Розенцвейга «Основы общего и машинного перевода», 1964).

Я.И. Рецкер выделял следующие этапы подготовки будущих переводчиков: знакомство с эквивалентами, развитие умения находить аналоги и подбор адекватных замен. В его совместной работе с В.Н. Комиссаровым и В.И. Тарховым «Пособие по переводу с английского языка на русский» (1960) переводческие задачи основаны главным образом на положениях теории перевода, что доказывает ее неразрывную связь с методикой обучения переводу.

В период 60-х и 70-х годов XX в. появилось большое количество исследований по проблемам перевода, среди которых следует выделить работы отечественных ученых: «Перевод и лингвистика» (1973) А.Д. Швейцера, «Слово о переводе» (1973) и «Язык и перевод» (1975) Л.С. Бархударова, «Слово о переводе» (1973) В.Н. Комиссарова, «Последовательный перевод. Теория и методы обучения» (1969) Р.К. Миньяр-Белоручева, «Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода» (1974) Я.И. Рецкера.

Среди зарубежных исследователей несомненно значимыми являются работы Ю. Найды («К науке переводить», 1964), Дж. Кэтфорда («Лингвистическая теория перевода», 1965), лейпцигской (О. Каде, А. Нойберт, Г. Егер и мн. др.), западногерманской и австрийской (Виллс, Бауш, Вандрушка) и канадской (журнал «Мета» под ред. Андрэ Класа) школ перевода.

Все эти исследования имеют две общих черты: первая – перевод перестал рассматриваться как чисто технический процесс, а стал рассматриваться в рамках межкультурной коммуникации, вторая – рассмотрение формирования «вторичной языковой личности» переводчика.

Однако в последующие годы связь теории перевода с дидактикой практически разорвалась: теория перевода уверенно развивается и идет вперед, о чем свидетельствуют многочисленные пособия по переводу, в то время как темпы развития дидактики серьезно замедлились (Сдобников, 2007, с. 305).

Проанализировав несколько известных пособий по переводу, например таких, как «Пособие по переводу с английского языка на русский» Т.Р. Левицкой и А.М. Фитерман (1973), «Практикум по переводу с английского языка на русский» В.Н. Комиссарова и

А.Л. Кораловой (1990), «Основы теории и практики перевода с русского языка на английский» Е.В. Бреуса (1998), можно сделать вывод о том, что авторы не до конца учитывают современные веяния в теории перевода, а если и учитывают, то главной целью пособий является обучение приемам перевода и навыкам решения переводческих проблем, т.е. технология перевода в общем смысле, в то время как прагматика перевода остается без должного внимания.

Иными словами, современной дидактике перевода не хватает, прежде всего, блока обучения предпереводческому анализу текста в рамках коммуникативной ситуации и с позиций намерения автора текста, блока формирования навыка восприятия общего смысла переводимого текста, внимания к внутритекстовым логическим и смысловым связям. Включение вышеперечисленного в парадигму современной дидактики возможно за счет формирования методических основ преподавания перевода на основе коммуникативно-функционального подхода, а также реализации переводческой практики под руководством преподавателей, хорошо владеющих основными положениями современной теории перевода и находящихся в курсе ее постоянных обновлений. На данном этапе разработка дидактических материалов опережает теоретическую дидактику перевода, а вопросы создания общих методологических принципов преподавания перевода и методических пособий обобщенно-теоретического характера находятся в стадии обсуждения и моделирования.

В настоящее время в дидактике перевода существуют два взаимосвязанных направления: теоретические разработки по методике преподавания перевода и разработка упражнений и методических пособий для специальных видов перевода.

Наиболее известными пособиями по дидактике перевода являются: «Дидактика перевода» В.Н. Базылева (2016), «Дидактика перевода. Хрестоматия и учебные задания» В.Н. Базылева и В.Г. Красильниковой (2010), «Переводческая лингводидактика» Л.Л. Нелюбина и Е.Г. Князевой (2009) (учебно-методическое пособие, направленное на обучение всем формам специального перевода), научные исследования Н.К. Гарбовского относительно дидактики перевода («Дидактика переводческой деятельности», 2012; «Семь вопросов дидактики перевода или скорос-дидактика переводческой деятельности», 2012; «Дидактика перевода: традиции и

инновации в обучении переводу», 2013; «От лингводидактики к дидактике переводческой деятельности», 2016).

Теория художественного перевода в последние годы интенсивно развивается. Во второй половине XX в. исследованиям в области этой науки были посвящены такие труды, как «О художественном переводе» А.В. Фёдорова (1941), «Структура художественного текста» Ю.М. Лотмана (1970), «Вопросы теории художественного перевода: сборник статей» Т.А. Рузской (1971), «Вопросы истории и теории художественного перевода» П.И. Копанева (1972), «Искусство перевода» И. Левого (1974), «Для читателя-современника» И.А. Кашкина (1977), «Лексические вопросы перевода художественной прозы» В.С. Виноградова (1978), «Художественный перевод и литературные взаимосвязи» Г.Р. Гачечиладзе (1980), «Проблемы художественного перевода» А. Поповича (1980), «Психологическая проблема художественного перевода» Р.Г. Джваршейшвили (1984), «Восприятие и интерпретация художественного текста» В.Я. Задорновой (1984), «Образ и художественный перевод» А. Акоповой (1985), «Параметры художественного текста и перевод» Н.Л. Галеевой (1996).

В начале XXI в. этот вид перевода оказался в поле зрения таких известных ученых, как Т.А. Казакова «Художественный перевод. Учебное пособие» (2002), «Художественный перевод. Теория и практика» (2006), «Художественный перевод: в поисках истины» (2006), Л.С. Макарова «Коммуникативно-прагматические основы художественного перевода» (2004), Н.К. Гарбовский «Теория перевода» (2004), Ю.П. Солодуб «Теория и практика художественного перевода» (2005), В.В. Алимов и О.В. Артемьева «Художественный перевод: История, теория, практика» (2006), П.И. Копанев «Вопросы истории и теории художественного перевода» (2006), Ю.Л. Оболенская «Художественный перевод и межкультурная коммуникация» (2006), А.В. Фёдоров «О художественном переводе. Работы 1920–1940-х годов» (2006, переизданные статьи), В.В. Сдобников и О.В. Петрова «Теория перевода» (2007), В.С. Модестов «Художественный перевод: Практический курс перевода» (2008), К.И. Чуковский «Высокое искусство: Принципы художественного перевода» (2008), Р.Р. Чайковский «Основы художественного перевода: вводная часть» (2008).

В современной российской практике подготовка специалистов в области перевода начинается с введения в сферу высшего образования программы дополнительной квалификации «переводчик в сфере профессиональной коммуникации». Однако далеко не все кафедры иностранных языков в неязыковых вузах способны развить у студентов навыки переводческой компетенции. Это зависит и от недостаточного количества часов, и от приоритетов преподавателей, цель которых, учитывая довольно сжатые по количеству академических часов сроки, обучить студентов в первую очередь языку (чтение, говорение, письмо, аудирование) и лишь в последнюю – переводу. На факультетах студенты получают знания специальности, которые помогают им понимать смысл текстов по специальности, однако вопрос о том, стоит ли с первых курсов вводить специальную терминологию на начальных этапах по обучению языку или нет, является настолько спорным, что разделил общество исследователей на два противоборствующих лагеря.

Что касается специализированных переводческих школ и факультетов, встает вопрос об эффективности обучения языку специальности и специальному переводу в различных областях знаний.

Опыт реализации этой программы в Высшей школе перевода МГУ показал, что студентам (любой специальности) прежде всего необходимо усовершенствовать навыки владения родным и иностранным языками, а также получить универсальные навыки перевода. Овладение лингвистическими компетенциями позволяет осуществлять перевод в любой профессиональной сфере, поскольку различие идет главным образом в терминологии. Иными словами, было принято решение готовить переводчиков широкого профиля независимо от основной специальности, поставив целью обучения переводу не что иное, как научить переводить. Кроме того, специальность не ограничивает способности – студенты-юристы вполне могут преуспеть в переводе технических текстов, инженеры – художественных, медики – юридических и т.п., что свидетельствует об универсальности переводческой компетенции.

Занятия по обучению художественному переводу на сегодняшний день строятся следующим образом: первое, вводное занятие представляет собой лекцию, на которой преподаватель знакомит студентов с предметом – дается несколько определений понятия «художественный перевод», объясняются различия между

художественным и нехудожественным переводом, литературным переводом и переводом художественной литературы, проводится краткий экскурс в историю художественного перевода, определяются виды и подвиды художественного перевода, рассказывается об особенностях перевода художественной литературы, об этапах работы переводчика над художественным текстом, об известных переводчиках художественной литературы, писателях и поэтах, занимавшихся этим видом деятельности, а также об их популярных переводческих трудах. Остальные занятия носят главным образом практический характер, они направлены на выполнение разного рода упражнений. Эти занятия включают в себя три этапа:

– вводный, на котором студенты знакомятся с предложенным аутентичным текстом, его дискурсом, при помощи преподавателя выполняют предпереводческий анализ, узнают принципы выполнения предложенных авторами пособий упражнений, обсуждают возможные варианты перевода с однокурсниками;

– практический, заключающийся главным образом в применении полученных знаний и навыков на деле, в сравнении вариантов перевода текста между однокурсниками, в анализе различий и сходных черт и выборе лучшего варианта;

– завершающий, представляющий собой выполнение контрольного задания на выполнение предпереводческого анализа текста и осуществление полноценного процесса перевода с применением полученных умений и навыков.

В последние годы художественному переводу стало посвящаться все больше диссертационных и магистерских исследований, статей в рецензируемых научных журналах и альманахах, таких как «Мир перевода», «Мосты», «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» (Москва), «Перевод и переводчики» (Магадан), «Переводчик» (Чита), «Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода» (Нижний Новгород), «Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения и педагогики» (Самара), но несмотря на это разработка методической базы обучения данному виду перевода на настоящий момент – вопрос открытый.

Художественный перевод входит в сферу научных интересов таких исследователей, как Р.Р. Чайковский («Основы художественного перевода», 2008), Е.В. Харитоновна, Н.В. Вороневская и Е.Л. Лысенкова («Художественный перевод как вид межкультур-

ной коммуникации. Основы теории», 2016), Е.А. Ковынева («Лексическая дисперсия в поэтическом переводе», 2011, «Адекватный перевод поэтических произведений как способ интеграции культур», 2016), А.В. Сычёва («Вольный перевод: к проблеме лингвокультурной аккомодации русской поэзии», 2016; «Баллады Булата Окуджавы в контексте лингвостилистики жанра и транслатологии», 2017), Е.Я. Музыченко и Е.А. Ершова («Художественный перевод и межъязыковая диверсификация смысла», 2011), Е.С. Шерстнева («Переводная множественность художественной прозы как проблема теории перевода», 2009; «О принципах сопоставительного исследования художественной прозы», 2010), С.Б. Христофорова («Перевод русской лагерной лексики на английский язык: Семантико-стилистические и лингвокультурологические аспекты», 2007), Е.В. Нарбут («Оригинал, текст-донор и перевод: Проблемы взаимодействия», 2008, «Категория текста-донора в работе переводчика художественной литературы», 2014), Н.А. Фатеева («Лингвистический анализ художественного текста», 2007, «Рождение интерпретации: Взаимодействие уровней в художественном тексте», 2015), Н.А. Кузьмина («Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка», 2004, «О некоторых тенденциях в современной поэтической коммуникации (автор-читатель-издатель)», 2009), И.В. Гюббенет («К проблеме понимания литературно-художественного текста», 1981, «Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста», 2010, «Вертикальный контекст современного английского романа в представлении русского филолога», 2012), Т.Л. Черезова («О сопоставительном изучении вертикального контекста художественных произведений», 1985, «Некоторые проблемы комплексного подхода к лексикографическому исследованию», 2009, «Зоонимы: Лексикокультурологический подход», 2013), Л.В. Болдырева («Социально-исторический вертикальный контекст», 1997, «Вертикальный контекст и перевод», 2005, «К вопросу о вертикальном контексте, фоновом знании, языковой картине мира и понимании текста на иностранном языке», 2012), В.Я. Задорнова («Восприятие и интерпретация художественного текста», 1984, «Словесно-художественное произведение на разных языках как предмет лингвопоэтического исследования», 1992, «Слово в художественном тексте», 2005, «Перевод как способ восприятия и понимания художествен-

ного текста», 2015, «О когнитивном подходе к переводу», 2017), И.М. Магидова («Прагматическая лингвистика, прагмалингвистика и лингвистическая прагматика», 1978, «Прагматическая лингвистика и диалектика функциональных стилей», 1981), М.Э. Конурбаев («Функция воздействия в художественной литературе и публицистике», 1998, «Теория и практика тембрального анализа текста», 1999), А.С. Микоян («Лексико-синтаксические аспекты перевода художественной прозы», 1985, «“What’s in a name?.” К вопросу о передаче имен собственных в художественном переводе», 2012), А.А. Липгарт («Лингвопоэтика художественного приема (К постановке вопроса)», 1996, «Стратификация художественного текста как метод лингвопоэтического анализа», 1995), А.В. Рудакова («Лингвопоэтика художественного приема: Многокомпонентные адъективно-субстантивные комплексы в драмах Шекспира (К постановке вопроса)», 1998), Л.В. Полубиченко («О знаках препинания в художественном переводе», 2016, «Филологическая топология: Теория и практика», 2017, «К вопросу о норме в художественном переводе», 2018), Г.Г. Молчанова («К вопросу о семантической интерпретации художественного текста», 1978, «Неоднозначность как способ организации интересного-нового в художественном тексте», 1983), Л.К. Салиева («Литературно-художественный перевод как один из видов симбиоза национальных литератур», 2016, «Литературно-художественный перевод как модус межкультурного взаимодействия», 2017), Н.Н. Миронова («Сценический перевод vs художественный перевод», 2017), М.Ю. Гвоздецкая («Художественный перевод древнеанглийской религиозной поэзии как проблема межкультурной коммуникации», 2017), Н.К. Гарбовский («Художественный перевод и переводческое искусство», 2017), Э.Н. Мишуров («О метатрансляционных аспектах художественного перевода», 2010, «Художественный перевод в зеркале герменевтической методологии», 2014), С.И. Горбачевская («Передача прямой речи как проблема художественного перевода», 2013, «Художественный текст как предмет переводческого анализа», 2014), А.Л. Борисенко («Murder as a teaching device: Anthologies of crime fiction compiled by literary translation workshop», 2014).

Список литературы

1. Базылев В.Н. Дидактика перевода: Учеб. пособие. – 3-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 224 с.
2. Базылев В.Н., Красильникова В.Г. Дидактика перевода. Хрестоматия и учебные задания: Учеб. пособие. – М.: ГосИРЯ им. А.С. Пушкина, 2010. – 128 с.
3. Гак В.Г., Григорьев Б.Б. Теория и практика перевода. Французский язык. – М.: Либроком, 2009. – 464 с.
4. Гарбовский Н.К. Дидактика перевода: традиции и инновации в обучении переводу // Русский язык в современном мире. Материалы III международной научной конференции. – М.: Высшая школа перевода МГУ, 2013. – С. 344–353.
5. Гарбовский Н.К. Дидактика переводческой деятельности // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. – № 4. – С. 3–8.
6. Исаева С.М. Учебно-методическое пособие по обучению художественному переводу. – М.: Перо, 2016. – 67 с.
7. Комиссаров В.Н., Рецкер Я.И., Тархов В.И. Пособие по переводу с английского языка на русский. – М.: Изд-во Литературы на иностранных языках, 1960. – Ч. 1. – 175 с.
8. Литвинов А.В. О структуре межкультурной компетенции // Язык, сознание, коммуникация. – М.: МАКС Пресс, 2004. – С. 51–57.
9. Прошина З.Г. Переводческий анализ в свете экопереводаведения // Перевод и переводчики: Науч. альманах кафедры нем. языка Сев.-Вост. гос. ун-та. – Магадан: Кордис, 2014. – Вып. 10: Художественный перевод. Наука и искусство: К 75-летию д-ра филол. наук Р. Чайковского. – С. 39–45.
10. Сдобников В.В. Теория перевода и дидактика перевода: единство или борьба противоположностей? // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – Нижний Новгород: Нижегород. гос. лингвист. ун-т им. Н.А. Добролюбова, 2007. – № 1. – С. 301–308.
11. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (Лингвистические проблемы): Учеб. пособие. – 5-е изд. – СПб.: Филолог. фак-т СПбГУ; М.: ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. – 416 с.
12. Щукин А.Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика: Учеб. пособие для преподавателей и студентов. – 4-е изд. – М.: Филомантис: Омега-Л, 2010. – 480 с.
13. Чайковский Р.Р. Основы художественного перевода. – Магадан: СвГУ, 2008. – 182 с.
14. Чуковский К.И. Высокое искусство. – М.: Советский писатель, 1968. – 382 с.

2019.01.007. М.Б. РАРЕНКО. ВНУТРЕННИЙ ПЕРЕВОД КАК ОСОБЫЙ ВИД ПЕРЕВОДА. (Обзор).

Ключевые слова: внутренний перевод; культуроним; лингвокультура; экопереводаведение; «беспереводная коммуникация»;

англоязычное описание русской культуры; транслингвальная литература; русскость.

Тот факт, что перевод оказывается связанным с культурой, в настоящее время не вызывает сомнений. Переводчики – как теоретики, так и практики – подчеркивают, что обе культуры – принимающая и воспроизводящая – в одинаковой степени вовлечены в процесс перевода.

Традиционно под переводом понимается процесс передачи, перевыражения или перекодирования текста на одном языке знаками другой языковой системы. Потребность в этом виде деятельности появляется, когда в процессе межкультурного общения участвуют два разноязычных коммуниканта, которые не могут понять друг друга без посторонней помощи, т.е. без переводчика-посредника. В современном обществе в разных сферах деятельности человека можно наблюдать ситуации «беспереводной» межкультурной коммуникации, т.е. естественного общения людей благодаря тому, что в результате глобальных процессов английский язык все чаще выступает средством «беспереводной» межкультурной коммуникации.

Е.В. Белоглазова (2) отмечает, что дискуссия о нормативности перевода – один из самых плодотворных стимулов ее развития, и в рамках этой проблемной области на протяжении всей истории перевода шел поиск ответов на вопросы о том, что собой представляет перевод. Автор статьи утверждает, что «современное “западное” переводоведение, отражая общую установку западного общества на свободу и толерантность, отказывается от прескриптивности, т.е. навязывания переводу норм, требований, законов» (2, с. 55), а вместо этого «постулируется тезис, что в качестве перевода можно рассматривать все, что кем-либо называется “перевод”, притом что термин “перевод” употребляется все более широко и недифференцированно» (2, с. 55).

Е.С. Лебедева (1) в статье «Внутренний перевод: Сопоставительный анализ произведений Ольги Грушиной и их переводов с английского на русский» рассматривает проблемы внутреннего перевода на примере романов русской англоязычной писательницы Ольги Грушиной и описывает приемы, используемые при внутреннем переводе для передачи национальной и культурной идентичности.

Когда в ходе прямого межкультурного диалога человеку приходится передавать специфические элементы иноязычной культуры, автор строит свой оригинальный или аутентичный текст. При этом у автора нет оригинального текста, стилевые особенности которого необходимо сохранять и передавать средствами другого языка, и это значит, что все необходимые языковые операции, связанные с передачей специфики иноязычной культуры, автор осуществляет сам. Такой вид переводческой деятельности получил название «внутренний перевод». Понятие «внутренний перевод» было введено и впервые описано В.В. Кабакчи в статье «Неисследованный вид переводческой деятельности: “Внутренний перевод”» (2000). Под внутренним переводом В.В. Кабакчи предлагает понимать комплекс разнообразных языковых адаптаций языка в рамках прямого межкультурного диалога при описании внешней (иноязычной) культуры, в результате чего автором создается оригинальный (аутентичный) текст.

Е.В. Белоглазова в статье «Внутренний перевод: Полный *carte blanche*» указывает, что от традиционного межъязыкового перевода внутренний перевод отличают следующие черты: 1) место исходного текста занимает исходная культура; 2) классическая триада участников переводческого акта превращается в диадку за счет слияния переводчика с отправителем (автором) текста; 3) как следствие вышеназванных особенностей, во внутреннем переводе меняется отношение между отправной точкой и результатом перевода (адекватность внутреннего перевода может быть установлена только относительно иных участников экосреды, среди которых автор / отправитель, читатель / получатель и референтная (описываемая) культура); 4) внутренний перевод затрагивает лишь наименования отдельных культурно-специфических явлений – культуронимы, которые поддаются переводу с опорой на исходную лингвокультуру; 5) внутренний перевод использует тот же арсенал средств и приемов, что был разработан и описан для традиционного перевода, но отличается более высокой частотностью заимствований, причем всеми имеющимися способами (трансплантация, транслитерация, транскрипция, калькирование, полукалькирование); 6) при внутреннем переводе нередко используется комплексная стратегия, сочетающая разные способы перевода (2, с. 57).

Таким образом, внутренний перевод оказывается ориентированным на исходную культуру и стремится дать описание, адекватно (т.е. точно) воспроизводящее соответствующий ей фрагмент. Автор подчеркивает, что в то же время учитываются интересы «принимающей стороны», «забота о доступности результата такого перевода пониманию» (2, с. 57).

Эффективности внутреннего перевода способствуют: 1) использование комплексной стратегии перевода культуронимов; 2) точность номинации, гарантируемая формальным заимствованием; 3) доступность номинации, гарантируемая пояснением в виде роднокультурного аналога, общекультурного гиперонима или описательного оборота; 4) последовательность и системность подхода и принципов внутреннего перевода в рамках одного текста или авторского корпуса текстов; 5) «дозирование» сложности текста для восприятия и введение в описание только значимых, культурно-нагруженных лексических единиц (2, с. 57).

Е.С. Лебедева подчеркивает, что внутренний перевод осуществляется непосредственно автором в самых различных жанрах: научном и научно-популярном, публицистике, путевых заметках и репортажах, художественной литературе, путеводителях, заметках и статьях в СМИ. Он имеет место как в ходе устного, так и в процессе письменного общения. Согласно В.В. Кабакчи, внутренний перевод осуществляют как авторы оригинальных текстов, которые описывают на родном языке иноязычную культуру, так и те авторы, которые используют второй язык для описания родной (иноязычной для этого языка) культуры.

В статье Е.С. Лебедевой рассмотрены примеры англоязычного описания родной культуры русским транслингвальным автором Ольгой Грушиной, родившейся в Москве, учившейся на факультете журналистики МГУ и уехавшей в США по программе гранта, где она работала переводчиком и писала короткие рассказы. В 2005 г. выходит в свет первый роман писательницы «Жизнь Суханова в сновидениях» (*The Dream Life of Sukhanov*), в 2010 г. роман «Очередь» (*The Line*), а в 2016 г. был опубликован третий роман писательницы «Сорок комнат» (*Forty Rooms*). Следует отметить, что все свои произведения О. Грушина создает на английском языке, при этом в них описывается «русская действительность». Как отмечает автор статьи, в своих произведениях О. Грушиной удается

сохранять и передавать свою русскую идентичность с помощью английского языка. Более того, действия ее романов происходят в советской России, в них не прослеживается тема иммигранта, его ассимиляции. Поскольку Ольга Грушина придает англоязычное звучание русской тематике и обстановке, ее произведения изобилуют русизмами, именами собственными, культурно-маркированной лексикой. По мнению автора статьи, изучение языка писательницы представляет интерес и является актуальным, так как до настоящего времени английский язык русских авторов не был изучен с точки зрения внутреннего перевода.

При внутреннем переводе автор вводит заимствование – «варваризм», не нарушая при этом стиля повествования, что в традиционном переводе художественной литературы немислимо и представляет собой проблему. Ольга Грушина всегда использует курсив для ввода русизмов, но не всегда дает пояснение.

The girl was giggling, and Sukhanov distinctly heard her say babochka – «bow tie» or «butterfly» – but the night swallowed the rest of the sentence and...

...there would be many butterflies, yellow, white and orange, spiraling like sunspots over these weeds, which Sukhanov somehow knew, were called ivanchai – Ivan`s chai, Ivan`s tea – an odd, lyrical name that came back to him all at once...

On a bright, windy afternoon in early April, just after five o`clock, she met Sergei at the corner to take his tuba from him and to hand over their number and a buterbrod wrapped in a napkin, as she did every day.

«They`re waiting for you with supper, Anatoly Pavlovich,» she said, and smiled shyly, revealing a gap between her front teeth. «I`ve made my vareniki with cherries you like so much, this being Sunday and all».

A new smell, a slightly acrid smell of fowl droppings, was stealthily seeping into the familiar smells of shortbread cookies and tvorog.

Русские реалии органично вплетены в текст и являются отличительной особенностью произведения, создают колорит, представляют собой проявление культурной и национальной идентичности автора.

При англоязычном описании русской культуры писательница использует цитаты из произведений известных русских классиков, которые в текст художественного произведения вводятся параллельным подключением, т.е. с использованием комплекса компонентов, которые различным образом называют один и тот же элемент внешней культуры:

Her hand felt cool in mine, and in my stunned mind, Pushkin's immortal tribute to his beloved rang out like a clear crystal bell: Chisteishei prelesti chisteishii obrazets. The purest image of the purest charm.

Нередко результатом процесса внутреннего перевода также становятся английские лексемы, приобретающие новые значения. Так, в романе «Очередь» описаны сцены празднования 37-й годовщины Великой Октябрьской революции, а в воспоминаниях и диалогах героев упоминаются события до революции и после. Для обозначения Великой Октябрьской революции 1917 г. Ольга Грушина использует английскую лексему change, которая воспроизводится на протяжении всего романа с определенным артиклем и пишется с заглавной буквы – the Change.

My parents were paying for the best musical education, but after the Change, the State enforced open admission to my school. / Подумели оплачивали мне занятия у лучших педагогов, но после революции в нашу музыкальную школу стали принимать по разрядуке.

Как свидетельствуют англоязычные словари, в английском языке значение лексемы change не имеет таких культурно-исторических ассоциаций и в значении «революция» не используется.

Автор статьи отмечает, что тексты романов Ольги Грушиной, написанные на английском языке, тем не менее пропитаны рускостью автора. В процессе внутреннего перевода реалий русской культуры автор выстраивает англоязычный гармоничный текст, в

котором, даже с учетом ввода пояснений к заимствованиям, не нарушается целостность и гармония повествования. При этом сам текст можно считать аутентичным англоязычным произведением.

В статье Е.В. Белоглазовой «Внутренний перевод: Полный *carte blanche*» вводится понятие экотранслатологической модели перевода, согласно которой перевод представляется как средство гармонизации составляющих и участников экосреды, а внутренний перевод – как спутник прямого межлингвокультурного контакта. Автор статьи утверждает и последовательно доказывает, что в отсутствие переводчика-посредника функцию гармонизации экосреды берет на себя один из участников коммуникативной ситуации, вынужденно позиционирующий себя между языками и культурами.

Согласно «восточному» подходу «экопереводоведения» Ху Гэншэня, уходящему корнями в конфуцианскую философию и ее идею гармонии между человеком и его окружением, переводчик рассматривается как некая сущность, способная к адаптации к экосреде и выбору средств для этой адаптации, а сам перевод – как процесс адаптации. Таким образом, автор заключает, что перевод можно рассматривать лишь в привязке к экосреде, т.е. общему контексту, ситуации перевода в предельно широкой ее трактовке. «Переводчик, которому отводится в этой экомодели центральное положение, призван обеспечить гармонию всех составляющих среды, выступая одновременно и получателем текста, и его отправителем, и читателем, и писателем, реализуя и сковывая свой творческий потенциал, являясь частью и принимающей, и исходной лингвокультур» (2, с. 55).

Данная модель сравнивается в статье с особой разновидностью перевода, которая в системе В.В. Кабакчи обозначается термином «внутренний перевод».

Список литературы

1. Лебедева Е.С. Внутренний перевод: Сопоставительный анализ произведений Ольги Грушиной и их переводов с английского на русский // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2018. – Т. 15, вып. 1. – С. 60–63.
2. Белоглазова Е.В. Внутренний перевод: Полный *carte blanche* // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2018. – Т. 15, вып. 1. – С. 55–59.

2019.01.008. М.Б. РАРЕНКО. ПЕРЕВОД И КУЛЬТУРА: Взаимосвязь и взаимовлияние. (Обзор).

Ключевые слова: перевод; адаптация; транспозиция; смысловые потери; сказка; реалия; культурно-прагматическая адаптация; переводческий комментарий; прагматический эффект; социолект; художественный перевод.

В статье О.И. Максименко (2) «Прагматика транспозиции и адаптивного транскодирования» рассматриваются причины и способы транспозиции и адаптации при переводе вербального текста в иной семиотический код и при переводе текста с одного языка на другой, а также анализируются понятийные и языковые проблемы, возникающие в процессе транспозиции и адаптации, на материале сказок Г.Х. Андерсена.

В современном мире перевод может осуществляться не только в рамках одной семиотической парадигмы (например, вербальной), но и как процесс смены семиотических парадигм. При переводе могут происходить (и происходят) заметные перемены в исходном тексте, поскольку процесс перевода всегда существует в рамках архетипической дихотомии «свое – чужое».

Существует целый пласт текстов, в которых особенно ярко представлено мировоззрение и дух народа. Так, например, сказки, безусловно, следует отнести к подобному роду текстов, поскольку они, как никакие другие тексты, обусловлены культурной спецификой этноса. Сказки разных народов позволяют проникнуть в миропонимание и мировосприятие другого этноса, поэтому к переводу сказок нужно подходить особенно осторожно. Автор статьи подчеркивает, что перевод народных сказок представляет собой особую сложность в силу существенной лакунарности.

Исследователи перевода различают два вида языкового посредничества: собственно перевод и языковое транскодирование. При переводе исследователи исходят из предположения коммуникативной равноценности оригинального текста и текста перевода. Современный взгляд на проблему перевода добавляет к этим двум видам транспозицию, т.е. процесс и результат преобразования вербального текста в текст (в лотмановском понимании), представленный иными знаками – иконическими, аудиовизуальными и пр.

О.И. Максименко подчеркивает, что «прагматика достижения определенных коммуникативных целей перевода требует использования именно адаптивного транскодирования, при котором происходит не только перенос информации с одного языка на другой, но и одновременное преобразование (адаптация) информации, вызванное необходимостью изложить ее в иной форме, определяемой конкретной задачей межъязыковой коммуникации» (2, с. 64–65). Следует отметить, что эти задачи, как правило, связаны с ориентацией на конкретную группу реципиентов и целью осуществления такой адаптации.

В пределах адаптивного языкового транскодирования различают два вида: собственно адаптированный перевод и сокращенный перевод. Возможно и сочетание обоих этих видов перевода. Как отмечает автор статьи, «в результате подобного транскодирования создается текст на переводном языке, содержащий намеренное отклонение от текста оригинала и не предполагающий полноценную “замену” оригинального текста, а коммуникативные цели оригинала и вторичного текста при этом могут как совпадать, так и различаться» (2, с. 65).

При сокращенном переводе опускаются те части произведения, которые нежелательно воспроизводить по моральным, религиозным и даже политическим причинам, т.е. нередко причины создания такого перевода могут быть социально обусловленными. Адаптивное транскодирование и соответственно получение адаптированного (graded) текста нацелено на упрощение в процессе перевода текста оригинала и нередко определяется целями лингводидактики или переориентированием исходного текста на другого реципиента, например текста, написанного для взрослой аудитории, на детскую аудиторию. Изменение адресата требует соответствующей «перенастройки» текста перевода. Степень адаптации определяется, как правило, коммуникативной целью.

Существует несколько видов адаптации перевода: 1) перевод уже адаптированного или сокращенного в учебных целях текста, 2) адаптация (и сокращение) при расхождениях лингвоэтнического характера (как культурно-исторических, так и актуально-событийных расхождений) и 3) намеренная адаптация при переводе при смене реципиента, что определяется прагматикой перевода.

Намеренная адаптация используется и при несовпадении культурно-идеологических коммуникативных целей, приводящих к искажению смысла, заложенного автором произведения. Ярким примером могут послужить переводы сказок Г.Х. Андерсена.

Сказки «Русалочка» (*Den lille Havfrue*) (1837) и «Снежная королева» (*Sneedronningen*) (1846) Г.Х. Андерсена относятся к психологическим сказкам-повестям. В первой, как известно, идет речь о бескорыстной самоотверженной любви Русалочки к человеку. У Андерсена образ Русалочки несет глубокую христианскую идею, которую чаще всего игнорируют при переводе. Образу Снежной королевы – холодной бесчувственной владычицы льдов – противостоит тепло человеческих отношений.

Над этими сказками-притчами работали многие переводчики (И. Шустова, А. Ганзен, Т. Граббе, А. Любарская, И. Гусева и др.), но перевод, выполненный А. Ганзен (1893–1895), максимально приближен к оригиналу и передает главную христианскую идею этих произведений. Суть стереотипного, возникшего в результате адаптивного транскодирования представления сюжета этой сказки состоит в том, что Русалочка стремится стать человеком из любви к прекрасному принцу и желая быть вместе с ним, однако настолько транскодированный вариант принципиально искажает суть сказки Андерсена. По замыслу автора, Русалочка мечтает стать человеком, чтобы обрести бессмертную душу (главное качество человека).

В статье показывается на примере перевода сказки «Русалочка», что сокращение и адаптивное транскодирование приводит как к смысловому, так и к структурному разрушению волшебной сказки.

Сказка Г.Х. Андерсена «Снежная королева» (*Sneedronningen*) подверглась схожей обработке. Адаптированный, сокращенный текст сказки также потерял всю свою христианскую направленность, что привело к частичному искажению смысла сказки, заложенного автором, несмотря на то, что адаптивное транскодирование «Снежной королевы» оказалось более «щадящим» и в меньшей степени привело к искажению общего смысла произведения.

Термин «транспозиция», представляя собой один из видов адаптации в широком смысле, соотносится с переносом текста в иной семиотический код, например в видеоряд (как экранизация какого-либо произведения) или аудиоряд (как в аудиокнигу, неред-

ко предполагающую сокращение текста), или в сочетание пиктографического и вербального рядов (как графический роман – одна из разновидностей комиксов). Сказка «Русалочка» неоднократно подвергалась транспозиции: создавались фильмы, мультипликационные фильмы, снятые в СССР и за рубежом, где в процессе транспозиции происходила серьезная адаптация исходного текста. Такая же транспозиция постигла и «Снежную королеву» – существуют фильмы, мультфильмы, комиксы, сюжет которых нередко существенно отклоняется от известной сказки, и это отклонение определяется прагматическим посылом – соответствовать запросам реципиента.

Таким образом, автор статьи заключает, что адаптивное транскодирование и транспозицию можно рассматривать как, в определенном смысле, «производные» от исходного текста. Неправомерное адаптивное транскодирование при переводе произведений художественной литературы приводит к неоправданным искажениям и создает у реципиента неверный образ уникальной «души» той культуры, на языке которой написано произведение.

В статье Е.С. Башкаревой (1) «Культурно-прагматическая адаптация реалий при переводе художественного произведения (На материале англоязычного произведения индийского автора Викаса Сварупа “Вопрос – ответ: Миллионер из трущоб”»)» описываются проблемы культурно-прагматической адаптации реалий при переводе художественного произведения.

Автор отмечает, что «национальная культура проявляется в деятельности общества, в национальных традициях, духовных ценностях, стиле мышления и установках, моральных нормах, стереотипах и образах межличностного и межгруппового поведения и самовыражения, особенностях языка и образа жизни» (1, с. 69). Элементы национальной культуры воспринимаются как характерные именно для данной национальной общности и выполняют этнодифференцирующую и этноинтегрирующую функции одновременно.

Как теоретики, так и практики перевода согласны с тем, чтобы достичь максимально эффективной коммуникации, переводчик, выполняющий функцию посредника, должен иметь определенные представления о культурных особенностях и ментальности народа, на языке которого он говорит. В процессе межкультурной комму-

никации «переводчик выступает и как полноценный представитель родной культуры, и как представитель другой, иноязычной культуры, являясь при этом бикультурной языковой личностью, задача которой – устранение лингвистической асимметрии и всевозможного межкультурного недопонимания» (1, с. 69).

Реалия теснейшим образом связана с внеязыковой действительностью, и вопрос об отражении внеязыковой действительности реалиями – один из самых сложных в теории перевода и вместе с тем исключительно важный. Реалии составляют основу фоновых знаний и представляют собой национально-специфические элементы текста, что и обуславливает затруднения, которые возникают в процессе перевода как акта межъязыковой и межкультурной коммуникации. Для передачи реалий при переводе переводчику приходится адаптировать исходный текст к принимающей стороне. Автор статьи понимает адаптацию как приспособление текста при помощи определенных процедур к предельно адекватному его восприятию читателем иной культуры.

Сопоставительный анализ текста оригинала и перевода показал, что переводчик преимущественно выбирает стратегию перевода, позволяющую перенести читателя в чужую для него культурную среду. Сталкиваясь с культурной асимметрией, переводчик в большинстве случаев принимает решение оставить единицу этнокультурного характера без изменений в тексте перевода. Таким образом, переводчик стремится максимально сохранить культурный фон произведения за счет большого количества экзотизмов в варианте перевода.

Реалии вводятся при помощи транслитерации, в конце страницы приводится переводческий комментарий.

Например, при переводе фразы «...*you are now a lakhpati*» («*теперь вы лакхпати*») приводится комментарий: «*lakhpami – обладатель ста тысяч рупий*».

По мнению автора статьи, переводческий комментарий – один из основных способов компенсации смысловых потерь при переводе – способствует более глубокому пониманию текста читателем перевода. «Безусловно, перевод с помощью комментария более удачный по сравнению с простым перенесением “непереводимых” реалий в текст перевода. Ведь последний не всегда дает возможность читателю полностью усвоить информацию, которая

содержится в оригинальном тексте, в то время как комментарий позволяет облегчить восприятие и в той или иной степени раскрыть подтекст» (1, с. 72).

При переводе фразы: «Now he is holding a live wire in his hand like a sparkler on Diwali» на русский язык «Теперь инспектор сжимает провод под напряжением, словно бенгальский огонь на Дивали» переводчик полагает необходимым снабдить реалию подробным комментарием: «Дивали (Дипавали) – один из самых важных фестивалей индусского года. По всей Индии в эти дни зажигаются свечи, лампы и костры в ознаменование возвращения бога Рамы из его 14-летней ссылки. Люди пускают фейерверки, раздают друг другу сладости, украшают двери и пороги домов декоративными гирляндами из листьев манго и ноготков (торанс), а также рисунками из разноцветных порошков (ранголис). Неотъемлемая часть праздника – почитание Лакшми – богини богатства и изобилия».

Реалии могут передавать определенный тайный смысл и подтекст: «A young woman bursts into the room. ...she wears a large round blue bindi. Her dress consists of a white salwar kameez, a blue duppata...» («В кабинет врывается молоденькая женщина... В середине лба – крупная синяя бинди. Одежда состоит из белого камееза, синей дупатты...»). Из комментария в конце страницы следует, что «бинди – приклеивающаяся точка на лбу. В буддизме и индуизме символизирует “третий глаз мудрости”. В современной культуре модное украшение», «камеез – традиционная восточная женская одежда – брюки со свободным топом», «дупатта – изящная накидка, прикрывающая голову и тело. Бывает расшита бисером и стразами».

По мнению автора статьи, комментарий необходим, поскольку «данный прием помогает избежать нарушения внутренней логики авторского текста в восприятии читателями текста перевода» (1, с. 73).

Е.В. Харитоновна в статье «Социолектная специфика текста в контексте художественного перевода» (3) обосновывает необходимость принятия во внимание в процессе перевода социолектной специфики оригинала, объема выполняемых им функций, его внутривидовой организации и состава языковых средств.

Необходимость правильной интерпретации и передачи всех авторских интенций – это важная, но далеко не единственная зада-

ча художественного перевода, призванного в первую очередь выступать связующим элементом между национальными литературами и национальными культурами. Посредническая миссия перевода в отношении национальных культур реализуется путем формирования в литературе и культуре принимающего языка мировоззренческого, культурологического и литературного откликов среди представителей соответствующего этноса (читатели, переводчики, писатели, критики, философы, культурологи), в результате чего перевод художественного произведения с языка на язык из одностороннего перевода-монолога превращается в перевод-диалог, а затем и в перевод-полилог.

Однако, как отмечает Е.В. Харитонова, восприятие текста на другом языке определяется целым рядом факторов, среди которых немаловажное значение имеет способность переводчика преодолевать многообразные помехи или барьеры как лингвистического, так и экстралингвистического характера, неизбежно возникающие в процессе межкультурной коммуникации посредством художественного перевода.

Одним из таких барьеров является социолектная специфика оригинала. Автор подчеркивает, что необходимость выработки основ перевода социально маркированных диалектов обусловлена свойствами самого национального языка, который существует не как гомогенное нераздельное образование, а как сложное сочетание диалектически связанных языковых форм (вариантов), обусловленных, с одной стороны, структурными особенностями языка, с другой – экстралингвистическими факторами, среди которых особое значение имеют разнородность социальной структуры общества (диастратические образования), ситуация общения (диаситуативные лексические группы) и территориальная дифференциация (диатопические варианты). Расслоение национального языка на множество языковых форм обусловлено гетерогенным характером национальной культуры, следствием которого является выделение в ее рамках различных субкультур.

Средством коммуникации культур (и субкультур, в частности) является текст, выступающий в роли уникального культурного кода, требующего особой интерпретации, так как составляющие его языковые знаки наряду с предметным значением пропитаны

множеством изменчивых социальных смыслов, которые они приобретают в контексте своих употреблений.

Учет социолектной специфики оригинала важен в процессе его воссоздания на языке перевода. Социолектная маркированность текста придает ему этногетерогенный характер, а значит, перевод текста, в котором автор намеренно аккумулирует языковой материал, специфический для определенного социума, будет представлять двойную сложность для переводчика: с одной стороны, возникает необходимость правильной интерпретации единиц социально-групповых диалектов, с другой – требуется поиск способов передачи «социолектизмов» средствами языка перевода.

Несмотря на то что пути преодоления межкультурных барьеров, связанных с присутствием этнодифференцирующих культурологических признаков в тексте оригинала известны и рассматривались и в теории и практике перевода, и в теории межкультурной коммуникации, выработка стратегии перевода социолектных текстов требует понимания природы социолектного диалекта, объема выполняемых им функций и сферы употребления, его внутриструктурной организации и состава языковых средств, социального статуса, степени и характера нормирования. Сложность, по мнению автора статьи, заключается в том, что понятие «социальный диалект», или «социолект», по-прежнему остается одним из наиболее терминологически неустойчивых и противоречивых в современной социолектологии.

Е.В. Харитоновна полагает, что определения термина социолект, приводимые во многих источниках, вполне позволяют использовать его для описания внутреннего общения любых социально ограниченных групп, а также утверждать, что любой национальный язык является полисоциолектальным по своей природе, поскольку социальные диалекты – это и есть манифестации или формы реализации языка.

В тексте социолектная специфика может проявляться двояко: как культура в языке и как культура, описываемая языком. Соответственно проблему перевода социолектных текстов можно рассматривать в двух аспектах: в собственно языковом смысле, когда трудности возникают в процессе перекодировки социолектно-маркированных единиц оригинала в знаки другой языковой систе-

мы из-за языковой асимметрии, а также в смысле интерпретации и передачи глубины содержания исходного текста.

Иными словами, переводчику социолектных текстов необходимо, с одной стороны, владеть как исходным литературным языком, так и использованным в оригинале социолектом, а с другой – обладать лингвокультурологическими способностями воссоздавать своеобразие исходного социолекта в случае отсутствия его эквивалентов в языке перевода. В качестве примера в статье приводятся переводы русских лагерных социолектных текстов на английский язык.

Автор отмечает, что практика переводов показывает, что в большинстве случаев перевод культурно-маркированных лексических единиц требует значительных амплификаций в переводе, разъясняющих суть использованных в оригинале понятий или компенсирующих часть утраченных в переводе значений лексем оригинала. Однако при переводе лагерного социолектного текста переводческие амплификации могут придать тексту излишне экспликативный характер, что существенно усложнит его восприятие.

В качестве примера в статье приводятся переводческие соответствия лагерного социолектизма «доходяга», использованные автором американского перевода «Колымских рассказов» В. Шаламова Дж. Глэдом: *starving man; physically exhausted; emaciated prison-er; on the brink of death; goner; those who had gone through the hell of Kolyma*. Е.В. Харитонова полагает, что приблизительный аналог ‘goner’ в большей степени соответствует речевой структуре текста подлинника, позволяя воссоздать в переводе лаконичность формы и одновременно образность, присущие оригиналу.

Еще одним приемом, позволяющим передать лексическую краткость обозначения, характерную для подлинника, является прием транслитерации (транскрипции). Так, перевод социолектизма «зэк», образованного от сокращения «з/к», принятого в официальных документах, приблизительным аналогом *prisoner* или *convict* не способен, как следует из статьи, передать все те ассоциативные нити, которые связывали это понятие со всем советским социумом 20–50-х годов XX в. Нейтральный приближенный перевод фразы из хроники Е. Гинзбург «за связь зэка с зэкою» ‘*relations between male and female convicts*’ передает предметное содержание, однако не способен воссоздать образную составляющую, присущую оригиналу, тогда когда транслитерация (транскрипция)

позволяет достичь необходимого эффекта – воссоздать лаконичность и одновременно подчеркнуть специфичность называемой вещи или понятия. Например, одна из глав в произведении Е. Гинзбург «Крутой маршрут» озаглавлена «Зэка, эска и бэка» (сокр. от з/к, спецконтингент, носители бацилл Коха – прим. Е.В. Харитоновой). Я. Боланд, переводчик второй и третьей частей хроники на английский язык сумел передать форму оригинала и реализовал принцип образования социолектных лексем в подлиннике: PD's, SC's, and KB's (PD – prison detainees, SC – special contingent, KB – Koch bacillus).

Автор напоминает, что отличительными качествами полноценного перевода являются: 1) исчерпывающая передача (содержания исходного текста); 2) передача содержания равноценными средствами, под равноценностью средств подразумевая их функциональную эквивалентность.

Список литературы

1. Башкарева Е.С. Культурно-прагматическая адаптация реалий при переводе художественного произведения (На материале англоязычного произведения индийского автора Викаса Сварупа «Вопрос – ответ: Миллионер из трущоб») // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2018. – Т. 15, вып. 1. – С. 69–74.
2. Максименко О.И. Прагматика транспозиции и адаптивного транскодирования // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2018. – Т. 15, вып. 1. – С. 64–68.
3. Харитоновна Е.В. Социолектная специфика текста в контексте художественного перевода // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2018. – Т. 15, вып. 1. – С. 84–89.

2019.01.009. М.Б. РАРЕНКО. ПЕРЕВОД ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ. (Обзор).

Ключевые слова: художественная проза; герменевтика; интерпретация; оригинал / исходный текст; переводной текст / выходной текст; параллельные тексты; единица перевода; лакуна; лакунология; историко-литературный контекст; библейский мир; М.А. Булгаков; Абель Поссе.

Перевод художественной литературы всегда вызывал большое количество дискуссий. В настоящее время вопрос о возможно-

сти перевода художественных прозаических текстов решен принципиально, однако по-прежнему актуальными остаются проблемы адекватности и эквивалентности в переводе. Как отмечает в статье «Авторские неологизмы: Иконичность и переводимость» В.А. Разумовская (3), «успешность в отношении художественного перевода предполагает, что текст перевода способен обеспечить эстетическое воздействие на своего читателя, которое является сходным (в недостижимом идеале – идентичным) с воздействием на читателя оригинала» (3, с. 28–29).

В статье Н.И. Серковой и Е.Ю. Рябко «Библейский мир в контексте романа М.А. Булгакова “Мастер и Маргарита”»: Сопоставительный анализ библейских, авторских и переводческих смыслов» (4) исследуется процесс воспроизведения смыслов библейских сюжетов в художественных целях на примере романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его переводов на английский язык. Основным методом исследования принят метод сопоставительной герменевтики.

Роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», впервые опубликованный в России в 1966–1967 гг. и традиционно оцениваемый как сложный и многогранный, нередко становится предметом исследования как литературоведов, так и переводчиков. Как отмечают авторы, «для отечественного переводоведения в исследовании художественных переводов характерен подход, основанный на понимании диалектической противоречивости художественного переводческого процесса и учитывающий сложное взаимодействие исследуемых объектов (исходный и переводной тексты), исследуемого языкового материала (исходный и переводящий языки), среды обитания оригинального и переводного текста (исходная и принимающая культуры) и учета особенностей личностного творческого самовыражения автора и самовыражения реципиента-переводчика» (4, с. 94).

Подобный подход предполагает использование комплексной методологии и симбиоза методов: «герменевтический аспект перевода, предполагающий со стороны и переводчика, и исследователя художественного перевода активную речемыслительную деятельность и глубинное понимание оригинального произведения; технологический аспект перевода, обеспечивающий межъязыковое и межкультурное посредничество в воспроизведении смыслов под-

линника в другом материале (языке) и в контексте другой среды (культуры); сопоставительный анализ исходного и переводного текстов, изучающий соотношение изначальных авторских смыслов и образов в сравнении со смыслами и образами, представленными в переводных произведениях» (4, с. 94).

Объектом исследования являются параллельные сюжетные линии из Библии, романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его английских переводов.

В исследовании авторы исходят из «определения процесса перевода как сложной герменевтической деятельности, ставящей в центр внимания вопросы понимания и интерпретации смыслов и интенций, выражаемых вербально в исходных и финальных текстах. Это означает, что сопоставление исходного и финального текстов базируется на предположении, что эти тексты содержат некие аналогичные системы смыслов изоморфного или / и гомоморфного характера» (4, с. 95).

В данной статье исследуется материал двух текстов-переводов романа, выполненных М. Гинзбург (Mirra Ginsburg) в 1967 г. и Х. Эплином (Hugh Aplin) в 2008 г. Авторы отмечают, что перевод М. Гинзбург, открывший неизвестного Булгакова англоязычным читателям, создавался при еще недостаточной базе научных исследований переводческой деятельности, в то время как Х. Эплин уже мог учитывать результаты научных работ, посвященных роману и его переводам за эти годы.

В статье указывается, что роман «Мастер и Маргарита» занимает одно из первых мест в русской литературе по числу содержащихся в нем интертекстуальных знаков, и особое место среди интертекстуальных источников романа занимают библейские тексты и исторические тексты с библейской тематикой. В связи с вышесказанным одна из задач переводчика – распознать этот не всегда лежащий на поверхности смысл и передать его в тексте принимающей культуры.

В Библии существование Иисуса Христа – непреложная истина, неоспоримый факт, догмат, на котором строится все христианское учение. В художественном мире романа Булгаков описывает современную ему советскую Россию, невероятно сложный для страны период времени. М.А. Булгаков тонко передает ироничное и пренебрежительное отношение Берлиоза к вопросу веры посред-

ством частицы «то», указательного местоимения «этого» («Иисуса-то этого»), просторечной лексемы «вовсе». Эта лексика намеренно используется Берлиозом: знающий, эрудированный литератор обращается в своей речи к просторечным словам, чтобы объяснить ключевую идею неопытному поэту на доступном тому уровне. Бездомный, в свою очередь, должен будет сделать эту идею массовой.

Как показывают авторы, М. Гинзбург не удается сохранить в переводе небрежный тон персонажа и его высокую самооценку: «Berlioz wanted to prove to the poet that <...> he [Jesus] had never existed as an individual». Переводчик использует нейтральную лексику, передавая лишь предметно-логическое значение фразы. В то же время перевод Х. Эплина звучит более экспрессивно: «And Berlioz wanted to demonstrate to the poet <...> this Jesus, as a person, had not existed in the world at all». Эмоциональную окраску фразе придает сохранение синтаксической структуры оригинала, полная форма «had not», усилитель «at all». Переводчику удается передать и ироничное отношение Берлиоза: «this Jesus».

Интересен разговор поэта и издателя с Воландом: «Простите мою навязчивость, но я так понял, что вы, помимо всего прочего, еще и не верите в бога?». Его речь подчеркнута учтива, за клишированными вежливыми фразами скрывается ирония, которую Берлиоз трактует как изумление и испуг. Берлиоз терпеливо, снисходительно и любезно «объясняет» иностранцу: «– Да, мы не верим в бога, – чуть улыбнувшись испугу интуриста, ответил Берлиоз. – Но об этом можно говорить совершенно свободно. / <...> мы – атеисты, – улыбаясь, ответил Берлиоз <...> / В нашей стране атеизм никого не удивляет, – дипломатически вежливо сказал Берлиоз, – большинство нашего населения сознательно и давно перестало верить сказкам о боге».

В переводах фрагмент представлен так:

(1) «Forgive my importunity, but I understood that, in addition to all else, you don't believe in God ei-ther?» <...> / «No, we do not believe in God,» Berlioz replied, smiling faintly at the tourist's fear. «But we can speak of it quite openly. / <...> we are atheists», Berlioz answered <...> / «In our country atheism does not surprise anyone», Berlioz said with diplomatic courtesy. «Most of our population is intelligent and enlightened, and has long ceased to believe the fairy tales about God».

(2) «Forgive my persistence, but my understanding was that, apart from anything else, you don't believe in God either?» <...> / «No, we don't believe in God», replied Berlioz with a faint smile at the fright of the foreign tourist, «but it can be spoken about completely freely.» / <...> «we're atheists», replied Berlioz <...> / «In our country atheism surprises no one», said Berlioz with diplomatic politeness, «the majority of our population consciously and long ago ceased to believe in fairy tales about God».

Авторы отмечают, что оба переводчика передают вежливо-ироничный тон Воланда вариантными соответствиями. Речь Берлиоза в обоих вариантах эмоционально насыщена. Х. Эплин, помимо выразительных средств, передает синтаксическую структуру предложений оригинала. Интересен выбор переводчиков при передаче словосочетания «совершенно свободно». М. Гинзбург переводит его как «quite openly» (букв. «достаточно открыто»), хотя в оригинале романа Берлиоз стремится убедить иностранца, что гласность в его стране существует, по крайней мере в отношении этого вопроса. В варианте Х. Эплина это значение передано более определенно, как «completely freely» (букв. «совершенно свободно»). Авторы отмечают, что «этот выбор может свидетельствовать в пользу того, что отношение Запада к России могло несколько измениться с течением времени, и переводчик, который провел несколько лет в СССР, не увидел в словах Берлиоза скрытых опасений и соответственно не наделил этим смыслом текст перевода» (4, с. 97).

М. Гинзбург расширяет текст перевода: «Most of our population is intelligent and enlightened, and has long ceased to believe the fairy tales about God». В ее видении население советской России позиционирует себя перед иностранными туристами как превосходящее по уровню развития общества и культуры, более просветленное (intelligent and enlightened).

Подводя итог дискуссии, Воланд говорит:

«Имейте в виду, что Иисус существовал. /<...> просто он существовал, и больше ничего. / Но требуется же какое-нибудь доказательство... – начал Берлиоз. / И доказательств никаких не требуется, – ответил профессор».

Слова Воланда соответствуют библейскому догмату: существование Иисуса Христа принимается за истину, которая не нужда-

ется в подтверждении. Бог обретается и познается только через веру. Эта идея очень точно отражена в обоих вариантах перевода:

«Bear it in mind that Jesus did exist.» / <...> «He simply existed, that is all.» / «But there must be some proof <...>» began Berlioz. / «There is no need for proof, either,» answered the professor.

«And keep in mind that Jesus existed.» / <...> «simply he existed, and that's all there is to it.» / «But some sort of proof is required,» began Berlioz. / «And no proofs are required,» replied the Professor <...>.

Фразы Воланда в тексте оригинала лаконичны и просты, ведь он сообщает истину, и его высказывания звучат уверенно и авторитетно. В переводах, как показано в статье, точно передается синтаксическая структура подлинника, а Х. Эплин даже использует частичную инверсию, чтобы сохранить порядок слов оригинала (simply he existed) и акцентировать, насколько проста правда. Результирующие тексты, как и оригинал, предостерегают, передают ощущение надвигающейся опасности. Фраза «имейте в виду» переведена вариантными соответствиями «bear it in mind» и «keep in mind». Однако Воланд Х. Эплина говорит, используя краткие формы: «don't need», «that's all». М. Гинзбург избегает кратких форм, придает речи персонажа больше торжественности, используя эмфатическую конструкцию «did exist», синтаксический повтор: «There is no need for points of view ... There is no need for proof, either». Речь Воланда в ее интерпретации звучит так же убедительно и солидно, как и в оригинале.

В статье последовательно и подробно анализируются фрагменты текста оригинала и сопоставляются с переводами. В результате авторы приходят к выводу о том, что «библейский мир играет важную роль в контексте романа М.А. Булгакова “Мастер и Маргарита”, что не могло не найти отражения и в его переводах на английский язык» (4, с. 102), что Священное Писание выступает духовным фоном, сакральным подтекстом романа, однако в романе традиционный сюжет наполняется новыми смыслами в соответствии с авторским мировоззрением, замыслом романа и его философско-тематическим содержанием. «В переводах же библейские мотивы воспроизводятся по тексту романа так, как они прочитываются каждым переводчиком» (там же).

Временной промежуток, разделяющий анализируемые варианты переводов, также, по мнению авторов, является существенным фактором. Так, для более раннего перевода М. Гинзбург характерна более высокая степень стилизации текста, переводчик в изобилии использует устаревшую, архаичную, книжную лексику, лексику официально-делового стиля для придания торжественности обстановке, убедительности образов героев. Перевод Х. Эплина звучит современнее. Переводчик нередко останавливает свой выбор на лексических единицах, которые приобрели в современном обществе новые оттенки значений, в диалогах чаще используются краткие формы глаголов.

В статье Ю.А. Милорадовой «Проблемы перевода романа Абея Поссе “Даймон”» (1) на примере первой главы романа аргентинского писателя показаны проблемы, возникающие при переводе текста на русский язык. Прежде всего автор статьи обращает внимание на литературный контекст, в котором создавался роман: 1980–1990 гг. характеризуются стремлением переосмыслить некоторые базовые мифологемы латиноамериканской культуры, противопоставить новую концепцию традиционному представлению об истории. К концу XX в. Латинская Америка приобщается к процессу глобализации, что и обуславливает, по крайней мере отчасти, близость идейной основы произведений этого периода к концепциям постструктурализма и использование постмодернистских техник в создаваемых ими текстах.

Для воплощения своего замысла Абель Поссе использует такие приемы, как: ирония и самоирония, одновременное представление нескольких точек зрения, манипулирование историческими фактами с целью создания фантастической альтернативной картины исторических событий, а также пародию. Образ конкистадора, сопоставляемый с образом «даймона», бессмертного существа, охватывает в романе несколько эпох сразу. Лопе де Агирре не просто живет в XX в., он владеет совокупностью мировоззренческих представлений нескольких эпох одновременно, что отражается в его речи. Как отмечает автор, «его речевая характеристика строится как бы на нескольких уровнях» (1, с. 138). Так, различается его речь, обращенная к солдатам его войска (она представляет собой стилизацию): средневековый солдат Лопе де Агирре плохо образован, груб, его речь изобилует ругательствами. Синтаксически фра-

зы очень просты. В то же время речь Агирре, обращенная к самому себе, зачастую сливаясь с речью автора, принимает характер философского размышления.

При переводе романа на русский язык перед переводчиком стоит задача сохранить не только содержательную сторону, но, насколько это возможно, и способ выражения: ритм фразы, художественные приемы, используемые автором.

К тому же, по мнению автора статьи, определенную сложность представляет перевод философских категорий, которые были заимствованы Поссе из произведений европейских мыслителей, в частности трудов итальянского философа и историографа Джамбаттиста Вико, который выдвинул теорию исторического круговорота и единых для всех народов циклов развития. Аллюзии, часто встречающиеся в тексте романа также должны быть воспроизведены в переводе. Так, используемый термин «божественная область» или «божественная среда» отсылает читателя к названию эссе французского философа Пьера Тейяра де Шардена, а термины «субстанция» и «форма», к которым обращается священник, наблюдая, как «воплощаются» донья Инес де Атьенса и дочь Агирре Эльвира – отсылка к учению Фомы Аквинского.

Автор подчеркивает, что Абель Поссе сознательно вводит в свой текст тексты других, далеких, эпох, отстоящих от исторической эпохи, которой принадлежал Лопе де Агирре, поскольку создает концепцию единого временного пространства, в котором существуют персонажи романа.

Стилизации в романе подвергается не только образ Агирре. Прием стилизации использует в ряде других случаев: когда описывается ситуация создания письма конкистадора испанскому королю, когда воспроизводится речь писца, пересказывающего Агирре легенду о его смерти и пр. Введенные в ткань романа животные уравниваются с людьми по способности оценивать события и реагировать на них. Так, ягуары и обезьяны презирают европейцев, в то время, как «аморальные» лисы жаждут сотрудничества с ними. Люди, соответственно, уподобляются животным и растениям.

Таким образом, перевод текста аргентинского писателя заслуживает самого внимательного изучения и кропотливой работы.

В статье И.Р. Перевышиной «Два лица одного произведения» (2) освещаются основные признаки труднопереводимых художест-

венных текстов. Автор отмечает, что актуальность вопросов, связанных с художественным переводом, объясняется, в частности, тем, что «в последнее время возрос интерес к переводу как контакту двух культур» (2, с. 177).

Одной из самых важных проблем художественного перевода по-прежнему остается передача интертекстуальности в тексте перевода: «переводчик воспроизводит денотативное содержание, а коннотации претерпевают утрату, т.е. в переводе происходит деме-тафоризация, деметонимизация, деидеоматизация и т.п.» (2, с. 177–178). Исследователь отмечает, что «расхождения в языковых системах ИЯ и ПЯ, в языковых и речевых нормах ИЯ и ПЯ являются теми фильтрами, которые не пропускают в ПЯ необычную игру слов, каламбуры, идиомы, метафоры и т.п.» (2, с. 178), в свою очередь «высокий коммуникативно-функциональный ранг подобных стилистических явлений оригинала и невозпроизводимых в переводе, приводит к тому, что текст перевода воспринимается как другое художественное произведение» (2, с. 178).

Список литературы

1. Милорадова Ю.А. Проблемы перевода романа Абея Поссе «Даймон» // Проблемы теории, практики и дидактики перевода. – Н. Новгород: НГЛУ, 2017. – Т. 1. – С. 137–142.
2. Перевышина И.Р. Два лица одного произведения // Проблемы теории, практики и дидактики перевода. – Н. Новгород: НГЛУ, 2017. – Т. 1. – С. 177–181.
3. Разумовская В.А. Авторские неологизмы: Иконичность и переводимость // Проблемы теории, практики и дидактики перевода. – Н. Новгород: НГЛУ, 2017. – Т. 1. – С. 28–36.
4. Серкова Н.И., Рябко Е.Ю. Библиейский мир в контексте романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: Сопоставительный анализ библиейских, авторских и переводческих смыслов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2018. – Т. 15, вып. 1. – С. 94–102.

2019.01.010. М.Б. РАРЕНКО. ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА. (Обзор).

Ключевые слова: поэзия; перевод поэзии; герменевтика; интерпретация; оригинал / исходный текст; переводной текст / выходной текст; единица перевода; лакуна; лакунология; историко-

литературный контекст; поэтический перевод; перевод-перерождение; типология поэтических переводов; Р.М. Рильке; И.Л. Лиснянская, С.И. Липкин.

Отчасти об этом же пишут в статье «Перевод как перерождение оригинала» Р.Р. Чайковский и Е.Л. Лысенкова (2). Затрагивая проблемы перевода зарубежной поэзии на русский язык, в частности, анализируя два перевода известного стихотворения Р.М. Рильке «Пантера», авторы приходят к выводу о том, что следует выделить как особый вид поэтического перевода – перевод-перерождение оригинала наряду с адекватным переводом, вольным переводом, стихотворением на мотив оригинала, переводом-подражанием, переводом-реминисценцией, переводом-девальвацией, переводом-вариацией.

Авторы отмечают, что переводные поэтические тексты последних лет свидетельствуют о том, что «переводчики зарубежной поэзии ищут и находят все новые формы воссоздания оригинала» (2, с. 56). Работа в этом направлении заслуживает похвал, поскольку «культ переводчиков, когда-то переведших то или иное произведение, ставшее в их переводе каноническим, столь же непродуктивен, как культ в любой другой сфере жизни» (2, с. 57). Более того, иногда один и тот же переводчик может переводит одно и то же произведение несколько раз. Так произошло с переводом стихотворения Р.М. Рильке «Пантера». Известны два перевода В. Микушевича этого стихотворения. Первый был выполнен в 1959 г. (опубликован в 1996 г.), в 2000 г. перевод был переиздан с небольшими изменениями в последней строке, второй перевод относится к 2016 г. Второй перевод кардинально отличается от первого. Как отмечают авторы, «если перевод 1996 года находится в общем русле переводов 1960–2000-х годов», «может быть причислен к переводам, находящимся на границе между адекватными переводами и переводами-вариациями», то «версия 2016 года заслуживает подробного рассмотрения» (2, с. 59).

Подробный анализ текста перевода показал, что в переводе В. Микушевича 2016 г. из 40 основных слов оригинала их прямыми соответствиями переданы всего десять слов, восемь лексических единиц заменены контекстуальными синонимами. Таким образом, относительно адекватно воссоздано всего 45% словника стихотворения, при этом 22 слова, привнесенные в перевод, не имеют соот-

ветствий в исходном тексте. Авторы делают вывод о том, что «текст перевода менее чем наполовину воссоздает денотативную решетку подлинника, что не позволяет назвать данную переводную версию адекватным переводом или переводом-вариацией» (2, с. 59).

Проанализировав переводческие решения, реализованные переводчиком в версии 2016 г., Р.Р. Чайковский и Е.Л. Лысенкова пишут: «Мы можем констатировать, что переводчик переписывает свой относительно адекватный перевод 1996 года и одновременно он “переписывает” автора оригинала, словно ощущает необходимость “исправить” его текст. Но текст Рильке “сделан” на пределе гениальности, а переводная версия предстает на фоне оригинала не только поэтически обедненным, но и содержательно неполноценным текстом» (2, с. 61).

Подобные варианты перевода авторы предлагают называть переводами – перерождениями оригинала, поскольку в результате перевода «переводной текст стал совсем иным, изменился до неузнаваемости по сравнению с текстом подлинника, он лишился высоких качеств оригинала, стал хуже, утратил первоначальные свойства текста Рильке» (2, с. 62).

Таким образом, под переводом-перерождением в статье предлагается понимать «текст, созданный на основе образного мира оригинала, видоизмененного переводчиком в соответствии с его личными, как правило, ошибочными, искаженными и не соответствующими оригиналу представлениями о смысле и сути исходного текста» (там же).

Продолжая тему перевода поэзии, М.А. Петрухина в статье «О переводе поэзии как особой области переводоведения: (Из опыта перевода стихов И.Л. Лиснянской и С.И. Липкина)» (1) отмечает, что сложность перевода обусловлена не в последнюю очередь наличием лакун между двумя языком, с которого осуществляется перевод, на переводящий язык, а если говорить шире, между воспринимавшей культурой и культурой, к которой принадлежит оригинал. В связи с чем, как отмечает автор, «относительно недавно в теории межкультурной коммуникации и культурологии появилась новая отрасль последней – лакунология, дисциплина, изучающая лакуны» (1, с. 183).

М.А. Петрухина указывает, что «переводоведы смотрят на лакуны как на лексически не выраженные концепты с учетом того, что в языке есть, а не того, что в нем нет или выражено непонятно. Они заняты поиском соответствий единицам исходного языка в языке принимающей культуры. Культурологи стремятся систематизировать пробелы, относящиеся к лакунам, где значительную помощь им оказывает фоновая информация. Они считают лакуны и безэквивалентную лексику синонимами» (1, с. 184).

Автор отмечает, что одним из дискуссионных вопросов среди переводчиков – как теоретиков, так и практиков – в настоящее время является вопрос о том, в какой степени переводчик должен учитывать собственно сведения о стране, на язык которой осуществляется перевод, или необходимо придерживаться точной передачи специфики и фоновой информации исходного языка (там же). В статье отмечается, что согласно проведенным зарубежным исследованиям, «преференция отдается фоновым знакам и реалиям исходного языка, а не приручению чуждых явлений на свой лад» (там же).

Как особую проблему перевода, автор отмечает «особенности индивидуального выражения в поэзии» (1, с. 185), которые «часто передаются фразами и даже отдельными словами с многослойным смыслом» (там же). Еще одна сложность при переводе современной русской поэзии на английский язык, по мнению автора статьи, заключается в том, что сегодня в англоязычной поэзии отсутствует рифмованное стихосложение.

Рассказывая о личном опыте перевода стихов И.Л. Лиснянской и С.И. Липкина на английский язык, М.А. Петрухина отмечает, что в процессе работы «постоянно приходилось сталкиваться с проблемой сохранения смысловой значимости в отсутствие эквивалентных лексем во избежание дословной передачи сложного для перевода плана, где наличие лакун в сфере идиоматики создает особые сложности» (там же).

Так, переводчик приводит пример передачи в стихотворении И.Л. Лиснянской фразы «мягко стелила жизнь да спать жестковато», в своей основе содержащей русскую идиому «мягко стелет, да жестко спать». Английская идиoma *an iron fist in a velvet glove* в данной ситуации не могла быть использована в силу наличия в стихе двух строф с многослойной интерпретацией, поэтому пере-

водчик использовала другую идиому – life was no roses. М.А. Петрухина отмечает, что «в стихах авторов многослойная интерпретация возникает часто, когда стандартные истины превращаются в сложные задачи, не всегда имеющие однозначные смыслы» (1, с. 185).

Анализируя содержательную сторону лакун, встречающихся в стихах И.Л. Лиснянской и С.И. Липкина, автор отмечает, что они затрагивают самые разные аспекты жизни человека – начиная от быта и политики и заканчивая интимной лирикой и библейскими сюжетами.

Современная русская поэзия, замечает исследователь, «придает большое значение интертекстуальности, временной переключке с учетом исторических явлений и национальных традиций» (1, с. 188), в то время, как «в американской поэзии сегодня всегда самоценен личный опыт, соотносенный с настоящим» (там же). при переводе на английский язык следует иметь также в виду то, что «структура английского стихосложения не считает приемлемым убавлять или изменять количество строф в стансах. Слов в строке в английском варианте может быть меньше, но количество строф должно быть неизменным» (там же).

В целом, следует отметить, что «по сравнению с художественной прозой в поэзии сложнее представить наличие объективных закономерностей и критериев» (там же).

Список литературы

1. Петрухина М.А. О переводе поэзии как особой области переводоведения: (Из опыта перевода стихов И.Л. Лиснянской и С.И. Липкина) // Проблемы теории, практики и дидактики перевода. – Н. Новгород: НГЛУ, 2017. – Т. 1. – С. 182–189.
2. Чайковский Р.Р., Лысенкова Е.Л. Перевод как перерождение оригинала // Проблемы теории, практики и дидактики перевода. – Н. Новгород: НГЛУ, 2017. – Т. 1. – С. 56–64.

2019.01.011. РУССКИЙ ВАРИАНТ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: История, функции и особенности.

Russian English: History, functions, and features / Ed. by Z.G. Proshina, A.A. Eddy. – Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – 329 p.

Ключевые слова: контактная вариантология; русский вариант английского; варианты английского; история русско-английского языкового контакта; глокализация английского языка.

Исследование посвящено русскому варианту английского языка – социолингвистическому феномену, который изучается в рамках контактной вариантологии. Английский язык сегодня – это международный лингва франка, который во многих случаях стал и в отдельных случаях становится средством выражения лингвокультурной идентичности. Функции английского языка в России расширяются, все больше проникая в средства массовой информации, культуру, образование, бизнес и другие сферы жизни. Тем не менее вопрос статуса русского варианта все еще обсуждается в исследовательских кругах. В книге в обобщенном виде представлены некоторые основные характеристики русского варианта английского, являющиеся подтверждением способности русского варианта быть репрезентативным образованием, передающим специфику русской культуры и языка.

Реферируемая книга «Русский вариант английского языка: История, функции и особенности», вышедшая под редакцией З.Г. Прошиной, профессора Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, и А.А. Эдди, профессора Мичиганского университета, представляет собой полноценное пособие по основам русского варианта английского языка в рамках парадигмы World Englishes – теории мировых вариантов английского языка, получившей в русской интерпретации, благодаря трудам З.Г. Прошиной, название «контактной вариантологии». Данная книга – это первая масштабная международная работа, представившая комплексный подход именно к русскому варианту английского – процессу его формирования, функциям, основным характеристикам и потенциалу развития. Стоит отметить, что в настоящее время уже многие варианты английского как родного, так и неродного языка представлены в научном освещении (китайский, японский, филиппинский, сингапурский, африканские, ирландский, новозеландский и мн. др.), но данная книга впервые подняла вопрос о существовании, статусе, характеристиках и функционировании английского языка России.

Английский язык в эпоху глобализации стал языком международного общения (лингва франка), а также все больше проникает

в лингвокультуру разных стран, расширяя свои функции не только на международной арене, но и внутри отдельных государств, что приводит к его глокализации. В основе теории World Englishes лежат работы лингвиста индийского происхождения Баджа Б. Качру и его американского коллеги Ларри Смита, памяти которых посвящена книга. Теория концентрических кругов, развиваемая в их работах, стала основополагающей вехой для создания новой парадигмы – парадигмы вариантологии английского языка. Согласно этой теории, английский язык делится на варианты, которые можно представить в виде трех концентрических кругов: внутреннего (Inner Circle), внешнего (Outer Circle) и расширяющегося (Expanding Circle). Внутреннему кругу принадлежат варианты стран, в которых английский является первым и официальным языком. К таким странам традиционно относятся Великобритания, США, Канада, Австралия и некоторые другие территории. Внешний круг представлен в основном территориями, на которых английский язык является постколониальным наследием. Английский внешнего круга функционирует в качестве второго официального языка стран внешнего круга. К вариантам внешнего круга относятся, например, индийский, сингапурский африканские и некоторые другие варианты. Третий круг представлен большим количеством стран, в которых английский язык массово изучается как средство международного общения, постепенно проникая в различные сферы жизни этих стран (к таким странам относятся Китай, Россия, Корея и другие страны). В России английский находит широкое применение в области образования, культуры, бизнеса и т.д. По этой причине исследователи говорят о существовании русского варианта английского, однако необходимо отметить, что некоторые лингвисты все еще считают спорным факт существования этого феномена. В исследовании доказывается экзистенциальный статус русского варианта английского языка, прослеживается история сложившегося контакта русского языка с английским, его развитие и эволюция в полноценный вариант, проявляющийся в речевой деятельности (performance variety).

Книга состоит из трех частей: в первой части рассматривается русский вариант английского как феномен, вторая часть, наиболее объемная, посвящена сферам использования русского английского, и, наконец, в третьей части описано отношение русскоговорящих к русскому варианту английского.

Работу открывает эпитафия – отрывок из произведения Т.Г. Добросклонской (литературный псевдоним Т. Davis) «Russian English Romance», описывающий отношение автора в ее детском возрасте к английскому языку – «такой красивый, но такой сложный для овладения» (р. VIII).

Первая часть исследования «Русский английский как вариант» содержит четыре главы и является введением в проблематику, в ней описывается прошлое и настоящее русско-английского контакта, статус русского варианта среди других вариантов.

В первой главе «Русский и английский контакты: прошлое и настоящее» (авторы А.А. Эдди и З.Г. Прошина) рассматривается становление и развитие контакта русского языка с английским начиная с XVI в. по настоящее время. Авторами исследуются вопросы русского языка и культуры в англоязычном пространстве, взаимные языковые заимствования и изменения русского дискурса при контакте России с англоязычными странами.

Во второй главе «Русский английский в семье вариантов английского» (автор З.Г. Прошина) дается характеристика русского варианта английского как социолингвистического образования, обладающего разными качественными характеристиками и функциями на лектальных уровнях языка (базилектном, мезолектном и акролектном), и освещается проблематика, связанная с корреляцией «языковой нормы» и вариантов.

В третьей главе «Лингвокультура русского варианта английского» (авторы З.Г. Прошина, А.А. Ривлина, С.Г. Тер-Минасова, Е.В. Белоглазова, В.В. Кабакчи) проводятся различия между русским и английским языками по их морфологическим, лексическим и фонетическим характеристикам; глава наглядно показывает благодаря множеству примеров процесс англоизации русского языка, изменение его прагматических и дискурсивных черт при контакте с английским, затрагивается феномен кодового переключения и кодового смешения, а также подробно исследуется репрезентативность англоязычных культур в русском языке и наоборот. Также затрагиваются вопросы перевода.

Четвертая глава «Лингвистические черты русского английского» (авторы В.Л. Завьялова, З.Г. Прошина, А.А. Ионина, А.А. Эдди, Т.А. Иванкова) дает представление о фонетических, орфографиче-

ских, грамматических, синтаксических, лексических и прагматических особенностях русского варианта английского языка.

Вторая часть исследования «Сферы использования русского английского» состоит из девяти глав и подробно описывает способы использования русского варианта английского в сфере политики, бизнеса, образования, науки, средств массовой информации, туризма, рекламы, литературы, поп-культуры и в среде различных социальных групп. Каждой из этих сфер посвящена отдельная глава. Для каждой сферы применения русского варианта английского обозначены причины необходимости использования русского английского, материал, на котором проводилось исследование, и характерные черты, отличающие русский вариант английского.

В пятой главе¹ «Политика» (авторы Т.А. Иванкова, Е. Салахьян) рассматриваются вопросы русскоязычного политического дискурса на английском языке, исследованном авторами на материале письменной и устной речи. Отмечается, что русский политический дискурс на английском языке обладает такими характеристиками, как активное употребление метафор, общая смысловая размытость выражений и иллюзорность смысловой нагрузки используемой лексики, что делает дискурс на русском варианте английского языка схожим с традициями политического дискурса западного мира в целом.

В шестой главе «Бизнес» (авторы И.В. Крыкова, О.В. Лазаретная) приведена выявленная в исследовании статистика, согласно которой на сегодняшний день от 43,8% до 75% респондентов в российских компаниях (в зависимости от возраста) сталкиваются с использованием английского языка на рабочем месте. Более того, отмечаются многочисленные лексические заимствования из английского языка в русский и особенности письменной бизнес-коммуникации на русском варианте английского, которые отвечают русскоязычным прагматическим задачам и могут спровоцировать вследствие этого непонимание при межкультурном контакте.

В седьмой главе «Образование» (автор Г.Н. Ловцевич) освещается история преподавания английского языка в России со времен Советского Союза 1930-х годов. Подчеркивается тот факт, что в советской системе образования английский язык присутствовал

¹ Нумерация глав в работе сквозная. – Прим. ред.

всегда, даже если не находил практического применения. Также представлен обзор и сравнение двух учебных пособий по английскому языку 1970-х годов, в результате которого опровергнуто предположение о том, что традиционным для СССР являлся метод преподавания, сконцентрированный на грамматико-переводном аспекте. В современной системе российского образования (как среднего, так и высшего) английский язык занял прочное место обязательного для изучения предмета, а что касается школьного образования, то в 2020 г. он станет обязательным выпускным экзаменом (ЕГЭ). Автор отмечает, что в российском образовании сложилась прочная и эффективная методология преподавания иностранного языка, которая повлияла на зарождение русского варианта английского языка в России.

В восьмой главе «Научные программы» (автор Е.Ф. Лоурик) ставятся вопросы развития английского языка в российской науке. Автор говорит о том, что английский язык является особенно важным элементом развития наукоемкого (и, как следствие, экономического) потенциала России, поэтому в рамках программ модернизации, принятых в России с 2000-х годов, английский язык многократно увеличил свое присутствие в этой сфере. В исследовании автора подчеркивается важность английского языка для развития академической карьеры молодых российских ученых.

Девятая глава «Средства массовой информации» (авторы А.А. Эдди, Т.А. Иванкова, Л.Ф. Лоурик) предлагает рассмотреть функции английского языка на российском телевидении, радио, в прессе и в Интернете. Исследователи представили классификацию наиболее часто встречаемых русскоязычных лексем в русском английском в СМИ: к ним относятся географические названия, языковые лакуны, культурно-нагруженный вокабуляр ('background vocabulary') и др. Авторы сходятся во мнении, что по сравнению с телевидением, прессой и радио, русскоязычный Интернет – это большее пространство для языковой креативности, что доказывается в девятой главе эмпирическим путем.

Глава десятая «Туризм» (автор О.В. Лазаретная) посвящена особенностям использования русскоговорящими английского языка в сфере туризма. Лексические заимствования охватывают такие группы, как типы и формы туризма, вопросы размещения, услуги и

прочие термины. Также освещается образовательный туризм и обсуждаются проблемы въездного туризма.

В главе 11 «Поп-культура и социальные группы» (автор А.А. Эдди) утверждается, что английский язык во многом приобретает значение и популярность среди молодежи за счет того, что транслирует определенные англоязычные западные инновационные технологии, моду, музыку и музыкальные клипы, стиль жизни и т.д. В связи с этим происходят речевые изменения языка российской молодежи – для нее не редкостью становятся кодовое смешение и кодовое переключение, билингвальная креативность в использовании языка.

Глава 12 «Реклама» (автор И.П. Устинова) раскрывает тему рекламы и культурных ценностей, закодированных в рекламных сообщениях. Автор приводит примеры кодового смешения в русскоязычной рекламе, говоря о том, что более чем в 60% русскоязычной рекламы наблюдаются вкрапления англоязычной лексики. Автор предполагает, что это обусловлено двумя факторами: во-первых, многие западные бренды рекламируют свои названия и слоганы по всему миру на английском языке, а, во-вторых, использование англоязычных вкраплений в рекламе может расцениваться потребителями как показатель престижности и качества продаваемых товаров.

Глава 13 «Литература» (автор Е.М. Бутенина) сосредоточена на транслингвальной креативности литературы иммигрантов из России, пишущих на английском языке. Автор проводит исследование на основе художественных произведений современных писателей. Например, А. Улинич и Г. Штейнгарт прибегают к сатире и пародии, смешивая реальность и абсурд, О. Грушин (а) следует в своей работе традиции В.В. Набокова и утверждает свою русскую идентичность, В. Аксенов использует карнавальный дискурс и т.д. В конце приводится заключение, что то, с чем столкнулись данные авторы – написание произведений на русском варианте английского, смешение культур, – влечет за собой космополитическое представление русских писателей, пишущих на английском языке, о своей идентичности. Автор главы ставит вопрос о принадлежности такой литературы – к русской или американской – и полагает, что, скорее всего, ее стоит отнести к интернациональному, или транс-

лингвальному билингвальному творчеству, так как она находится на стыке культур и языков.

Третья часть работы «Отношение русскоговорящих к русскому варианту английского» описывает амбивалентное отношение исследователей к русскому варианту английского – от позиции неприятия до той точки зрения, что это языковое явление может являться неотъемлемой частью реальности, в которой мы живем, и быть вторичным средством выражения идентичности.

В главе 14 «Соперничество с русским как международным языком» (автор И.П. Устинова) предлагается посмотреть на русский язык как на средство международного общения. Автором предложена модель русского языка как международного, в отношении которой можно провести очевидные параллели, сравнив ее с моделью концентрических кругов Б. Качру, так как в модели И.П. Устиновой русский язык также представлен тремя блоками – русский как родной язык, русский как второй язык и русский как иностранный язык.

В главе 15 «Лингвистический пуризм» (автор О.В. Лазаретная) внимание исследователя сконцентрировано на вопросах экологии языка. В ней описаны потенциальные угрозы для русского языка со стороны английского и средства, в частности законодательно оформленные, направленные на поддержку и развитие существующего статуса русского языка и русского культурного наследия в России и за рубежом. Также представлено исследование на предмет отношения русскоговорящих к использованию английского языка и его роли для них.

В главе 16 «Противодействие парадигме World Englishes и завоевание позиций» авторы (З.Г. Прошина, И.П. Устинова) приводят обзор отечественных исследований, посвященных различным вариантам английского языка. На основе социолингвистических исследований в области русского английского авторы делают заключение о том, что регламентации русского варианта английского на официальном уровне еще не произошло, однако наблюдаемая динамика позволяет с уверенностью сказать, что с каждым годом концепт русского английского получает все большее признание у лингвистов.

В главе 17 «Осознание английского языка как вторичного способа выражения самоидентичности» (автор М.Г. Лебедевко) тео-

ретически и практически обосновывается тот факт, что самоидентификация человека меняется под воздействием его контакта с другими языками и культурами. Автор приводит в пример исследование идентичности населения Республики Тувы как мультикультурного и мультилингвального народа на территории Российской Федерации. Упомянуты также работы отечественных и зарубежных лингвистов по созданию англоязычных словарей тувинской культуры, которые служат средством сохранения и передачи культуры следующим поколениям.

В послесловии, написанном З.Г. Прошиной, подведены итоги работы. В нем подчеркивается, что русский вариант английского как феномен безусловно обладает способностью служить средством передачи лингвокультурной специфики, идентичности и национального менталитета русскоговорящих пользователей английского языка, а также способствует сохранению русской культуры, транслируя ее в международное пространство на глобальном уровне. В современном мире английский язык является представителем не ограниченного круга культур, а выполняет репрезентативную функцию для многих культур, интегрирующихся в мировое сообщество. Таким образом, русский английский органично занимает свое место среди других вариантов парадигмы World Englishes.

А.В. Семенова

КОММУНИКАЦИЯ. ДИСКУРС. РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

2019.01.012. КИСЛЯКОВА Е.Ю. КОММУНИКАТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ ИНАКОСТИ: Монография. – Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2018. – 250 с. – Библиогр.: с. 217–249.

Ключевые слова: *инакость*¹; *отношение «Я – Другой»*; *коммуникативная категория*; *категориальный признак*; *коммуникативное сознание*; *Ино-образ*.

¹ Инакость – (греч. ἕτερος, лат. alteritas) важное понятие метафизики Платона, нашедшее отражение в его трудах «Парменид» и «Тимей», где он поставил вопрос о точном определении какой-либо вещи (чего-то «одного») и ее отличии от иного. В неоплатонизме за инакость по отношению к «одному» принимался нус (ум, разум) как дуализм познаваемого и познанного. Под инакостью в диалектике Гегеля понималась категория противоречия как единства взаимоисключающих и

Монография, состоящая из введения, четырех глав и заключения, посвящена исследованию категории инакости в когнитивно-дискурсивном аспекте на материале русского и английского языков.

Во введении автор отмечает, что такие социальные признаки современного мира, как отсутствие четко выраженной иерархии, децентрация¹, плюрализм, изменчивость, свидетельствуют о значимых различиях в сознании индивидуумов. Эти различия обнаруживаются в активном взаимодействии позиций, ценностей, идей. Автор предлагает исследовать эффективность / неэффективность, экологичность / неэкологичность общения, зависящие от лингвопрагматической интенции коммуникантов, с помощью коммуникативной категории инакости как одного из центральных понятий гуманитарной мысли XX в., категории, которая подвергается в монографии комплексному изучению.

В первой главе «Теоретико-методологические основы изучения категории инакости» описываются научные подходы ее исследования: философский, лингвофилософский, коммуникативный. Автор понимает категорию инакости как категорию субъектно-субъектных и / или субъектно-объектных отношений в рамках оппозиции «Я – Другой», реализуемых как в процессе самоидентификации, так и в межличностном, межгрупповом и межкультурном общении и др. Очевидно, что основным конституентом инакости является Другой. Это позволяет связать заявленную проблему с актуальными вопросами определения идентичности, взаимопонимания, множественности и вариативности нормы, этнокультурных различий и пр. В работе обосновывается универсальность и бинарность инакости, включающей значимое соотнесение одного с другим, при котором осознается общее и различное. Автор полагает, что инакость определяет коммуникативную структуру дискурса, организацию коммуникативного взаимодействия в рамках оппози-

одновременно взаимоопределяющих противоположностей (полярных понятий) (Философский энциклопедический словарь. – 2010. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2342/ИНАКОСТЬ). – *Прим. реф.*

¹ Децентрация – механизм преодоления эгоцентризма личности, заключающийся в изменении точки зрения, позиции субъекта в результате столкновения, сопоставления и интеграции ее с позициями, отличными от собственной (Краткий психологический словарь. – Режим доступа: <https://psychology.academic.ru/552/децентрация#sel=3:1,3:1>). – *Прим. реф.*

ции «Я – Другой». Инакость связана с коммуникативной нормой, которая может варьироваться и деформироваться, что проявляется в выборе говорящими соответствующих коммуникативных стратегий и тактик, а также языковых средств, объективирующих ее.

Е.Ю. Кислякова детально исследует «общеметодологические основания» необходимости введения в научный анализ категории инакости, полагая, что она возникает как междисциплинарный объект на стыке различных направлений лингвистики: лингвосомиотики, когнитивной лингвистики, социолингвистики, этнопсихолингвистики, эмотиологии и лингвозкологии. При этом подчеркивается следующее: речь каждой языковой личности уникальна и «непереводима¹ в разных дискурсивных условиях» (с. 36); вхождение индивида в систему символов культуры «осуществляется в категориальных рамках инакости, поскольку посредством Другого устанавливаются грани нормы» (там же); инакость «определяет ориентирующую функцию общения, поскольку коммуникативное взаимодействие должно выстраиваться с опорой на контекстное понимание как себя, так и Другого. Другой выступает средством адаптации и выживания в коммуникативной среде» (там же); поэтому «коммуникативная категория инакости является основополагающей как для внутреннего, так и для внешнего диалога человека и, как следствие, для настраивания себя на кооперативное / деструктивное общение с другими. В связи с этим инакость оказывается смежной с категорией *экологичности – неэкологичности языка*» (там же). Бесконечность порождения смыслов и в целом процесса семиозиса автор монографии объясняет именно «постоянным соотношением» позиций «одного и другого».

Основное внимание уделяется рассмотрению инакости в когнитивно-дискурсивном аспекте, что позволяет автору охарактеризовать инакость как коммуникативную категорию, содержание которой отражает особенности коммуникативного сознания говорящих и влияет на формирование коммуникативной структуры дискурса. Отмечено, что инакость имеет преимущественно имплицитный характер, однако при исследовании возможно установление системы ее дискурсивных маркеров.

¹ Под непереводимостью в данном случае понимается зависимость речевого произведения от дискурсивных условий, которые определяют невозможность корреляции содержания речевых действий в разных дискурсах. – *Прим. реф.*

Вторая глава монографии «Инакость в кругу смежных понятий» посвящена представлению концептуального аппарата исследования и выявлению категориальных признаков инакости. Анализ лексикографических источников позволяет автору считать, что «семантическим “краеугольным камнем” лексемы *другой* выступает не традиционная архисема ‘*отличие*’, а семантический признак ‘*вариативность*’. Иными словами, *другой* может быть разным *другим* – от потустороннего или существующего параллельно *другого*, чужого, до *другого* как ближнего или даже *другого Я*» (с. 75).

Автор полагает, что инакость имеет сложную концептуальную структуру, которая проявляется в совокупности бинарных категориальных признаков, или параметров. Эти параметры представляют собой оппозитивные субкатегории, посредством которых категория инакости объективирована в коммуникации: *единство* – *множественность*, *тождество* – *подобие*, *сходство* – *различие*, *нормативность* – *ненормативность*, *свойственность* – *чуждость*, *определенность* – *неопределенность*, *реальность* – *гипотетичность*. Кроме этого, каждая из параметрических оппозиций может рассматриваться как шкала, в рамках которой происходит варьирование инакости в различных коммуникативных ситуациях, что изменяет жестко оппозитивный характер некоторых параметров на градуируемый (например, *подобие* ↔ *почти-тождество* ↔ *тождество*) и даже инклюзивный (например, *чужой как свой*). Подчеркивается, что в некоторых дискурсах возможна актуализация дополнительных параметров инакости, например в религиозном дискурсе важна оппозиция *греховность* – *безгрешность*.

В третьей главе монографии («Категориальный статус инакости в русском и английском языках») анализируются лексико-фразеологические и грамматические средства репрезентации инакости в русском и английском языках, рассматривается проблема выбора стратегий и тактик, реализующих инакость в коммуникации.

Автор делает вывод, что в русском и английском языках отмечаются как общие, так и различные тенденции в концептуализации инакости: например, в английской лингвокультуре инакость конкретизируется яркостью, необычностью на фоне других, индивидуальностью, чудачеством (*particular, peculiar, personal, singular, special, specific, unique, distinguishable, distinct, distinctive, eccentric, extraordinary, individual, irregular, original*); изменением, револю-

ционностью и свежестью (*revolutionary, fresh*), болезненностью (*to stick out like a sore thumb*). В русском языке, на фоне английского, выделяются такие характеристики инакости, как забавность и смехотворность (*смешной, забавный, чудной, вычурный*); частотно репрезентируется и признак *свойственности-чуждости* (с. 111). Автор устанавливает совокупность англо- и русскоязычных лексико-грамматических средств, выражающих категорию инакости в определенном контекстуальном окружении (например, средства цитирования, императивные конструкции, союзные обороты и пр.). В монографии отмечается, что исследуемой категории свойственна понятийная «спаянность» с другими лингвистическими категориями, например модальностью, противительностью и др.

В монографии описаны основные гиперстратегии коммуникативного поведения партнеров в оппозиции «Я – Другой» – конфирмативная (линия коммуникативного поведения и языковые средства ее репрезентации, утверждающие значимость, ценность языковой личности) и дисконфирмативная (игнорирование, умаление или отрицание личности и ее самооценности). Первая основывается на прескрипции антиконфликтности и установке на кооперативное общение, «сохранение лица» коммуникантов. Дисконфирмация отмечается в случаях сознательного или неосознанного нарушения прескрипций и установок. Автор детально исследует языковые стратегии и тактики, репрезентирующие гиперстратегии коммуникативного поведения, подчеркивает их дискурсивное взаимодействие и принципиальную способность к модификациям.

В четвертой главе «Дискурсивные характеристики коммуникативной категории инакости» вводится понятие Ино-образа как компонента коммуникативного сознания, ситуативного образа партнера по коммуникации, конструирование которого требует определенной коммуникативной компетенции. Вслед за О.Б. Йокоямой¹, автор рассматривает коммуникацию как отношение между когнитивными множествами коммуникантов. Автор монографии предлагает считать область пересечения этих множеств (Ино-образ как Другой-в-Я; то, что индивид добавляет в свою картину мира от Другого, тогда как Другой – это то, что не есть Я (по Э. Левинасу)).

¹ Йокояма О.Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. – М.: Языки славянских культур, 2005. – 424 с. – *Прим. ред.*

Особое внимание уделяется описанию особенностей варьирования категориальных признаков инакости в художественной и массмедийной коммуникации, и поэтому инакость анализируется в аспекте эмотивной лингвоэкологии.

В монографии предлагается модель коммуникативного взаимодействия, в рамках которой учитывается многомерность отношений «Я – Другой», поэтому понимание процесса коммуникации осложняется в результате безграничной множественности Я-образов (альтеров) коммуникантов, что обуславливает проблемы взаимопонимания. Автор пишет, что успешно общаться означает уметь в процессе коммуникации конструировать Ино-образ другой личности и исходя из этого своевременно осуществлять адекватный выбор коммуникативных стратегий и тактик и языковых средств их реализации. Как компонент коммуникативного сознания субъекта Ино-образ является результатом сознательного или неосознанного воздействия одного коммуниканта на другого. Наряду с самостью Ино-образ в структуре сознания коммуникативной личности представляет один из категориальных признаков инакости, он стоит в одном ряду с понятиями Я-образа, моего другого Я, образа Другого и является значимым компонентом коммуникативного акта, так как на его основе может происходить формирование единого коммуникативного центра интеракции, а также становление всех возможных Я личности, которые складываются во взаимоотношениях с другими Я.

Разноуровневый характер отношений Я и Другого имеет особенности реализации в художественной коммуникации и в массмедиа. Динамика инакости зависит от сюжетно-тематической соотнесенности сообщаемого с ситуацией общения, от коммуникативного статуса партнеров и других параметров общения. Коммуникативное поведение в рамках оппозиции «Я – Другой», как правило, эмотивно. Пересечение со сферой Другого затрагивает эмоциональную сферу личности и определяет модус экологичности в той или иной коммуникативной ситуации. Роль Другого в формировании модуса экологичности / неэкологичности в коммуникации релевантна в отношении адекватного, ошибочного или неполного конструирования Ино-образа Другого (завершенный Ино-образ Другого принципиально невозможен). С одной стороны, в случае доминирования категориального признака самости в структуре от-

ношений «Я – Другой» инакость репрезентирует снижение качества жизни, неудовлетворенность ею и неуспешность в ней, т.е. признаки неэкологичного общения, влияющего на психоэмоциональное здоровье человека. С другой стороны, возможна трансформация неэкологичного Другого в экологичного коммуникативного партнера. В основе всех этих изменений лежит природа человека. Важно, что усилия даже одного из коммуникантов, направленные на кооперативное общение, могут иметь эффект экологичности в любых эмоциональных ситуациях. Следовательно, инакость как коммуникативная категория влияет на экологичность / неэкологичность, а также на эффективность / неэффективность общения. Автор заключает, что содержание инакости как коммуникативной категории отражает сущностные характеристики, необходимые для формирования коммуникативной компетенции как для внутрикультурной, так и для межкультурной коммуникации, и способствует осмыслению и возможному предупреждению коммуникативных рисков в общении.

В.А. Пищальникова

2019.01.013. ДИСКУРСИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ РАКУРСЕ: Кол. монография / Под ред. Поляковой Е.В. – М.: Изд-во «Перо», 2017. – 184 с.

Ключевые слова: дискурсы: массмедийный, политический, художественный, научный; «глянцевый» дискурс; паремнология; эвфемизмы и эвфемизация.

Цель авторов коллективной монографии – изучение жанрового многообразия и языковой вариативности современных дискурсов. Анализ проводится на материале массмедийного, политического, научного и художественного дискурсов в русском и английском языках. Работа состоит из пяти глав.

В первой главе «Массмедийный женский глянцевоый дискурс: Жанровые, тематические и стилистические особенности» (автор – В.М. Войченко) отмечается, что в современных условиях именно массмедийный дискурс порождает и популяризирует многие доминантные смыслы и идеологемы. Глянцевые журналы являются проводниками особых, предлагаемых адресатам идеологии и стиля

жизни, в которых главными ценностями считаются успешность и элитарность.

Женский глянецовый дискурс характеризуется особой автобиографичностью, в которой создается текст, написанный женщиной – о женщине – для женщины (с. 17). Самоидентификация читательницы происходит через коллективное женское «мы», что способствует отождествлению себя с персонажами текстов и с фотографиями. В отличие от традиционного автобиографического жанра, связанного с категориями духовного опыта, глянецовый дискурс обращен к поверхностному, телесному проживанию жизни, что не исключает псевдодраматизации ситуаций.

В текстах глянецовых журналов доминируют фатические жанры, подчиненные тенденции общения; главные из них определяются как «болтовня» и «разговор по душам» (исповедь) (с. 23).

Особое значение в массмедийном дискурсе приобретают заголовки, которые привлекают внимание читателей к материалу, организуют его восприятие и формируют необходимое автору воздействие. В женских глянецовых журналах заголовки имеют характеристики, соответствующие цели дискурса и женской языковой личности. Это употребление готовых культурем, вызывающих программируемые стандартные реакции (часто – через посредство трансформированных прецедентных текстов), диалогичность (проявляющуюся в вопросительных предложениях и в побудительных конструкциях, выражающих советы). В отечественных изданиях заголовки в целом более нейтральны: *«Расходы под контролем»*, *«Избавьтесь от комплексов»*; *«Придайте волосам объем»*; *«Умеете ли вы флиртовать?»*.

«Cosmopolitan» и «Glamour» отличаются большей склонностью к стилистически окрашенной лексике, к образным выражениям, каламбурам и обновленным устойчивым словосочетаниям: *«Вещные ценности»*; *«Поцелуй навывлет»*; *«Слишком дорогие друзья»*; *«Панк или пропал»*. Языковая игра, в большей мере присутствующая в заголовках и текстах адаптированных зарубежных журналов, приближает их язык к мужской речи. Мужской тип мировоззрения демонстрируют также метафоры, употребляемые в «Cosmopolitan», такие как «автомобильная» метафора и метафора «Любовь / семья – карьера»: *«Опьянение скоростью»*; *«Да он женат на своей работе!»*; *«Первая работа иногда запоминается так*

же хорошо, как первая любовь». Подобные сдвиги в языке отражают изменения женской языковой личности в современном мире, а именно усиление деятельностного, прагматического сознания, обычно ассоциируемого с мужским началом.

Во второй главе «Иноязычные включения в телевизионном дискурсе: (На материале реалити-шоу “Дом-2”»)» (автор – Н.Г. Щитова) телевизионный дискурс характеризуется как интерактивный тип дискурса, в котором взаимодействуют адресант и адресат, телекоммуникатор и аудитория. Взаимодействие может быть как симультанным (общение в интерактивном режиме в момент выхода программы в эфир), так и несимультанным, как непосредственным (в студии, на улице и т.д.), так и опосредованным.

На отечественном телевидении в конце XX – начале XXI в. появились проекты, связанные с игровым, неформальным общением и в то же время изучающие и моделирующие поведение аудитории. В своем большинстве эти проекты являются аналогами заимствованных иностранных образцов. В их числе реалити-шоу – программы, относящиеся к жанру телешоу и представляющие жизнь людей в специально созданных или обычных условиях. Реалити-шоу «Дом-2» стартовало на канале ТНТ более десяти лет назад, и длительность его показа, как и рейтинги, свидетельствует о том, что проект стал явлением на российском телевидении, несмотря на неоднозначное отношение к нему со стороны зрителей и критиков¹.

Данный телепроект значим и в том смысле, что он демонстрирует на телевидении спонтанную устную речь молодых людей – живой диалог или полилог, в котором собеседники обсуждают возникающие проблемы, стремятся убедить и воздействовать на поведение друг друга. Автор главы уделяет особое внимание иноязычной лексике в речи ведущих и участников программы. Англицизмы и заимствования из других языков употребляются участниками «Дома-2» во множестве, так как они считаются «модными» и маркируют причастность говорящего к своей группе. Из числа заимствований выбраны номинации – прозвища участников и обозначения

¹ Для успеха таких программ одним из главных условий является индивидуальный стиль ведущего. В данном проекте ими стали: «светская львица» и «судья» Ксения Собчак, «подружка» Ксения Бородина и «блондинка» Ольга Бузова. – *Прим. реф.*

ния их амплуа: *Антонио, Рассел, Майами, Фрик, Мачо, Леди-вамп*. Заимствования участвуют в формировании многих номинаций и выражений, характеризующих понятия 'человек', 'женщина', 'мужчина', 'любовь': *фрики, человек-фейерверк, сексуальная, девчонка на позитиве, брутал, бойскаут, хедлайнер проекта*. Заимствованная лексика используется участниками телешоу в разных формах и производных, что свидетельствует о быстрой ассимиляции этих единиц в русском языке: *пиар-ход, пиарщик, пиариться, распиаренный*. При этом есть показатели недостаточной освоенности иноязычных слов говорящим, например плеоназмы: *небольшой фурушетик* (слово *фушет* уже содержит семантический признак 'небольшой прием').

Стремление участников проекта выглядеть престижно и «креативно» ярко проявляется в применении иноязычных средств, служащих установлению контакта между собеседниками, особенно часто – в формулах приветствия, прощания и в выполняющих звательную функцию: *хай, бай, ариведерчи, гуд лак, плиз, бейби, май секси лейди*.

Структурно-семантические особенности заимствований, употребляемых участниками телешоу, и их частотность соответствуют общим тенденциям развития и применения этих единиц в русском языке. Например, наречия оформляются типичными для разговорного русского аффиксами: *элементарно, эксклюзивно, лайтово, (не) комфортно*. Практически во всех сферах русского языка встречаются слова с компонентом *-инг*, они часто употребляются и в телешоу: *шопинг, кастинг, боулинг, окказионализм фейсинг*. В проекте отмечается высокая частотность заимствований с префиксами *супер-, гипер-, мега-*; *супер* также используется как самостоятельная лексема: «*супер / слушай / супер*» (с. 53); «*Она говорит / у меня будут дети / когда я буду мегазвездой*» (с. 54). В заключение отмечается, что основными целями употребления заимствований участниками проекта «Дом-2» являются стремление выглядеть «модно» и необходимость выразить эмоционально-экспрессивные оценки. При этом выявляется не только склонность участников программы к жаргону и штампам молодежной разговорной речи, но и экспериментирование над формой и содержанием слов.

В четвертой главе «Эвфемизмы в политическом дискурсе» (автор – Т.Г. Кликушина) исследуются функциональные характеристики эвфемизмов в политическом дискурсе и их соотношение со смежными явлениями.

В работе применяются следующие определения: политический дискурс рассматривается как «актуальное использование языка в социально-политической сфере общения» (с. 63); политический текст – как «текст, предназначенный для воздействия на политическую ситуацию при помощи пропаганды политических идей, эмоционального воздействия на граждан и побуждения их к политическим действиям» (с. 64)¹. Политические тексты не существуют как отдельный жанр, к их жанрам относятся: рекламы, лозунги и листовки, политические речи, политические статьи, публицистические статьи, информационные статьи. В каждом из приведенных жанров особое соотношение субъективности и объективности, а также характерное смешение функциональных стилей и наличие лексики из разных слоев языка.

Эвфемизм трактуется Т.Г. Кликушиной как нейтральное по смыслу и эмоциональной нагрузке слово или выражение, используемое в текстах и публичных высказываниях для замены других выражений, считающихся неуместными или неприличными. По критерию замены существующих в языке слов и выражений с определенной прагматической целью автор сопоставляет эвфемизмы с официализмами, жаргонизмами и вульгаризмами. Одна из разновидностей вульгаризмов – дисфемизмы – являются противоположностью эвфемизмам по цели использования. Дисфемизм – это, в отличие от табу, замена нейтрального слова откровенно грубым, пренебрежительным с целью намеренного оскорбления собеседника или придания речи своеобразной «выразительности». Автор приводит пример синонимического ряда в английском языке: *bribery* «взятка» (табу) – *treatment, gratitude* «благодарность», «обращение» (эвфемизмы) – *oil, juice, grease* «смазка», «горючее» (дисфемизмы).

Особенностью эвфемистического словаря является высокая степень его подвижности. Это вызвано тем, что одно и то же слово

¹ Данное определение политического текста приведено автором со ссылкой на Википедию, статья «Политическая лингвистика»). – *Прим. реф.*

в разных социальных группах и ситуациях может иметь разные стилистические статусы. Так, слова *to drop* и *to croak* в молодежной среде используются как эвфемизмы по отношению к *to die* «умереть», но в других возрастных группах и в официальных ситуациях могут быть расценены как дисфемизмы. Кроме того, идет процесс стирания эвфемистической функции: сильные негативные ассоциации, связанные с обозначаемым понятием, приводят к тому, что первоначальный эвфемизм начинает восприниматься как неприемлемый. Процесс стирания характерен для политических эвфемизмов. Например, в англоязычном политическом дискурсе из цепочки единиц: *negro – coloured – black – African American* только последняя сохраняет функции эвфемизма.

Эвфемизмы связаны с денотатом не прямо, но через первичное наименование. Смягчая обозначаемое, эвфемизмы тем самым маскируют действительность, Прямое обозначение явления, как правило, известно и адресанту, и адресату, но определенное время эвфемизмы помогают вуалировать суть явления. Это их свойство активно используется в политическом дискурсе. Примеров эвфемизации и в русских, и в англоязычных политических текстах (как в массмедиа, так и в речах политиков) немало. Например: «*девушки с пониженной социальной ответственностью*» (из речи В.В. Путина) (с. 88); *мягкая сила; наступление известных событий* (об Украине); англ. *N-word* – слово на букву «N», т.е. слово «негр», считающееся табу в англоязычном политическом дискурсе; «*He doesn't like him... he doesn't respect him*» «Он [Обама – Путину] ему не нравится... он его не уважает» (Д. Трамп об отношениях Обамы и Путина) (с. 94) и т.д.

Современные англоязычные политические эвфемизмы охватывают широкую социальную область, а не только сферы внутренней и внешней политики. Их особенностью является тесная связь с феноменом политкорректности, возникшим в США в период борьбы с расизмом и впоследствии распространившимся на другие области общественной жизни. В современном политическом дискурсе избегаются наименования, прямо обозначающие физические и умственные недостатки, национальную и гендерную принадлежность, возраст, непрестижные профессии. Например: *senior citizens* букв. старшие граждане, вместо «старики, пожилые люди»; *physically challenged* букв. люди, испытывающие трудности вслед-

ствии физических особенностей, вместо «инвалиды»; *native Americans* букв. коренные американцы, вместо «американские индейцы»; *sanitation engineer* букв. инженер по санитарии, вместо «мусорщик»; *chairperson*, букв. председательствующая персона, где снята гендерная морфема, присутствующая в традиционном наименовании *chairman* «председатель»).

В заключение автор отмечает, что в функциональном плане политические эвфемизмы представляют собой неоднозначное явление. С одной стороны, они маскируют обозначаемые ситуации, способствуя манипуляции аудиторией, с другой – противостоят вербальной агрессии и помогают сохранить позитивное лицо адресанта и его партнеров по коммуникации. Поэтому используемые в дискурсах эвфемизмы следует рассматривать не только как лингвистическое явление, но также как феномен культуры, как отражение системы ценностей носителей языка.

В четвертой главе «Паремиологические включения в художественный дискурс» (автор – Е.В. Полякова) исследуются функции и трансформации пословиц в указанном типе дискурса.

Пословица определяется как краткое, устойчивое в речи, образное народное изречение назидательного характера, имеющее форму законченного предложения и часто обладающее ритмической организацией (с. 110). Особенность паремиологического фонда языка состоит в способности аккумулировать и типизировать опыт народа, репрезентируя и одновременно оценивая его в образном наполнении пословиц. Поэтому пословицы и поговорки относятся к когнитивной базе носителей языка, являются единицами их мыслительной деятельности и культурной рефлексии. Значение образной пословицы мотивировано метафорой, знание которой позволяет соотнести буквальное значение с идиоматическим и через эту ассоциацию охарактеризовать обозначаемое. Так, опираясь на свою языковую компетенцию и на опыт народа, говорящие лаконично сообщают через пословицы свою интерпретацию ситуации и оценки, выражают эмоции. Пословица выступает как своего рода «матрица-аксиома» (с. 129), способная выступать в качестве константы, применимой к разным ситуациям¹.

¹ Автор главы опирается в этом выводе на работу: Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса. – М., 2007. – 288 с. – *Прим. реф.*

В художественном дискурсе пословица входит в структуру текста, реализуя определенную коммуникативную стратегию, связанную с авторским замыслом. При этом часто производятся трансформации формы паремий, такие как ее усечение, замена или вклинивание компонента, игра с синтаксической формой выражения. Эти направления трансформаций и их эффект прослеживаются на примере современной англоязычной прозы. Замена компонентов способствует конкретизации образа и повышает эмотивность высказывания: «*When in Madrid do as the madrilos*» (с. 124) вместо конвенционального «*When in Rome do as the Romans do*» – букв. «Когда ты в Риме, поступай, как римляне». Изменение синтаксической структуры помогает избежать банального повторения и демонстрирует умение креативно обращаться с паремиологическим фондом языка: «*Still, the proof was always in the pudding*» (с. 126) вместо обычного «*The proof of the pudding is in the eating*» – букв. «Чтобы узнать, каков пудинг, надо его съесть». Оперирование пословицей в художественных текстах приводят также к включению метаязыковых единиц, отсылающих к смыслу общеизвестного выражения: «... *would be like looking for the proverbial needle in a haystack*» (с. 126–127) букв. «Это было бы похоже на поиск иголки из пословицы в стоге сена»; англ. пословица: «*Like a needle in a haystack*» – букв. «Словно иголка в стоге сена»¹.

В художественных текстах проявляется такое свойство пословиц, как полифункциональность. Общей для всех паремий является когнитивно-дискурсивная функция внутренней экспликации дискурса. Она состоит в том, что паремии позволяют представлять информацию таким образом, чтобы ее вербализация, передача и восприятие оказались максимально эффективными. Эта функция совмещается с другими функциями: организации дискурса, когнитивной экономии, эмоционального воздействия, резюмирования, а также с функциями социально-культурной идентификации, фатической и эвфемистической. Все эти роли паремий представлены в англоязычном художественном дискурсе. При этом количество паремий зависит от индивидуального стиля автора – в текстах неко-

¹ Приведенные примеры взяты автором статьи из произведений Б. Мельцера и Б. Тейлор Брэдфорд (Brad Meltzer, Barbara Taylor Bradford). – *Прим. реф.*

торых авторов поговорки являются неотъемлемой характеристикой стиля, другие же избегают их использования.

В пятой главе «Лексико-семантические и структурные особенности научного дискурса в русском и английском языках» (автор – Ю.М. Демоннова) отмечается, что научный дискурс как способ концептуализации знаний и их передачи обладает особой коммуникативной структурой. Поэтому научный стиль имеет свои стандарты, обусловленные его нацеленностью на передачу научной информации и необходимостью обеспечить совместную деятельность сторон.

Лексико-семантические и структурные особенности научного дискурса исследуются автором на примере статей из современных англоязычных и русскоязычных лингвистических журналов, таких как: «International journal of linguistics», «American journal of linguistics», «Вопросы языкознания», «Московский лингвистический журнал», «Язык. Словесность. Культура».

Языковой материал данных изданий подтвердил правильность традиционного разделения лексики научного дискурса на три основных слоя: общая, или общенародная лексика, общенаучная лексика и собственно терминологический слой. И в русском, и в английском языках наибольшую часть составляет общенародная лексика – в английском 54%, а в русском – 61% от общей суммы лексического наполнения текстов. В обоих языках неотъемлемой частью являются клише – готовые речевые обороты, стандартно воспроизводимые в определенных контекстах. В отличие от штампов, представляющих собой единицы со «стершейся» образностью или экспрессивностью, функция клише является конструктивной, и они полностью сохраняют свою семантику. Так, в разных частях англоязычных текстов (abstract, основная часть, заключение) часто встречаются обороты: *we should focus on..., taking all above mentioned, as a result* и др. В русскоязычных статьях клише встречаются значительно реже, преимущественно в аннотациях и в заключениях: *статья посвящена, в статье предпринята попытка..., так, таким образом* и др. Сопоставление текстов показало, что англоязычные клишированные выражения демонстрируют большую устойчивость, в русскоязычных текстах автор в большей степени видоизменяет клише. Общенаучная лексика в обоих языках состоит из «книжных» слов и соответствует определенным семан-

тическим разрядам, таким как существительные и глаголы, выражающие состояние / действие субъекта, активное воздействие на объект, характеристику объекта, представление хода и результатов исследования: *a doubt, an explanation, to solve, to determine; гипотеза, реакция, приходит к выводу, описывать* и др.¹.

Терминологический слой в англоязычных лингвистических текстах проявляет следующую особенность: большинство из обнаруженных терминов представляют собой словосочетания, в которых один из элементов является собственно терминологическим, а второй – словом общенародного или общенаучного языка. Например: *deictic elements, objective modality, predictive unit*. Для русскоязычных текстов характерны как единицы, употребляемые только в лингвистике, так и слова и выражения, развившие терминологические значения на базе общенародных единиц: *субъектная клитика, язык-реципиент, коммуникативные потребности, креативная функция*. Таким образом, словарь современного научного (лингвистического) дискурса в английском и русском языках демонстрируют и общие тенденции развития, и некоторые различия.

Анализ структуры англоязычной научной статьи позволил выявить некоторые закономерности. Научная статья состоит из нескольких частей – *abstract, introduction, methodology, main part, results and conclusion* (аннотация, введение, методы, основная часть, результаты и заключение). Аннотация, введение и заключение пишутся по строго определенным правилам. Особенно жестко структурированной оказывается аннотация, так как в этой, небольшой, части работы автор должен показать всю ее значимость и привлечь читателя: в первом предложении заявляется цель работы и основные методы; затем они более подробно раскрываются в общем контексте исследований по теме; затем следует предложение, в котором излагается главное достижение работы. Основная часть англоязычной статьи характеризуется множеством сложных предложений – как сложносочиненных, так и сложноподчиненных, а также множеством предложений с однородными членами. Эмоционально-экспрессивная лексика избегается, однако применяются риторические вопросы и ряд стилистических приемов, таких как

¹ Подробно эти семантические группы были выделены и описаны в работе: Глушко М.М. Теория и практика английской научной речи. – М., 1987. – 240 с.

повтор в виде анадиплозиса: «*The author... in this instance is an individual. The individual who authored the text*».

Современная русскоязычная научная статья во многом сходна по структуре с англоязычной. Ее общая структура практически такая же: недавно в нее была включена и часть «аннотация» с целью приближения к европейскому уровню. В основной части также преобладают сложные предложения, присутствуют причастные и деепричастные обороты. Однако в области структуры наблюдаются и некоторые различия. Так, обороты с местоимением первого лица множественного числа, характерные для англоязычных статей (типа *we suppose that...*), менее частотны, но во множестве используются определенно-личные, неопределенно-личные и безличные конструкции: *можно заметить, важно отметить, рассматриваются различные подходы* (с. 175–176). Кроме того, Ю.М. Демонова отмечает такую композиционную особенность англоязычных статей, как многочисленные повторы одной и той же идеи, выраженной разными словами. Это объясняется большей направленностью англоязычных статей на адресата, стремлением лучше донести до него информацию.

Е.О. Опарина

2019.01.014. ЯЗЫК, СОЗНАНИЕ, КОММУНИКАЦИЯ: Сборник статей / Отв. ред. серии В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2017. – Вып. 57. – 296 с.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; фразеология; психолингвистика; лингвокультурологические исследования; культурный код; личность; социолингвистика.

Выпуск статей специалистов в области общего языкознания, фразеологии, когнитивной лингвистики, психолингвистики и лингвокультурологии посвящен юбилею отечественного ученого профессора Елены Георгиевны Беляевской. В фокусе внимания оказываются как общетеоретические, так и прикладные направления языкознания и смежных наук.

Во вводной статье И.В. Зыковой систематизируются основные положения научных работ Е.Г. Беляевской, определяется роль исследователя в решении проблем современной лингвистики в отношении формирования текста и дискурса, разработки когнитив-

ной методологии анализа, описания интерпретативно-деятельностной функции языка, определения литературных жанров, а также поиска лексической эквивалентности и межъязыковых соответствий.

В статье Е.Г. Беляевской «Когнитивная лингвистика: Параметры парадигмы» исследуются основные характеристики лингвистической парадигмы как особого феномена: 1) ее строгий научный характер и наличие собственных постулатов; 2) возможность отношения к персональным и общенаучным достижениям (ср. понятия «парадигма В.В. Виноградова» и «когнитивная парадигма»); 3) возможность исторической смены парадигмы за счет смены акцента исследования (например, сравнительно-историческая, психологическая, системно-структурная, социальная парадигмы); 4) наличие четырех обязательных параметров (общего подхода к постановке проблемы, метода исследования, доминантного положения в науке, влияния в обществе). Автор рассматривает основные характеристики и постулаты трех научных парадигм: сравнительно-исторической, структурной и когнитивной. Так, в сравнительно-исторической парадигме, к основному постулату которой автор относит постулат континуальности (имеющий в качестве основного следствия представление о выводимости), решалась проблема систематизации принципов изменения значений, а также проблема установления причин исторической вариативности с помощью описательного метода внутренней реконструкции. В структурной парадигме, построенной на постулатах манипулятивности и операциональности, решалась проблема разделения языка на подсистемы и проблема описания единиц и правил переходов единиц уровней этой системы с помощью методов дистрибутивного, трансформационного, компонентного анализа и др. В когнитивной (когнитивно-дискурсивной) парадигме, где основным постулатом стал постулат моделируемости, исследуются возможности моделирования языковой способности человека с помощью методов фреймовой семантики, прототипической семантики и других методов, которые на данный момент требуют доработки по материалу и структуре.

В статье «О некоторых инновационных процессах развития письменной культуры в постреформационной Германии и их исторических параллелях» Н.С. Бабенко, апеллируя к положениям Е.Г. Беляевской о возможности моделирования исторической ди-

намики литературного жанра¹, устанавливает основные составляющие романно-шванковой развлекательной литературы и новостной газетно-информационной печати. Среди них называются: 1) общие мотивы развлекательности, увеселения и вместе с тем полезности и правдивости; 2) наличие двух жанровых форм – *Historia* (событийный текст с новым содержанием) и *Fabula* (текст с уже известным содержанием и источниками, восходящими к стихотворному эпосу); 3) факультативность авторства и значимость издательства; 4) существование в малых формах (листочка, *Flugblatt*); 5) закреплённость в определенных жанрах (проповедь, фабула, трактат); 6) ориентация языка на народную речь; 7) дискурсивные характеристики, например политематичность, использование изображения, датирование.

Направление текстового и дискурсивного анализа также характеризуется в статьях Л.И. Гришаевой, О.Г. Дубровской, А.В. Кирилиной, О.В. Соколовой, Н.А. Чес. Так, Л.И. Гришаева, развивая идеи Е.Г. Беляевской о метадискурсе², формулирует положения о медиалингвистике как о метанауке в гуманитарной сфере. О.Г. Дубровская исследует метаконцепты как универсальные структуры знания, которые участвуют в формировании социокультурной специфики дискурса. Работа А.В. Кирилиной посвящена вопросам гендерной дифференциации и асимметрии в медиатекстах. О.В. Соколова на материале манифестов раннего авангарда демонстрирует особенности фоносемантики, или звукового символизма, опираясь на положения Е.Г. Беляевской о значимой роли фонетических особенностей в организации дискурса³. Подчеркивая важную роль метафорических концептов в формировании дискурса⁴,

¹ См.: Беляевская Е.Г. Моделирование исторической динамики литературного жанра // *Динамические процессы в германских языках: Материалы чтений памяти В.Н. Ярцевой.* – М., 2012. – Вып. 4. – С. 210–216.

² См.: Беляевская Е.Г. К определению понятия «метадискурс» // *Когнитивные исследования языка.* – М.; Тамбов, 2006. – Вып. 24: *Личность. Язык. Сознание.* – С. 137–149.

³ См.: Беляевская Е.Г. «Звуковые» фреймы и анализ нарративного дискурса // *Вестник МГУ им. М.В. Ломоносова.* – 2014. – Вып. 17 (703). – С. 15–23.

⁴ См.: Беляевская Е.Г. Номинативный потенциал концептуальных метафор (Концептуально-метафорическая репрезентация как иерархическая система) // *Актуальные проблемы современной лексикологии и фразеологии: Сб. науч. тр. к 100-летию проф. И.И. Чернышевой.* – М., 2011. – С. 13–30.

Н.А. Чес описывает их сложноорганизованную систему, структурирующую политический медиадискурс.

В статье «Интерпретирующая функция когнитивного контекста» Н.Н. Болдырев развивает проблему концептуальной организации когнитивного контекста, поднятую в работах Е.Г. Беляевской¹. Будучи средством индивидуальной интерпретации мира и одновременно средством вторичной концептуализации и категоризации, когнитивный контекст как система знаний играет важную роль в формировании языковой семантики. Автор описывает два типа когнитивных схем интерпретации: общие (концепты, категории, пропозиции, общие когнитивные и языковые механизмы формирования смысла) и частные (конкретные концепты, категории и механизмы, метафоро-метонимические модели, модели концептуальной деривации, интеграции, индивидуально-авторские сравнения и др.). Концептуальная система в целом содержит три вида концептуальных образований: 1) тематические концепты и категории, которые объединяются в концептуально-тематические области при осмыслении события, выделении его характеристик и конструировании межконцептуальных связей (например, синонимических, метонимических, гиперо-гипонимических); 2) интерпретирующие концепты (например, ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ), роль которых состоит во вторичной концептуализации объектов и событий; 3) металингвистические концепты как единицы языкового знания (например, фонологические, словообразовательные модели, типы классов слов, коммуникативных ситуаций).

Проблемы организации концептуальных репрезентаций также рассматриваются в сборнике в рамках фреймовой семантики (в статьях Е.Е. Голубковой и Л.В. Порохницкой, Н.А. Стебельковой), в аспекте постоянного и переменного фокусирования (в статье М.И. Киосе), перспективизации в целом (в статье Л.А. Манерко). Так, применяя метод фреймового анализа для исследования семантики лексических единиц², Е.Е. Голубкова исследует прецедентные

¹ См., например: Беляевская Е.Г. Интерпретация знаний о мире в языке: Методы изучения // Интерпретация мира в языке: Колл. монография. – Тамбов, 2017. – С. 82–157.

² См.: Беляевская Е.Г. Фреймы «действия» и «деятельности» как основание классификации лексических единиц // Вестник МГЛУ. Сер.: Языкознание. – М.,

имена собственные, служащие для замены имен нарицательных. С опорой на предложенные Е.Г. Беляевской термины постоянного и переменного фокуса¹, М.И. Киосе описывает процесс текстовой конвенционализации не прямых лексем. Роль пространственных и ориентационных схем в формировании перспективы текста показывает Л.А. Манерко. Развивая теорию семантического микрофрейма Е.Г. Беляевской², Л.В. Порохницкая на материале эвфемизмов как единиц вторичной номинации демонстрирует методику исследования номинативного фокуса как основного компонента микрофрейма. Апеллируя к строению фрейма как «многомерной двухуровневой структуры, включающей в себя собственно семантический и концептуальные уровни», Н.А. Стебелькова подвергает анализу фреймовую организацию концепта WAY с учетом фразообразовательных возможностей лексемы *way*.

В статье «Специфика формирования образа-цели, или как чужая культура заменяет национальную» И.А. Бубнова, развивая положения психолингвокультурологического подхода, рассматривает специфические особенности формирования образа-цели как регулятора жизненного опыта человека, конструирующего его образ мира. Выявляя три основные направления анализа образа мира, а именно: как системы индивидуальных значений человека, как динамического образования и как образования функционального, автор придерживается третьего подхода, понимая под образом мира «схему информационно-целевого обслуживания жизненной активности личности» (с. 44). Образ мира является результатом работы сознания и жизненного опыта человека; значимую роль в достижении этого результата играет образ-цель, который возникает в процессе коммуникации и детерминирует направление активности личности. В работе на материале движения PRO-ANA, распро-

2013. – Вып. 20 (680): Новое в лексикологических исследованиях: Преемственность и инновации. – С. 18–28.

¹ См.: Беляевская Е.Г. Концептуальные структуры с постоянным и переменным фокусом // Когнитивные исследования языка. – Тамбов, 2011. – Вып. 9: Взаимодействие когнитивных и языковых структур. – С. 59–69.

² См.: Беляевская Е.Г. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах (Когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1992. – 401 с.

страняющегося в сети Интернет с 2008 г., исследуется процесс фреймового формирования образа-цели, который вводится в сознание реципиента опосредованно, через идеальный образ-ориентир¹. В качестве такого образа выступает образ собирательной личности, в данном случае, образ Анорексии, представленный на страницах интернет-сообщества худеющих девушек в виде «мамы Аны». На основе анализа визуального и вербального контекста в качестве основных слотов общей структуры фрейма образа-цели автор определяет: 1) «романтизацию конечной цели»; 2) «только здесь твой дом, где тебя понимают»; 3) «мотивирование участниц дойти до цели» (с. 48–49). Автор показывает, что образ-цель, который является результатом деятельности индивидуального сознания, в действительности задается извне; сила этого влияния тем сильнее, чем слабее интеллектуальный потенциал личности.

Психолингвокультурологический подход также развивается и в работах А.А. Залевской, В.В. Красных, Е.Ю. Мягковой. Так, А.А. Залевская подвергает анализу расширение категориальных полей, образующихся вокруг общенаучных терминов; в качестве такого термина рассматривается термин «мульти-modalность». Систематизируя идеи Е.Г. Беляевской относительно культуры кодирования информации², В.В. Красных исследует «фрейм-структуру сознания как когнитивную единицу, формируемую клише / штампами сознания и представляющую собой “пучок” предсказуемых валентных связей (слотов), векторов направленных ассоциаций» (с. 150–151). Материалом анализа при этом служат базовые метафоры, принадлежащие растительному коду культуры. Е.Ю. Мягкова обращается к проблеме становления личности в процессе социализации, в частности под влиянием окружающего мира в виде социальных сетей.

Значительное внимание в сборнике уделено положениям, высказанным в работах Е.Г. Беляевской, посвященных лексической и фразеологической семантике.

¹ См. об этом подробнее: Беляевская Е.Г. Фрейм «политик» в англоязычном биографическом дискурсе // Политическая лингвистика. – 2012. – № 2 (40). – С. 21–26.

² См.: Беляевская Е.Г. Культурологическая информация в семантике лексических единиц // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2007. – № 4 (013). – С. 44–50.

В статье «Действие лексикализации в системе современного английского языка» А.Э. Левицкий, опираясь на предложенное Е.Г. Беляевской членение признаков лексического значения слова и учение о границах варьирования значения слова¹, исследует способы лексикализации как частного случая функциональной переориентации (включающей помимо лексикализации грамматикализацию и терминологизацию / детерминологизацию). Основным показателем таких единиц служит то, что они «по форме относятся к синтаксическому уровню, а по знаковым параметрам – к лексическому» (с. 170). Автор рассматривает три стадии процесса функциональной переориентации синтаксических единиц в современном английском языке: соположение, сближение и инкорпорацию. Соположение проявляется в образовании устойчивых словосочетаний с непереосмысленными и частично переосмысленными компонентами (*acid rain* «кислотный дождь», *couch potato* «лентяй»), словосочетаний, относящихся к рифмованному сленгу (*nuts and bolts* «основы, азы», *fudge and mudge* «колебаться, откладывать принятие важных решений»), комплексных имен собственных, употребляющихся как нарицательные (*Don Juan* «Дон Жуан», *Lady Bountiful* «Леди Благотворительность»). Сближение реализуется в словостяжении, например при образовании слов на основе юкстапозиции, или словосложения без эллипсиса (*sunglasses* «солнечные очки»), редупликации (*spit-spot* «быстро»), аббревиации (*WHO* – *World Health Organization* «Всемирная организация здравоохранения»), а также при стяжении слов с помощью союзов *and* и *or* (*up-and-down* «вверх и вниз», *out-of-doors* «на улице»). Инкорпорация понимается автором как создание сложных слов при лексикализации предложений (*To look at Montmorency you would imagine that he was an angel sent upon the earth, for some reason withheld from mankind, in the shape of a small fox-terrier. There is a sort of Oh-what-a-wicked-world-this-is-and-how-I-wish-I-could-do-something-to-make-it-better-and-nobler expression about Montmorency that has been known to bring the tears into the eyes of pious old ladies and gentlemen* «Посмотреть на Монморанси, так он просто ангел во плоти, по каким-то причинам, оставшимся тайной для человечества, принявший образ маленького фокстерьера. Он всегда сохраняет выраже-

¹ См.: Беляевская Е.Г. Семантика слова. – М., 1987. – 128 с.

ние “**ах-как-плох-сей-мир – и – как-я-хотел-бы-сделать-его-лучше-и-благодарнее**”, которое вызывает слезы у благочестивых старых леди и джентльменов» (Дж.К. Джером, перевод М. Донского).

В статье «Ассоциативный потенциал русских слов-реалий в испанской языковой картине мира» Н.Г. Мед обращается к «культурной составляющей семантики по отношению к референту»¹ и рассматривает русские слова-реалии, широко представленные в испанском газетном и художественном дискурсе. К ним относятся: 1) реалии быта, связанные с ремеслами (*матрешка*); 2) реалии русской национальной кухни (*салат оливье*); 3) реалии-историзмы (*бояре, опричник, царь*); 4) реалии-советизмы (*советы, стахановец, аппаратчик, ГУЛАГ*); 5) ономастические реалии (*Распутин, потемкинские деревни, собака Павлова, Митрофан*).

В статье «Конфессиональный мир в языке: От слова к концепту» С.Е. Никитина исследует проблемы взаимосвязи веры, культуры и языка в конфессиональных группах старообрядцев (православных), молокан и духоборцев (сторонников русского народного протестантизма). Для лингвокультурологического описания языковой картины мира названных культур автор прибегает к изучению тематических параметров (в качестве показателей рассматриваются, например, термины, использующиеся в ситуациях богослужения и переселения); семантических оппозиций (таких, как *грех – праведность, свой – чужой, чистота – нечистота, внутренний – внешний*); ключевых слов и культурно-религиозных концептов (например, *дорога, собор, духоборский крест, пророк* и др.).

Проблема языковой реконструкции способов восприятия и организации времени в современном датском языке поднимается в статье Д.Б. Никуличевой. На материале датских временных предложений автор демонстрирует, что время концептуализируется в языковой культуре с позиции перцептора-говорящего. Так, при сопоставлении временных смыслов, передаваемых предложением *efter* в словосочетании *uge efter uge* «неделя за неделей» и предложением *for* в словосочетании *dag for dag* «день за днем», автор отмечает наличие

¹ См.: Беляевская Е.Г. Роль культуры социума в формировании концептуальных оснований семантики идиом // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М., 2016. – Вып. 53. – С. 27–36.

идеи большего отдаления в первом случае и идеи фронтального расположения объекта относительно воспринимающего субъекта – во втором. При этом предлог *efter* предполагает в качестве точки отсчета не говорящего субъекта, а некоторое внешнее событие-ориентир. На примере этих и других предлогов показано, что циклические интервалы *день, неделя, месяц, год* концептуализируются как «концентрические окружности, в центре которых находится наблюдатель (внутренняя циклическая перспектива)» (с. 236), а мелкие интервалы *час, минута, секунда* – как «внешние по отношению к наблюдателю темпоральные “контейнеры”, вмещающие то или иное количество повторяющихся событий» (с. 236).

Проблемы концептуального содержания лексических единиц также рассматриваются в статьях О.А. Гусевой и А.Д. Донченко.

Лингвокультурная фразеосемантика получает освещение в работах И.В. Зыковой и Е.А. Никулиной. Так, в статье «Фразеологическое значение сквозь призму постулатов когнитивной лингвистики» И.В. Зыкова демонстрирует методiku и результаты лингвокультурологического моделирования фразеологического значения, опираясь на базовые постулаты когнитивной парадигмы, сформулированные в работах Е.Г. Беляевской, а именно, постулаты интегративности (предполагает изучение лингвистического объекта «в действии», в процессе использования в коммуникации) и моделируемости (поиска объяснений того, как формируются языковые сущности)¹. На примере анализа макретафорической концептуальной модели ВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ – ЭТО СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (на материале английского языка) И.В. Зыкова исследует специфику организации фразеологического значения на глубинном уровне, т.е. уровне концептуальных оснований модели, выявляя несколько фаз дифференциации фразеологических образов. В результате дифференциации возникают такие группы и подгруппы образов, как: 1) реализация социальных отношений в отношениях межличностных (*a fireside chat* «разговор у камина, неформальный разговор близких людей»), межсоциальных

¹ См.: Беляевская Е.Г. Семантика в трех парадигмах лингвистического знания (Критерии выбора метода) // Парадигмы научного знания в современной лингвистике. – М., 2008. – С. 64–81; Беляевская Е.Г. Концептуальный анализ: Модифицированная версия методов структурной лингвистики? // Когнитивные исследования языка. – 2009. – Вып. 1. – С. 60–68.

(*to talk posh* «вести светскую беседу»), межнациональных (*double Dutch* или «непонятный разговор» – «двусмысленный голландский»); 2) социальное регулирование с участием деятельности правоохранительных органов (*to read the Riot Act* «отчитывать»), правонарушителей (*to murder the King's English* «коверкать английский язык»), законодателей (*someone's word is law* «слово есть закон»); в каждой из подгрупп также дифференцируются частные группировки. Суммирование этих данных позволяет автору провести оценку креативного потенциала рассматриваемой макрометафорической модели.

Теоретико-методологическому и историко-графическому осмыслению научных парадигм в исследованиях Е.Г. Беляевской посвящена статья В.И. Постоваловой «Наука о языке и пути ее становления в металингвистическом осмыслении Е.Г. Беляевской». При анализе основных постулатов эпистемологической компаративистики как сферы знания, имеющей предметом «сравнительный анализ различных сфер культуры, терминологических систем и дискурсов, а также разных типов ментальностей, лежащих в основе данных дискурсов» (с. 247), В.И. Постовалова указывает на некоторые ее критерии как метанауки, обозначенные в работах Е.Г. Беляевской¹. К таким критериям относятся: 1) реализация общенаучного принципа имманентизма, выражающегося в учете достижений науки предыдущего периода; 2) избегание интернализма и экстернализма как двух крайностей при формулировании аксиом парадигмы; 3) адаптация и трансфер понятий и смысловых различий разных наук; 4) наличие единства методологии, связанной с аксиоматикой метанауки.

В целом, в издании систематизируются основные направления широчайшего круга работ Елены Георгиевны Беляевской, демонстрируется актуальность разрабатываемой исследователем методологии и значимость постулатов для современной науки о языке.

М.И. Куосе

¹ См.: Беляевская Е.Г. Три парадигмы семантических исследований: (Чем отличается когнитивный подход к лексической семантике от традиционного) // На стыке парадигм лингвистического знания в начале XXI века: Грамматика, семантика, словообразование: Материалы международной конференции. – Калининград, 2003. – С. 60–72.

2019.01.015. Е.О. ОПАРИНА. ОБРАЗНЫЕ И ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В ЯЗЫКЕ ПОЛИТИКИ. (Обзор).

Ключевые слова: современный политический дискурс; язык СМИ; политическая реклама; лингвостилистические средства – ирония, черный юмор; метафора / метафорические модели; ассоциативный эксперимент.

Т.А. Коновалова и А.Д. Зейферт (3) анализируют роль метафоры в формировании понятий 'город' и 'деревня' как части представлений о России. Исследование проводилось на материале ассоциативного эксперимента и социологического опроса студентов Уральского региона.

Авторы отмечают, что их понимание термина «концепт» близко к его трактовке акад. Ю.С. Степановым, согласно которому концепт является «основной ячейкой культуры в ментальном мире человека» (3, с. 158). Следовательно, концепты, в отличие от логических понятий, отличаются акцентуацией ценностного и эмоционального аспектов. Архитектурная картина мира является, по определению авторов, результатом рефлексии со стороны субъекта над социально-культурной реальностью посредством архитектуры (там же). Концепты 'город' и 'деревня' рассматриваются в статье как составляющие архитектурной картины мира. Они моделируются как ассоциативные концепты на основе полученных в ходе эксперимента ассоциативных реакций.

В числе этих реакций выделяются метафорические, основанные на разнообразных смысловых группах ассоциаций – технических, строительных, биологических, продуктовых, функциональных и т.д. Так, в ассоциативном осмыслении города встречаются ассоциации: *город – это завод, город – это банк, город – это муравейник, город – это торт*. В плане оценочности большинство реакций позитивны или нейтральны, однако встречаются и экспрессивные негативные, такие как *город – это спрут, город – это бардак, город – это помойка*. Среди реакций респондентов есть прецедентные названия и выражения, такие как *город Зеро, город Солнца, город Мастеров, город не спит, город золотой* и др.

В создании ассоциативного концепта 'деревня' также принимают участие метафоры. При этом ассоциативный концепт 'деревня' имеет больше негативных реакций, чем 'город', и практи-

чески все они связаны с темой *угасания деревни* и основаны на образе живого существа: *умерла, забитая, стонет*. Но вместе с тем отмечены ассоциации: *деревня – это сила, деревня – это богатый, деревня – это сказка*. Деревня также осмысливается через прецедентные феномены: *Потемкинская деревня, Пушкинская деревня, «Кому на Руси жить хорошо», «на деревню к дедушке», деревня-матушка, моя деревня, мой дом родной*.

Представленные данные, полученные авторами статьи в течение последних лет, несколько отличаются по характеру метафор и субъективных оценок от данных, собранных Ю.Н. Карауловым в 80–90-х годах XX в. (3, с. 164). Это доказывает, что посредством метафоры человек не только познает мир, но и преобразует имеющуюся в сознании картину мира, вводя в нее новую категоризацию и ценностные ориентиры.

Чэн Юйсяо (4) исследует метафорические модели как средство описания политической и экономической жизни Китая в современных российских СМИ. Метафора, как было доказано когнитивным подходом к этому ментальному и языковому феномену в теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, является неотъемлемым инструментом человеческого мышления. В публицистических текстах она активно применяется потому, что позволяет эффективно и лаконично охарактеризовать описываемую ситуацию, привлечь к объекту внимание читателя. Исследования показывают, что наиболее продуктивными источниками метафоризации в политическом дискурсе являются следующие сферы: 'война', 'спорт', 'криминал', 'болезнь', 'театр', 'человеческое тело', 'техника', 'дом', 'дорога'¹.

Чэн Юйсяо останавливается на спортивной метафоре как доминирующей при создании образа современного Китая в российских СМИ. В этой модели автор выделил следующие фреймы: «виды спорта», «прогнозы соревнований», «участники соревнований», «квалификация спортсменов». Фрейм «виды спорта» включает характеристику объекта как участника спортивной игры, борьбы, а также по параметру скорости движения: «...*Китай полностью переиграл Россию по части доступа к добыче нефти и газа в центральноазиатских странах*» (Известия, 2013.03.06); «...*Китай*

¹ Чудинов А.П. Политическая лингвистика: Общие вопросы, метафора. – Екатеринбург, 2004. – 193 с.

обойдет Германию по числу въезжающих в Россию туристов к 2015 году» (РБК Дейли, 2013.10.08); «Китайская экономика положит американскую на обе лопатки» (Новый день, 2008.07.10). Фрейм «прогнозы соревнований» включает как позитивные (в большинстве), так и негативные прогнозы: «...лидерство в сфере глобальной интеграции далеко не гарантирует большого выигрыша для КНР» (Дыхание Китая, 2016, сент.). Фрейм «квалификация игроков» чаще всего характеризует Китай как лидера и победителя / рекордсмена в мировой конкуренции: «И хотя Китай находится в числе лидеров по экономическому росту, такая нагрузка на госбюджет для него пока слишком тяжела» (Известия, 2013.07.16); «Рекордсменом здесь остается Китай, который к 2015 году будет тратить больше, чем Великобритания, Франция и Германия вместе взятые» (РБК Дейли, 2014.02.04).

Представленная на данном материале классификация фреймов спортивной метафоры позволяет дополнить и модифицировать классификацию, ранее предложенную А.П. Чудиновым¹.

Л.П. Ковальчук (2) анализирует вербальный компонент американских видеороликов, принадлежащих к жанру политической рекламы. Автор подчеркивает, что «в XX–XXI вв. реклама переросла из разряда эффективного экономического инструмента в неотъемлемую часть массовой культуры и стала передавать не только информацию о рекламируемом объекте, но и навязывать социальные, политические и культурные модели поведения» (2, с. 152).

В центре внимания в работе находится метафора, понимаемая как результат ментального процесса блендинга, а также ряд других образных лингвостилистических средств, построенных на этом принципе. Блендинг понимается исследователями как процесс смыслообразования, лежащий в основе человеческого мышления, но не поддающийся сознательному контролю. В нем задействованы четыре ментальных пространства: два исходных (англ. термин *input spaces*) – источник образа и обозначаемое явление / понятие; общее пространство (англ. *generic space*); смешанное пространство, образующееся в результате их взаимодействия и обладающее качественно новыми семантическими признаками (англ. *blended space*,

¹ Чудинов А.П. Спортивная метафора в современном российском политическом дискурсе // Вестн. ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2001. – № 2. – С. 26–31.

blend). Бленды формируются за счет взаимодействия признаков исходных пространств, общего пространства и элементов, относящихся к фоновым знаниям и культурным моделям. Выявление этих компонентов позволяет понять, каким образом конструируются новые смыслы.

В анализируемых видеороликах семантические компоненты, участвующие в блендинге, «распределяется» между визуальным пространством и вербальным. Однако уподобление, если оно слишком резкое и рискованное, может не выражаться напрямую. Например, женщина – кандидат в сенаторы сообщает, что она выросла на ферме, где кастрировали свиней, однако прямо вашингтонских политиков животным не уподобляет. Вместо этого употребляется текстовая метафора, выражающая признаки подобия имплицитно и фокусирующая в смешанном пространстве «целевой» признак 'чрезмерные траты политиков': «*Washington is full of spenders. Let's make 'em squeal*» – «В Вашингтоне много транжир. Давайте заставим их визжать» (2, с. 153).

Анализируются и другие приемы тропеизации, используемые в американских видеороликах. Так, имплицитная характеристика посредством эпитета или персонификации и аллюзия часто служат средством антирекламы политического соперника. Например, название видеоролика «House of Crawford» – «Дом Кроуфордов» (о семье американских сенаторов Кроуфордов) проецируется на название популярного телесериала «House of Cards» – «Карточный домик». В этом телесериале «герой» посредством махинаций и при помощи жены добивается высокого поста.

В качестве особого средства политической рекламы рассматриваются риторические вопросы. Данное лингвостилистическое средство в американских видеороликах также формирует смешанные (блендинговые) ментальные пространства, однако в этих случаях не предполагается однозначного ответа. Адресат может формировать собственное представление об определенном явлении или персонаже. Например, в ответе на вопрос, относящийся к кандидату в президенты Дональду Трампу: «*Is this the president we want for our daughters?*» – «Это тот президент, которого мы хотим для наших дочерей?»; или в избирательной кампании Хилари Клинтон: «*Does Hillary's spokesperson think we are stupid?*» – «Представитель Хила-

ри думает, что мы глупы?» (об обещании Х. Клинтон продолжить в случае избрания работу над решением проблемы СПИДа).

Сложные блендинговые структуры в политической рекламе заставляют адресата ассоциировать получаемую информацию с тем, что ему знакомо, и на этой основе конструировать нужное адресанту значение или же переосмысливать свой опыт.

А.А. Горностаева (1) исследует стилистические характеристики современного англоязычного и русскоязычного политического дискурса. Отмечается, что изменения, которые произошли в этой сфере, демонстрируют явное смещение от официальности к неформальной разговорной речи. Политическому дискурсу, направленному на борьбу с оппонентами и на привлечение внимания аудитории, изначально присущи эмоциональная насыщенность, направленность на манипулирование общественным мнением и агрессивность. Однако в современных условиях к этим качествам добавились новые: карнавальность речи, клоунада, заигрывание с аудиторией или стремление ее шокировать. Это во многих случаях делает политическую речь деструктивной, т.е. направленной на самовозвышение и преднамеренное оскорбление соперника, приносит обвинения и оскорбления, резко отрицательную оценочность, так что «некоторые ораторы с трудом балансируют на границе дозволенного» (1, с. 63).

Ирония как риторическая фигура играет важную роль в современном политическом дискурсе: она помогает выразить отрицательное отношение к оппоненту, не прибегая к грубости, служит средством защиты от агрессии и сближения или дистанцирования. Однако в политическом дискурсе и в публичной речи ирония также нередко приобретает гротескные проявления, очень далекие от политкорректности: «*All races are equal. No matter if you are black, yellow, brown or normal*» – «Все расы равны. И не важно, какой вы – черный, желтый, коричневый или нормальный» (1, с. 61).

Характерной чертой современного политического дискурса является черный юмор, который в англоязычной культуре имеет давнюю традицию. Черный юмор может служить средством психологической защиты человека и общества от потрясений и стрессов. Примером является шутка, появившаяся на одном из американских сайтов, посвященных обсуждению политических событий: «*American Airlines offer a new deal: they promise to fly you straight from the*

airport to the office» – «Американ Эрлайнз предлагают новую услугу: вас доставят из аэропорта прямо в офис» (1, с. 61). Однако там же можно встретить шутки в стиле черного юмора, которые имеют выраженный расистский или сексистский характер.

По мнению автора статьи, границы для проникновения элементов сниженного стиля в речь политиков все же должны существовать. Однозначно отрицательно оценивается присутствие обценной лексики в политическом дискурсе, что сегодня происходит даже в парламентских выступлениях, на пресс-конференциях и во время встреч на высшем уровне.

Список литературы

1. Горностаева А.А. Границы дозволенного в политическом дискурсе: Ироничность, черный юмор, деструктивность, сквернословие // Политическая лингвистика / Гл. ред. Чудинов А.П. – Екатеринбург, 2018. – Вып. 1 (67). – С. 57–66.
2. Ковальчук Л.П. Особенности концептуальной интеграции в лингвостилистических средствах американской политической рекламы // Политическая лингвистика / Гл. ред. Чудинов А.П. – Екатеринбург, 2018. – Вып. 1 (67). – С. 151–157.
3. Коновалова Т.А., Зейферт А.Д. Метафора как когнитивно-дискурсивное средство репрезентации образа современной России в архитектурной картине мира // Политическая лингвистика / Гл. ред. Чудинов А.П. – Екатеринбург, 2018. – Вып. 1 (67). – С. 158–166.
4. Чэн Юйсяо. Китай в метафорическом зеркале российских СМИ // Политическая лингвистика / Гл. ред. Чудинов А.П. – Екатеринбург, 2018. – Вып. 1 (67). – С. 114–119.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

2019.01.016. ЗЫКОВА И.В. МЕТАЯЗЫК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ: Константы и варианты. – М.: Гнозис, 2017. – 752 с.

Ключевые слова: концептосфера культуры; концептуальное основание языкового значения; константы лингвокультурологии; лингвокреативность; трансфер знаний; метаязык междисциплинарной науки; фразеологические макрометафорические концептуальные модели.

Зыкова Ирина Владимировна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Отдела теоретического и прикладного языкознания Института языкознания РАН¹.

В монографии разрабатываются теоретические и методологические основы анализа метаязыка лингвокультурологии; определяются лингвокультурологические константы как ее базисные понятия и варианты как смежные понятия; раскрывается роль междисциплинарного трансфера в становлении и развитии данных единиц.

Монография состоит из вступительного раздела, написанного В.И. Постоваловой, предисловия «От автора», двух разделов, заключения, библиографического материала и предметного указателя.

В разделе «Вступительное слово: О внутринаучной рефлексии в гуманитарном познании (Пролегомены к металингвокультурологии)» В.И. Постоваловой определяются пути формирования пространства метакультуры, «где элементам культуры соответствуют свои аналоги из разных сфер и ракурсов культуры» (с. 11). В основе формирования этого пространства лежит совокупность факторов: 1) невозможность существования абсолютной метакультуры, чему препятствует рефлексия и свобода выбора; 2) синтез различных сфер представления (моделирования) культуры, отраженный, например, в трехчастной модели языка Ю.С. Степанова, аккумулирующей философию, искусство и лингвистику; 3) развитие в двух направлениях – рефлексивном осмыслении содержания научной дисциплины и осмысления деятельности ее исследователей; 4) необходимость интеграции полярных концепций соотношения языка и культуры.

В предисловии «От автора» указывается, что лингвокультурология как наука находится в настоящий момент на этапе приобретения ею статуса самостоятельной научной дисциплины. С одной стороны, произошло наращивание понятийно-терминологического аппарата и назрела необходимость инвентаризации этого инструментария; с другой – еще не сформированы принципы научной ме-

¹ Автор работ: Способы конструирования гендера в английской фразеологии. – М., 2003. – 232 с.; Культура как информационная система: Духовное, ментальное, материально-знаковое. – М., 2011. – 363 с.; Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения. – М., 2015. – 380 с.

тодологии анализа метаязыка лингвокультурологии для осуществления этой инвентаризации. Проведенное исследование нацелено на разработку общей теории построения метаязыковой системы лингвокультурологической науки через ее описание в системе метаязыка гуманитарных наук и через установление ее метаединиц (констант) и связей между ними.

В разделе первом «Теоретические и методологические аспекты изучения метаязыка лингвокультурологии» определяются этапы зарождения лингвокультурологии, исследуется ее междисциплинарная структура, устанавливаются виды внешне- и внутрисистемных связей металингвокультурологии. Появившись на «постнеклассическом этапе» (с. 38) в конце XX в., когда «расстояние между языком и жизнью стало сокращаться»¹, лингвокультурология как дисциплина интегрированной природы была «ответом на разрешение очередной проблемной ситуации»².

Среди отличительных особенностей лингвокультурологии как формирующейся науки автор называет: 1) доминирующую роль ее философских оснований, восходящих к антропологии гумбольдтовского понимания языка, которое состоит в том, что «человек и культура встроены или инкорпорированы в сущностную природу языка, являются обязательными и неизменно значимыми конституентами его бытия» (с. 48); 2) существование общей системы знаний для интеграции психологического, когнитивного, мировоззренческого и других подходов при интерпретации с позиций лингвокультурологии языковых фактов; 2) наличие подвижных научных границ новой дисциплины, что обеспечивает возможность формирования разных позиций в отношении ее эпистемологического статуса и проявляется в разграничении лингвокультурологии как метанауки, как самостоятельной дисциплины и как подраздела лингвистики.

Занимая позицию автономности лингвокультурологии, И.В. Зыкова определяет эту дисциплину как сконцентрированную на «изучении семантики и прагматики языковых и культурных зна-

¹ Цит. по: Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики: Вступительная статья // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. 16. – С. 3–42. – С. 5.

² Цит. по: Степанов Ю.С. Париж – Москва, весной и утром... // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М., 1999. – С. 3–11.

ков сквозь призму их взаимодействия, их функциональной значимости в жизнедеятельности человека» (с. 60) и признает необходимость осмысления специфики ее метаязыка, или «системы концептуально-связанных, теоретически и методологически обусловленных понятийно-терминологических единиц» (с. 84) рассматриваемой междисциплинарной науки.

В формировании метаязыка лингвокультурологии значимую роль играет процесс трансферизации знаний, который сближается с транстерминологизацией, или терминологическим заимствованием в рамках одного или нескольких языков, но в то же время отличается своим междисциплинарным, межкультурным, транснациональным характером.

Междисциплинарный трансфер определяется автором как «особый технологический процесс многократной и разновекторной конвертации вербально воплощенного знания, в результате которого формируется метаязыковая система развивающихся междисциплинарных наук и посредством которого вырабатывается новое знание о них» (с. 110).

Описывая специфику устройства метаязыка лингвокультурологии, И.В. Зыкова отмечает: 1) открытость и динамический характер метаязыка как понятийно-терминологической системы; 2) существование внешних и внутренних связей элементов системы / систем: прямой и косвенной, материальной, энергетической, информационной и др.; 3) наличие базисных терминологических понятий, которые представляют основной состав метаязыка. Существование проблемы соотношения понятий в рамках единого метаязыка лингвокультурологии иллюстрируется автором при сопоставлении терминосистем разных лингвокультурологических школ, особенно в отношении авторских терминов, например, термина «культурная коннотация» для школы В.Н. Телия, «лингвокультурема» для школы В.В. Воробьева, «лингвокультура» для школы В.В. Красных.

Признавая наличие в метаязыке лингвокультурологии инвариантного слоя, автор считает возможным говорить о константах лингвокультурологии как о «метаединицах, посредством которых обеспечивается концептуальная связанность метаязыка лингвокультурологии как целостной системы» (с. 146). В качестве базовых констант метаязыка И.В. Зыкова определяет следующие:

ЛИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРУ, КОНЦЕПТОСФЕРУ КУЛЬТУРЫ, ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ, КУЛЬТУРНУЮ ИНФОРМАЦИЮ, КУЛЬТУРНУЮ ПАМЯТЬ, ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ. Методика описания констант предполагает: 1) изучение их культурно-языковой этимологии с опорой на первичные значения лексем в этимологических словарях; 2) установление источников и маршрутов междисциплинарного трансфера терминов при их формировании с учетом анализа сферы фиксации и сферы функционирования; 3) анализ корреляций констант и их вариантов-аналогов, вариантов-оппозитов и вариантных рядов; 4) раскрытие их специфики в частных лингвокультурологических методологиях с учетом их дефиниций в теории и методах, используемых для их изучения.

В разделе втором «Константы метаязыка лингвокультурологии в свете их становления, отношения к вариантным понятиям, частной методологии» раскрывается содержание семи названных выше констант, согласно разработанной методике.

Так, подвергая анализу константу ЛИЧНОСТЬ, И.В. Зыкова прослеживает истоки и трансформацию данного понятия, начиная со значений термина в классических языках¹; его средневековых интерпретаций, в числе которых называются *per se sonare* как «звучать через себя» и *per se una* как «единая сама по себе». В русском языке слово *личность*, «имеющее яркую окраску русского национально-языкового строя мысли, содержит в себе элементы интернационального и, прежде всего, европейского понимания соответствующего круга идей и представлений о человеке и обществе»². Представляя понятие «личность» в междисциплинарном ракурсе, И.В. Зыкова констатирует его ключевую роль в целом ряде наук, таких как философия, психология, социология, антропология, межкультурная коммуникация и мн. др. Например, проблема личности в философии раскрывается через сменяющийся ряд научных векторов, отраженных, в частности, в дуалистической концепции Декарта или религиозно-философской концепции Л.П. Карсавина.

¹ Так, возводя лексему к первичному *personare* – *звучать* (с. 193–194), автор приводит следующие ее значения: 1) «маска, личина»; 2) «театральная роль, характер»; 3) «житейская роль, положение, функции»; 4) «личность, лицо»; 5) *грам.* «лицо».

² Цит. по: Виноградов В.В. История слов. – М., 1999. – С. 271.

Последующий анализ сосредоточивается на разграничении понятия «личность» и смежных понятий «человек», «индивид», «субъект», «персона» и других с учетом их родовидовых отношений, научной и бытовой значимости, роли биологического и социального, индивидуального и коллективного. Исследование фактора личности в культурных и языковых процессах, которые получают описание в концепциях Э. Бенвениста, Ю.М. Лотмана, Ю.Н. Караулова, В.П. Нерознака, В.А. Масловой, С.Е. Никитиной, В.И. Карасика, В.В. Красных, позволяет автору сделать вывод об акциональной природе личности, ее творческой силе как источнике культурных и языковых процессов, а также об особом характере синтеза культуры, языка и личности, который происходит в рамках лингвокультурологии и находит отражение в теории культурно-языковой личности. Речь идет об исследовании проявлений культурно-языковой компетенции, которая трактуется В.Н. Телия как «владение установками культуры, с которой говорящие / слушающие себя идентифицируют и способны оперировать ими в коммуникативно-языковой их презентации»¹ и получает методологическое обоснование с опорой на эксперимент, метод глубокой интроспекции и метод лингвокультурологического комментария, например в теории фразеологизмов как культурно-языковых знаков М.Л. Ковшовой².

В современной лингвокультурологии существуют три подхода к решению проблемы культурно-языковой личности, в которых постулируется ее индивидуальное, коллективное или интегративное начало, что отражается в выборе объекта лингвокультурологического описания: языка как текста, языка как системы или языка как способности³. По мнению И.В. Зыковой, при описании культурно-языковой личности необходима интеграция всех названных

¹ Цит. по: Телия В.Н. Культурно-языковая компетенция: Ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. – М., 2004. – С. 27.

² См., например: Ковшова М.Л. Семантика и прагматика фразеологизмов: (Лингвокультурологический аспект): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2009. – 654 с.

³ См., например: Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – 2-е изд. – М., 2002. – 264 с.

подходов притом, что язык-система принимается как обязательный при таком комбинировании.

При анализе константы КУЛЬТУРА с позиций ее понятийно-культурно-исторического и языкового происхождения автор, прежде всего, вслед за Ю.С. Степановым¹, отмечает полисемантический характер термина «культура» и его связь с таким глобальным явлением, как ЦИВИЛИЗАЦИЯ. Так, «цивилизация» включается в содержание сферы «культура», но и «культура» включается в «цивилизацию» через признаки процессуальности, степени охвата явлений, типа социальной организации, технологичности. Культура является объектом анализа многих наук, которые рассматривают ее антропологическую, аксиологическую и знаково-символическую сущность. Развивая информационно-семиотический подход к культуре, И.В. Зыкова определяет ее организацию как «единую информационную систему – непрерывно ‘конструируемую’ и ‘модифицируемую’ динамическую систему ценностных данных (сведений) о внешнем мире, обо всем том, что включено в жизненную сферу человеческого бытия, что имеет отношение к человеческому существованию, к самому человеку, к его внешнему и внутреннему миру» (с. 252) и рассматривает данный феномен через оппозиции «знание – опыт – информация», «духовное – ментальное», «переживание – осмысление мира». Например, переживание мира как один из фундаментальных способов постижения человеком реальности и существующий в эмоционально-чувственной, душевной и эстетической формах, противопоставляется осмыслению как предполагающему систематизацию полученной информации о мире. Осмысление в архетипической, мифологической, религиозной, философской, научной формах автор представляет как «смену информационных формаций» (с. 285), как переход от одного этапа к другому при их безусловно едином глобальном характере, который определяет эволюционное развитие КУЛЬТУРЫ как информационной системы.

Содержание константы КОНЦЕПТОСФЕРА КУЛЬТУРЫ, в которой два компонента, «концептосфера» и «культура» связаны отношениями посессивности, рассматривается с опорой на струк-

¹ См., например: Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 2004. – С. 14–15.

туру и формы процессов познания, а именно, процессов переживания и осмысления мира. «Концептосфера»¹, или «концептуальная сфера», как понятие, родственное «ноосфере», «логосфере», «смыслосфере», «семиосфере», сохраняет с ними тесную связь в плане демонстрации междисциплинарности и акцента на ценностное содержание изучаемых процессов.

При изучении константы ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ и при сопоставлении терминов «концепт» и «понятие, представление, смысл» И.В. Зыкова вслед за Ю.С. Степановым, В.З. Демьянковым, Е.Г. Беляевской, В.В. Красных, Н.Н. Болдыревым признает нетождественность этих терминов в отношении оценки их самостоятельного или зависимого (от человека или языковой системы) существования, степени их дробления на классы и подклассы, степени проявления рационального и образного. «Лингвокультурный концепт» понимается как «вербализованный культурный концепт, или культурный концепт, объективированный посредством знаков естественного языка» (с. 355). Притом, что существуют несколько основных подходов к анализу (лингво)культурных концептов (развиваемых, например, З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, В.И. Карасиком, Ю.С. Степановым, Е.Г. Беляевской, Вяч.Вс. Ивановым и В.Н. Топоровым, В.И. Постоваловой), автор применяет интегрированную методику изучения лингвокультурных концептов, демонстрируя ее на англоязычном фразеологическом материале применительно к концептам DIFFICULTY и VERBAL COMMUNICATION. Разрабатываемый метод «лингвокультурологической реконструкции» (с. 384) направлен на реконструирование глубинных концептуальных оснований образов комплексных фразеологических знаков. В его основе лежит положение о двухуровневом характере значения фразеологических знаков, поверхностном (семантическом) и глубинном (концептуальном), поступательный анализ которых осуществляется через: 1) выявление всех средств семиотических областей культуры, соотносимых с областью данных фразеологизмов; 2) сведение данных средств в семиотические группы; 3) установление общих для семиотической

¹ Как отмечает И.В. Зыкова, понятие введено Д.С. Лихачевым под влиянием философии С.А. Аскольдова-Алексеева и естествоиспытателя В.И. Вернадского. См., например, в: Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – М., 1993. – Т. 52, № 1. – С. 3–9.

группы концептуальных составляющих; 4) определение концептуальных моделей, лежащих в основе фразеологического значения, и реконструирование глубинных оснований их семантики.

Константы КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ и КУЛЬТУРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ рассматриваются И.В. Зыковой как комплементарные. КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ как «надындивидуальный механизм сохранения, накопления и генерирования» (с. 430) культурной информации регулирует содержание последней, которое можно представить как совокупность элементов разного рода знания, сохраняющуюся в качестве национально важной в коллективной культурной памяти. Анализ культурной информации, которая накапливается в глубинных (концептуальных) основаниях значения знаков языковой системы, автор проводит с применением метода «лингвокультурологического декодирования и интерпретации культурной информации» (с. 472) путем раскрытия и описания основных типов культурной информации (архетипической, мифологической, религиозной, философской, научной, эмоционально-чувственной, эстетической, этической) макрометафорической концептуальной модели VERBAL COMMUNICATION IS CRAFT (Вербальная коммуникация как ремесло). Например, содержание философского слоя репрезентирующих данную модель фразеологизмов определяется в следующих значимых философских смыслах: 1) словесная сущность (Слово-Логос), вербальная природа коммуникации во фразеологизмах *a man of letters* «писатель, литератор», *be all talk and no action* «только разговаривать, но ничего не делать»; 2) процесс созидания во фразеологизмах *put (something) into words* «облекать что-либо в слова»; 3) устройство созданного во фразеологизмах *a figure of speech* «фигура речи» и *plain speaking* «откровенный разговор».

Константа ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ в культурно-историческом и междисциплинарном плане представлена как соотносимая с ТВОРЧЕСТВОМ. Философские, психологические, семиотические, культурологические и социологические концепции демонстрируют либо их отождествление, либо противопоставление. В качестве основных концепций лингвокреативности рассматриваются лингвофилософское учение В. фон Гумбольдта, Л. Витгенштейна, А.Ф. Лосева, психолингвистическое учение А.А. Потебни и Н. Хомского, лингвoseмиотические теории Ф. де Соссюра,

Р.О. Якобсона и Б.А. Серебренникова. Автор указывает, что при транспонировании данного понятия в лингвокультурологию накопленное междисциплинарное знание становится теоретической основой для дальнейшего развития понятия. Лингвокреативность проявляет себя «как главный источник создания языкового канона и как движущая сила в реализации принятой или утвердившейся языковой нормы» (с. 601), так как, по замечанию Н.Д. Арутюновой, «ненормативность помогает обнаружить норму и правило»¹. Лингвокреативность носит комплексный характер и может проявляться в просодической, лексической, словообразовательной, синтаксической, стилистической, дискурсивной и других практиках. Для ее анализа автор применяет метод «системного изучения фразеологической креативности», основанный на лексикографических и корпусных данных.

В «Заключении» отмечается, что метаязык лингвокультурологии формируется в ходе междисциплинарных понятийно-терминологических переносов средств, которые адаптируются к теоретико-методологическим задачам рассматриваемой области, а предложенные методики анализа и описания метаединиц помогают вскрыть концептуальные основания базисных констант лингвокультурологии.

М.И. Куосе

2019.01.017. КУЛИНИЧ М.А., КОСТРОВА О.А. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 248 с.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; лингвокультурология; языковая картина мира; невербальная коммуникация; типология культур; теория речевых действий; стереотипы; академическая коммуникация; перевод; переводческие трансформации.

Кулинич Марина Александровна – доктор культурологии, профессор кафедры английской филологии и межкультурной ком-

¹ Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1999. – С. 79.

муникации Самарского гос. соц.-пед. ун-та, специалист в области межкультурной коммуникации и лингвокультурологии¹.

Кострова Ольга Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка Самарского гос. соц.-пед. ун-та, специалист в области синтаксиса немецкого языка².

В книге системно изложены понятия и проблематика лингвокультурологических исследований. Различные аспекты межкультурной коммуникации представлены в следующих 15 главах: «Межкультурная коммуникация и лингвокультурология», «Культура и культурная грамотность», «Коммуникация и семиотика», «Национально-культурное своеобразие языковой модели мира», «Невербальные составляющие коммуникации», «Время как категория языка и культуры», «Типология культур», «Вербальная коммуникация как деятельность», «Законы и принципы общения. Национально-культурная специфика речевого поведения», «Стереотипы в межкультурной коммуникации». «Прецедентные имена и феномены в разных лингвокультурах», «Юмор в национальных культурах», «Проблемы академической коммуникации в разных культурах», «Перевод как вид межкультурной коммуникации», «Спорт и межкультурное взаимодействие».

Термины «межкультурный» и «кросс-культурный» употребляются как синонимы, когда речь идет о научном подходе к взаимодействию двух культур или двух языков разных стран. Называются три взаимосвязанные категории культуры: 1) идеи, верования и ценности, принятые в данном обществе); 2) поведение (традиции, привычки, одежда, питание, способы проведения свободного времени); 3) продукты (результат взаимодействия первых двух категорий). Ключевыми компонентами любой культуры являются нормы, ценности и символы.

¹ Автор работ: Лингвокультурология юмора: (На материале английского языка). – Изд. 2-е, испр. и доп. – Самара, 2004. – 264 с.

² Автор работ: Продолженная синтаксическая форма в контактной коммуникации: (На материале современного немецкого языка). – Самара, 1992. – 144 с.; (в соавт. с Гундаревой Е.С.); Семиотика косвенности: (На материале сложноподчиненных предложений с придаточными объективными). – Тольятти, 2005. – 130 с.; (в соавт. с Собчаковой Н.М.); Сложноподчиненные предложения с придаточными времени в немецком и английском языках. – Самара, 2010. – 172 с.

Авторы присоединяются к трактовке лингвокультуры как особой семиотической системы, основными компонентами которой являются знания, понятия, концепты и представления (концепция В.В. Красных¹).

Кратко характеризуются следующие понятия, существенные для описания языковой картины мира: 1) лингвистическая относительность – в соответствии с гипотезой Сэпира-Уорфа; 2) языковое сознание – как синоним того информационного запаса, который хранится в нашей памяти и позволяет осуществлять речевую деятельность; 3) этноспецифика семантики слова – в плане различия ассоциаций, присутствующих в языковом сознании носителей разных языков; так, например, узор, который в русском языке называется *в елочку*, в немецком языковом сознании ассоциируется с хребтом рыбы и называется *Fischgrätenmuster*.

Обращаясь к проблеме невербальной коммуникации, авторы используют термин «невербальная семиотика», введенный Г.Е. Крейдлиным², который выделял в этом направлении языкознания следующие аспекты: 1) паралингвистику (науку о звуковых кодах невербальной коммуникации); 2) кинесику (науку о жестах и жестовых движениях); 3) окулесику (науку о визуальном поведении людей во время общения); 4) гаптику (науку о тактильной коммуникации); 5) проксемику (науку о пространстве коммуникации).

Подчеркивая, что для исследований по межкультурной коммуникации важно понятие времени в разных лингвокультурах, авторы считают важными следующие аспекты этого понятия: 1) темпоральную семантику (*вставать до петухов, любить до могилы / седых волос*); 2) лакуны (ср. рус. *сутки* и англ. *fortnight*); 3) этнокультурные особенности обозначения времени (ср. рус. *ребенку полтора года* и англ. *ребенку 18 месяцев*) и др.

Категорию времени авторы считают основой одного из вариантов типологии культур. В рамках такого подхода, помимо монохронных культур (например, культуры США, Германии, Великобритании) и полихронных культур (например, культура Бразилии и культура арабских стран), различаются культуры, ориентирован-

¹ Красных В.В. Свой среди чужих: Миф или реальность. – М., 2003. – 375 с.

² Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. – М., 2002. – 581 с.

ные на прошлое (например, индийская культура), и культуры, ориентированные на настоящее и будущее (например, культура США).

Кратко характеризуются высококонтекстные и низкоконтекстные, индивидуалистские и коллективистские, маскулинные и фемининные культуры.

Излагаются основные положения теории речевых действий и, соответственно, теории речевых актов. При этом авторы приводят примеры национально-культурной специфики речевых актов (поздравлений, извинений, просьб, приглашений и ответов на них и т.д.) и законов речевого общения (последние излагаются по книге И.А. Стернина «Введение в речевое воздействие»¹), например закона прогрессирующего нетерпения слушателей (чем дольше говорит человек, тем больше невнимания и нетерпения проявляют слушатели), закона падения интеллекта аудитории с увеличением ее размера, закона коммуникативного самосохранения (новое и непривычное обычно отвергается) и т.д. (всего 12 законов).

Описывается коммуникативное поведение русских с позиции иностранцев.

Важную роль в межкультурной коммуникации играют «стереотипы социального характера» (с. 133), которые определяются в монографии как «повторяющиеся штампы и шаблоны поведения, мышления, характерные для той или иной группы людей. Они являются отражением коллективного сознания» (с. 134). Описываются языковые формы проявления гендерных, этнических, профессиональных, возрастных, авто- и гетеростереотипов. Особое внимание уделяется проявлению стереотипов в мужской и женской речи. Приводятся примеры того, что стереотипное поведение мужчин характеризуется в нейтральном стиле, а женщин – в пейоративном: *he shares information* «он делится информацией» – *she gossips* «она сплетничает», *he loses his temper* «он теряет терпение» – *she is hysterical* «она впадает в истерику», *he discusses* «он обсуждает» – *she chatters* «она болтает». Делается вывод, что «статусная оценка пола основана на ожидании, т.е. прогнозировании типового поведения исполнителя роли мужчины или женщины» (с. 139).

Подчеркивается важность знания национального юмора и прецедентных феноменов для успешной межкультурной коммуни-

¹ Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж, 2001. – 227 с.

кации, так как в противном случае может возникнуть непонимание, обусловленное наличием в таких единицах скрытой оценки.

Большое внимание авторы уделяют проблемам академической коммуникации в разных культурах и, прежде всего, особенностям организации образовательного процесса в России, Германии и англоязычных странах. Сопоставляются виды письменных работ в российских и немецких вузах: в России – это рефераты, курсовые и дипломные работы, в Германии – письменные семинарские работы, протоколы семинарских занятий, семинарские домашние работы, бакалаврские и магистерские дипломные работы. Делается вывод, что в Германии большее внимание уделяется тренировке навыков академического письма, чем в России.

Называются различия в научном стиле: 1) в научной литературе на немецком и английском языках для заявления авторской позиции используется местоимение *я*, в русской – *мы*; 2) зарубежные коллеги нередко посвящают свою публикацию близким людям; в российской же научной среде принято считать, что основная заслуга в выполнении научной работы принадлежит как самому ученому, так и коллективу, который его сформировал; 3) в англосаксонской традиции не приняты оценочные высказывания по отношению к какой-либо научной школе (особенно резкое неприятие вызывает похвала в адрес той школы, идей которой придерживается автор); в российской же научной традиции оценочные высказывания весьма нередки.

Эти различия в научном стиле М.А. Кулинич и О.А. Кострова связывают с культурной спецификой российского мышления – с сохранившимся коллективистским типом сознания. Культурную специфику англосаксонского мышления авторы определяют как индивидуалистическую.

Сравнивая свои наблюдения над устной речью в условиях межкультурной коммуникации в академической среде, авторы обращают внимание на различия в коммуникативных стратегиях и тактиках говорящих.

Если говорящие на родном языке акцентируют спорные вопросы, т.е. заостряют обсуждаемую проблему, то говорящие на иностранном языке, как правило, только излагают проблему, не обозначая спорных моментов. Говорящие на неродном языке часто употребляют выражения неуверенности типа *eigentlich* «вообще-

то», *und so weiter* «и т.д.», модальные глаголы *wollen* «хотеть», *mögen* «хотелось бы», *können* «мочь» вместо *müssen* «долженствовать», что «сглаживает углы» во время дискуссии. Носители родного языка, напротив, используют более сильные языковые средства, что создает впечатление агрессивности говорящих. Обращает на себя внимание также несовпадение фонда общих знаний.

Авторы считают, что перевод (в том числе и перевод специальной литературы) должен ориентироваться не только на оригинал, но и на принимающий язык, т.е. учитывать различия в этническом социокультурном сознании. Возникающие при этом переводческие проблемы иллюстрируются на материале перевода книги Р. Келлера «Языковые изменения»¹, выполненного О.А. Костровой. Подробно описываются следующие методы и приемы межкультурных переводческих трансформаций: 1) скрытый перевод, при котором передается не содержание оригинального текста, а его смысл; 2) «супер» перевод» (с. 214) – перевод иноязычных (для текста оригинала) цитат, например, английских цитат в немецком научном тексте; 3) переводческий комментарий; 4) учет узуса принимающего языка; 5) учет метаязыкового оформления текстотипа; 6) транслитерация и транскрипция иноязычных имен.

Анализируются наиболее типичные ошибки перевода, в том числе и перевода рекламных, публицистических и поэтических текстов.

В завершение книги отмечается немаловажное значение спорта в межкультурной коммуникации.

Н.Н. Трошина

2019.01.018. (НЕО)ПСИХОЛИНГВИСТИКА И (ПСИХО)ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ: Новые науки о человеке говорящем / И.А. Бубнова, И.В. Зыкова, В.В. Красных, Н.В. Уфимцева; под ред. В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2017. – 392 с.

Ключевые слова: психолингвистика; лингвокультурология; языковая личность; языковое сознание; образ мира; когнитивные механизмы смыслообразования; перцепция; фразеологическое значение.

¹ Keller R. Sprachwandel: Von der unsichtbaren Hand in der Sprache. – 4., unveränd. Aufl. – Tübingen, 2014. – 238 S.

В коллективной монографии разрабатываются актуальные направления исследования языковой личности, языкового сознания, национально-культурного и индивидуального образов мира.

Во вступительной статье «Новые науки о человеке говорящем: Ответ на вызов нашего времени» В.В. Красных прослеживает процесс трансформации научных парадигм XX – начала XXI в. Результатом этого процесса стало возникновение современных холистических исследований человека говорящего как «личности, одним из видов деятельности которой является деятельность речевая» (с. 14). Так, позитивизм представлен как утверждающий в качестве приоритета телесную природу человека и его деятельностный характер; неопозитивизм – как претендующий на решение позитивистских проблем с применением аппарата математической логики; постпозитивизм – как демонстрирующий множество методологических концепций, в основе которых лежат принципы развития научного знания, смягчение дихотомии эмпирического – теоретического; постмодернизм – как апеллирующий к антисистематичности и адогматичности. Новым этапом в развитии гуманитарного знания признается становление неопозитивизма с признанием неатомарности его объекта изучения и многокомпонентного характера самих исследований. К числу неопозитивистских наук, занимающихся изучением человека говорящего, автор причисляет: 1) этнопсихолингвистику, исследующую «культурно-маркированные, культурозависимые и культурно обусловленные черты языковых сознаний» (с. 15); 2) неопсихолингвистику, или психолингвистику личности; 3) психолингвокультурологию, изучающую отношения языка, культуры и сознания; 4) когнитивную лингвокультурологию, сосредоточенную на моделировании концептосферы культуры.

В главе первой «Этнопсихолингвистика как раздел теории речевой деятельности» Н.В. Уфимцева определяет данное направление вслед за А.А. Леонтьевым как «область психолингвистики, изучающую национально-культурную вариантность в: а) речевых операциях, речевых действиях и целостных актах речевой деятельности; б) языковом сознании; в) организации (внешней и внутренней) процессов речевого общения»¹. Появление данного направле-

¹ Цит. по: Леонтьев А.А. Основы психолингвистики: Учебник. – М., 1997. – С. 192.

ния автор связывает с исследованиями национально-культурной специфики речевого общения, например, при изучении различий в вербальном и невербальном поведении народов СССР и других стран мира¹. Первый этап развития этнопсихолингвистики, отраженный в работах А.А. Залевской, Н.В. Дмитриук, Т.М. Рогожниковой, Т.В. Шмелевой² и др., характеризуется: 1) описательным характером исследований; 2) накоплением большого количества фактов, демонстрирующих национально-культурную специфику семантики слов в разных языках и культурах; 3) использованием метода ассоциативного эксперимента в качестве основного. Для второго этапа, получившего освещение в работах А.А. Залевской, Ю.А. Сорокина и их научных школ³, характерно: 1) построение теории индивидуального знания как части общей теории знания; 2) исследование текстов художественной литературы на предмет отражения в них национально-культурной специфики поведения носителей культуры; 3) построение объяснительных моделей исследования. На современном этапе развития этнопсихолингвистики усиливается прогностическая составляющая исследований при построении общей теории знания, концепций коллективного и индивидуального. Центральное место в современной этнопсихолингвистике занимает изучение языкового сознания через ассоциативный

¹ Автор называет в качестве ключевых работ, выполненных в рамках первого этапа этнопсихолингвистических исследований, коллективные монографии сектора психолингвистики и теории коммуникации Института языкознания АН СССР: Национально-культурная специфика речевого поведения. – М., 1977. – 351 с.; Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. – М., 1982. – 150 с.; Этнопсихолингвистика / Отв. ред. Ю.А. Сорокин. – М., 1988. – 192 с.

² Залевская А.А. Свободные ассоциации в трех языках // Семантическая структура слова. – Калинин, 1971. – С. 178–194; Залевская А.А. Межъязыковые сопоставления в психолингвистике: Учебное пособие. – Калинин, 1979. – 84 с.; Дмитриук Н.В. О некоторых причинах сходства ассоциативных полей казахских и русских слов // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. – Калинин, 1983. – С. 13–25; Рогожникова Т.М. О национально-культурной специфике ассоциативных реакций детей // Этнопсихолингвистика. – М., 1988. – С. 108–116; Шмелева Т.В. К проблеме национально-культурного «эталона» сравнения // Этнопсихолингвистика. – М., 1988. – С. 120–124.

³ Залевская А.А. Индивидуальное знание: Специфика и принципы функционирования. – Тверь, 1992. – 134 с.; Текст как явление культуры / Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. – Новосибирск, 1989. – 197 с.

эксперимент (свободный, направленный и цепной)¹, завершающийся построением словаря вербальных ассоциативных норм путем моделирования ассоциативно-вербальной сети².

Так, языковое сознание русских имеет в своем центре слово «человек» и присущие ему качества «серьезный», «нужный», «ничтожный», «деятельный», «немногословный»; иные слова-ассоциаты типа «лицо», «имя», «спина», «рука», «фамилия», «голова», «сердце»; связанные понятия «человек – зверь», «человек – животное», «человек – обезьяна», «человек – друг» и др. Важными для русского языкового сознания являются понятия «дом» и его качества типа «наш», «старый», «деревянный», «родной», «мирный»; связанные слова типа «крыша», «кров», «семья», «отец», «мама»; примыкающие действия типа «строить», «оставить», «покинуть» и др. В качестве значимых автор называет также понятия «жизнь», «друг», «все, вместе», «думать» и др. Результаты экспериментов применяются при анализе билингвальных проявлений и межкультурных сопоставлений.

В главе второй «Неопсихолингвистика, или психолингвистика личности: Новое направление психологических исследований» И.А. Бубнова определяет методологические основания формирующейся науки, в центре которой находится «образ мира отдельного человека» (с. 114). В качестве таких оснований автор называет: 1) перенос акцента на категорию человека в диаде «индивид – языковое сознание этноса»; 2) внимание к культурно-маркированным феноменам лингвокогнитивной природы; 3) совместное изучение культурных смыслов, заключенных в знаках культуры, и реальной интерпретации культурного знака. Таким образом, появляется новый объект изучения – лингвокультура человека говорящего, при исследовании которой развиваются идеи В.Н. Телия о категориях

¹Thumb A., Marbe K. Experimentelle Untersuchungen über die psychologischen Grundlagen der sprachlichen Analogiebildung. – Leipzig: Engelmann, 1901. – 87 S.; Kent G.H., Rosanoff A.J. A study of association in insanity // American Journal of insanity. – 1910. – Vol. 67, N 1/2. – P. 37–96.

²Русский ассоциативный словарь / Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. – М.: АСТ – Астрель, 2002. – Т. 1,2. – 1776 с.

культуры¹, Ю.М. Лотмана о культурной памяти², Г. Шпета о культурном духе человечества³. В основе изучения индивидуального миропонимания лежит разграничение двух ментальных феноменов: 1) значения как единицы семантической системы языка; 2) психологической структуры значения как «формы обобщения, которая формируется при участии всех психофизиологических функций и процессов анализа, синтеза, классификации и сравнения и может быть выявлена только экспериментальными методами» (с. 120) путем анализа стадий развития мышления (в теории деятельности) и ментальных моделей интерпретации (в когнитивной семантике). Данное разграничение автор соотносит с существованием объективного и субъективного в значении слова, где субъективное содержание отражает индивидуальный образ мира. Опираясь на положения учений Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, И.А. Бубнова выделяет три компонента субъективного значения слова (существующие в виде образов, представлений и понятий) – личностный смысл, чувственную ткань, языковое значение – с учетом общих принципов его организации, а именно принципов связи между ассоциатами, многослойности человеческого сознания и целостности (неаддитивности) структуры значения. На современном этапе существуют три ключевых подхода к анализу индивидуального сознания: 1) психометрический, или факторный (основоположник Ч. Спирман), в рамках которого «возможно определить качественные и количественные отличия интеллектуальных способностей отдельных индивидов путем измерения результатов их умственной деятельности» (с. 134)⁴; 2) биологический, иссле-

¹ Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996. – 284 с.

² Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб., 2004. – 704 с.

³ Шпет Г. Искусство как вид знания: Избранные труды по философии культуры. – М., 2007. – 712 с.

⁴ См., например, работы: Raven J. Raven's progressive matrices tests: Their origin and contribution to society // Психодиагностика в социалистических странах.: Психодиагностический бюллетень. – Братислава, 1985. – Вып. 1–9. – С. 27–31; Jensen A.R. The puzzle of nongenetic variance // Intelligence, heredity and environment. – N.Y., 1993. – P. 42–88; Величковский Б.М., Блинникова И.В., Лапин Е.А. Представление реального и воображаемого пространства // Вопросы психологии. – М., 1986. – № 3. – С. 103–112; Айзенк Г.Ю. Интеллект: Новый взгляд // Вопросы психологии. – М., 1995. – № 1. – С. 11–31.

дующий внутреннюю локализацию способностей (основоположник Д. Гебб)¹; 3) когнитивный (восходящий к идеям Ч. Спирмена), нацеленный на выявление связи между когнитивными и биологическими функциями².

Иллюстрируя некоторые особенности формирования индивидуального образа мира на примере русской языковой личности, И.А. Бубнова отмечает у представителей молодого поколения слабо сформированную готовность воспроизводить и воспринимать тексты повседневного содержания, нивелирование различий между смысловым содержанием английских и русских лексем, изменения в смысловых полях слов, тенденцию к снижению готовности оперировать национальным словарем.

В главе «Психолингвокультурология как наука о человеке говорящем сквозь призму лингвокультуры» В.В. Красных представляет основные постулаты и категории нового направления. Объектами ее изучения являются сам человек говорящий (как личность, член сообщества, представитель культуры и лингвокультуры, субъект прообраза мира, участник коммуникации), язык культуры сообщества, сознание (в том числе языковое сознание), культура, лингвокультура, коммуникация и сообщество. Лингвокультура определяется автором как «культура оязыковленная, воплощенная и закрепленная в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых процессах» (с. 234), например в культураносных смыслах базовых оппозиций, таких как СВЕТ / ТЬМА, реализующихся в семантике выражений *темный человек* (человек, не обладающий знаниями, пребывающий во тьме), *темная личность* (человек непонятный и потенциально опасный), *светлая личность* (человек добрый, дружелюбный, чистый в помыслах), *белое пятно на карте* (не заполненное изображением место, неизвестное) и др. К числу основных единиц лингвокультуры автор причисляет прецедентные

¹ См., напр.: Heisenberg M. Voluntariness and the general organization of behavior // Flexibility and constraint in behavioral systems. – N.Y.: John Wiley & Sons Ltd, 1994. – P. 147–156; Дружинин В.Н. Интеллект и продуктивность деятельности: Модель интеллектуального диапазона // Психологический журнал. – М., 1998. – Т. 19, № 2. – С. 61–71.

² См., напр.: Shank R.C. Depths of knowledge // Knowledge and representation. – London, 1982. – P. 170–193; Anderson M. Intelligence and development: A cognitive theory. – Cambridge, Mass., 1992. – 256 p.

феномены, стереотипы, концепты, которые подвергаются инвентаризации в лингвокультурологии¹. Психолингвокультурологический подход нацелен на выявление инвариантной части образов сознания как «результатов максимального сгущения первоначального представления, образно-эмоционально-смысловой свертки “ментальной картинки”, формирующейся на основе эмоционально-образного восприятия информации, поступающей по одному или нескольким сенсорным каналам» (с. 243). Данная цель достигается путем выявления, систематизации, описания словаря и грамматики лингвокультуры², ее основных категорий (например, «человека говорящего», «кода культуры», получающих освещение в идеях В.Н. Телия). К базовым постулатам психолингвокультурологии (всего называются 17 постулатов) В.В. Красных относит: 1) изоморфизм признаков языка, культуры, лингвокультуры; 2) наличие лингвокультуры как отдельной семиотической системы; 3) наличие отдельных подсистем и единиц семиотической системы лингвокультуры; 4) соотнесенность языковых единиц с кодами культуры (например, с биоморфным кодом: *иметь зуб*; природно-стихийным: *море вопросов*; временным: *убить время*; пространственным: *у черта на рогах*; артефактивным: *разориться до нитки*; нумерологическим: *на все четыре стороны* и др.); 5) наличие базовой категории лингвокультуры – человека говорящего, обладающего культурно-языковой компетенцией.

В главе «Перцепция и фразеологический знак в свете (психо) лингвокультурологического подхода» И.В. Зыкова разрабатывает методологические положения лингвокультурологического исследования перцепции, в частности на материале изучения процесса формирования фразеологизмов. Систематизируя различные подходы к пониманию перцепции (в философии, физике, физиологии, психологии, культурной антропологии, социологии, истории, семиотике), автор приходит к выводам: 1) о многомерности перцеп-

¹ Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь / Под ред. И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова. – М., 2004. – 320 с.; Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. – М., 2006. – 784 с.

² Под грамматикой лингвокультуры автор понимает «таксоны лингвокультуры (базовые классы единиц), их категории, систему, структуру, отношения и функционирование» (с. 242). – *Прим. ред.*

ции и ее значимости в жизнедеятельности человека; 2) о сопредельности связанных с перцепцией понятий (например, сенсорный стимул, рецептор, анализатор, модальность), 3) о необходимости классификации видов перцепции и видов взаимодействия ощущений. И.В. Зыкова рассматривает основные разновидности перцепции: экстероцепцию (включающую зрительные, слуховые, осязательные, вкусовые и обонятельные ощущения), проприоцепцию (комплексы ощущений положения тела в пространстве, ощущения темпа, скорости, динамики движения тела, ощущения мышечной напряженности), интероцепцию (внутренние органические ощущения органов пищеварения, дыхания, ощущения голода, жажды), ноцицепцию (разного рода болевые ощущения). Виды перцепции и ее лингвокреативный характер, по мнению автора, выступают необходимой движущей силой в ходе создания языкового значения¹ и могут быть подвергнуты анализу, так как «язык является хранилищем перцептивного опыта, благодаря которому запечатлевается социально и культурно релевантный сенсорно-перцептивный опыт познания мира» (с. 282). Следуя концепциям воплощенного значения (согласно которым в основе процессов категоризации и концептуализации лежит перцепция) и концепциям языковой синестезии (развивающей положения теории психофизиологической синестезии в плане совмещения разных модальностей в ходе семантических процессов появления языковых знаков), автор разрабатывает теорию лингвокультурологического моделирования фразеологического значения с учетом лингвокреативной силы перцепции. Изучая состав перцептивного слоя в формировании глубинного (концептуального) уровня в структуре образа фразеологизма, представляется возможным установить, через какие каналы восприятия осуществляется познание объекта. Например, в образовании концептуальных оснований значения фразеологизма *уходить в сторону* как «делать отступление от главного, уклоняться от сути» участвуют архетипические концепты ВПРАВО / ВЛЕВО, ПРЯМО / НЕПРЯМО, БЛИЗКО / ДАЛЕКО, ВНУТРИ / СНАРУЖИ,

¹ Автор опирается, прежде всего, на работы: Ананьев Б.Г. Теория ощущений. – М., 1961. – 454 с.; Величковский Б.М., Зинченко В.П., Лурия А.Р. Психология восприятия. – М., 1973. – 247 с.; Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. – М., 2001. – 511 с.; Mulvenna С.М. Synesthesia and creativity // Oxford handbook of synesthesia. – Oxford, 2013. – P. 607–630. – *Прим. ред.*

которые формируются благодаря проприоцептивным ощущениям движения, мышечного напряжения ног, положения тела в пространстве. На основании проведенного анализа (на материале свыше 3 тыс. единиц русских и английских фразеологизмов предметной области вербальной коммуникации) обнаруживаются фразеологизмы, принадлежащие четырем группам по характеру доминирующего вида перцепции: 1) фразеологизмы с экстероцептивными образами на основе слуховых ощущений (*as clear as a bell* «звонкий как колокольчик»), зрительных ощущений (*открывать глаза на что-либо*), осязательных ощущений (*to be in touch with someone* «общаться с кем-либо, букв. ‘соприкоснуться руками с кем-либо’») и др.; 2) фразеологизмы с проприоцептивными образами на основе ощущений движения тела (*обходить молчанием*), ощущений мышечного напряжения (*нести чушь*), ощущений равновесия (*a knock-down argument* «убедительный довод, букв. аргумент, сбивающий с ног»); 3) фразеологизмы с интероцептивными образами (*to take something to heart* «сильно расстраиваться, букв. ‘брать что-либо к сердцу’»); 4) фразеологизмы с ноцицептивными образами (*язык отнялся*).

В заключение И.В. Зыкова указывает, что перцепция выступает главным фактором порождения и моделирования концептуального основания образа фразеологизма, «креативным мотиватором процесса их создания».

М. Куосе

УРОВНИ ЯЗЫКА

ФОНЕТИКА. ФОНОЛОГИЯ

2019.01.019. РИТМ ПРОЗЫ ОТ КАРАМЗИНА ДО ЧЕХОВА / Под ред. д-ра филол. наук, проф. Г.Н. Ивановой-Лукьяновой. – М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. – 336 с.

Ключевые слова: язык художественной литературы; ритмичность текстов; интонация; русский литературный язык.

Монография посвящена истории ритма прозы периода XIX в., который начинается творчеством Н.Н. Карамзина как основателя русской прозы и заканчивается рассказами А.П. Чехова, завершающими классический период русской литературы.

Анализ ритмичности текстов основан на уникальной методике определения ритма прозы по нескольким ритмообразующим факторам, с учетом степени ритмичности, выраженной десятичной дробью.

Основная цель исследования – показать на материале ритмико-интонационного строения художественных текстов пути развития русского литературного языка, с перспективой дальнейших лингвистических и литературоведческих исследований.

Собранные в работе тексты не только представляют собой эстетическую панораму «изящной словесности», но и могут служить практическим материалом по изучению ритма письменных и звучащих текстов.

XIX век представляет собой некий монолит относительной стабильности в обществе и благодаря этому сравнительно ровного ритмического пространства прозы.

Ритм прозы от Карамзина до Чехова, с одной стороны, показывает эту стабильность, а с другой – в нем появляются ростки но-

вого литературного языка и стиля, которые уже готовы прорасти в XX в.

Автор отмечает, что ритм прозы – один из самых дискуссионных вопросов лингвистики. Оспариваются не только различные методы определения прозаического ритма, но и характер организации и даже сам факт его существования как фонетического явления, отличного от ритма стихов. Действительно, трудно отрицать его существование, поскольку ритм оказывает на речь большое влияние, подчас диктуя ей свои законы, влияет на порядок слов в предложении, на ударность динамически неустойчивых слов.

В середине прошлого века даже само словосочетание *ритм прозы* у многих лингвистов вызывало недоумение, так как о речевом ритме принято было говорить только применительно к стихосложению. Предпринимавшиеся попытки увидеть в прозе метрическую стопную организацию ни к чему не привели.

В настоящее время интерес к этой теме регулярно возобновляется и затрагивает как вопросы теоретического плана, так и возможность их практического применения, например в художественном переводе.

Наибольшую трудность вызывают методика определения ритма, возможность выразить его в конкретных величинах, которые помогли бы сравнивать, сопоставлять ритм разных текстов и использовать его в качестве одного из компонентов анализа художественного текста.

Текст, читаемый глазами, но не озвученный, вмещает в себя несравненно больше смыслов, чем тот, который получил при озвучивании одну-единственную звучащую форму и тем самым сузил смысловую многоплановость.

Ритм вместе с интонацией заключен в любом тексте. Волей писателя ритмико-интонационное строение художественного текста наполнено смыслом, который открывается читателю только частично и который хранит в своей глубине то, что писатель вольно или невольно утаивает.

Согласно мнению автора, ритм прозы, в отличие от ритма стиха, представляет собой сложное явление. В нем учитывается равномерность чередования различных ритмообразующих элементов, а именно: ударных слогов, межсинтагменных (межфразовых) границ и интонационных типов. В соответствии с этим выделяются

в прозаическом ритме три характеристики: слоговая, синтагматическая (фразовая) и интонационная.

Текст воспринимается как ритмичный, если эти характеристики показывают высокую степень регулярности чередования ритмообразующих единиц. За образец такой степени их ритмичности в работе приняли низкий процент отклонения от абсолютного чередования. Чем больше число отклонений в той или иной характеристике, тем меньше степень ритмичности текста; и наоборот: художественный текст с небольшим числом отклонений воспринимается как наиболее ритмичный.

Прозаическое произведение с высокой степенью ритмичности воспринимается как эмоционально насыщенное и эстетически значимое и воссоздает благодаря этому добавочные, не выраженные словами смыслы.

Автор отмечает, что для решения проблемы определения ритма прозы необходимо выяснить, от чего зависит ударность слов, в которых она то появляется, то исчезает, и можно ли установить такие положения, в которых слова-проклитики и энклитики всегда безударны или всегда ударны. Конкретнее эта задача сводится к следующим вопросам: зависит ли ударность рассматриваемых слов от их положения в ритмической цепи? Какие существуют позиции ударности и безударности этих слов? Влияет ли на эти позиции ритмический характер текста или они одинаковы для любого текста?

Работа построена в основном на изучении ударности одно-, двух-, трехсложных местоимений в различных положениях по отношению к соседним ударным слогам. Первая ее часть касается местоимений, которые находятся около слов с полным ударением; во второй – рассматриваются местоимения в соседстве с динамически неустойчивыми словами.

Сложность в оценке ударности местоимений, согласно мнению автора, вытекает из взаимодействия ряда закономерностей.

1. На ударность местоимений в тексте оказывают влияние следующие факторы: а) количество слогов в местоимении; б) положение во фразе, в фонетическом предложении; в) соседство с динамически неустойчивыми словами, а также с проклитиками и энклитиками; г) семантическая роль местоимения; д) соседство со словом, несущим на себе логическое ударение; е) характер интона-

ции в той фразе, где находится местоимение; ж) условия ритма данного текста.

2. Все факторы действуют одновременно, нередко перебивая друг друга, чем и объясняются колебания в оценке ударности местоимений.

3. Местоимения играют роль ритмического организатора в речи, восполняя слишком большие междуударные интервалы и разряжая их в случае большого скопления ударений.

4. Местоимения требуют ударения, оказавшись в соседстве со служебными или с динамически неустойчивыми словами. В последнем случае ударным является лишь одно слово, выбор которого обусловлен семантически или ритмически.

В работе подчеркивается, что вопрос о наличии в прозе своего собственного ритма, отличного от ритма стиха, существует со времен Античности.

Ритм прозы существует независимо от нашего отношения к этому явлению и от нашего понимания его. Он влияет на восприятие произведения и, взаимодействуя с лексикой, фонетикой и грамматикой, создает особую глубину текста, не выразимую в языковедческой терминологии.

Однако объективной реальности ритма прозы не существовало до тех пор, пока к ней не прикоснулся человек. Так, музыкант будет смотреть на ритм через призму нотного стана, литературовед увидит в ритме письменного художественного текста чередование сюжетов, образов, типов текста и т.п., лингвист (специалист по сегментной фонетике) будет усматривать ритм в чередовании согласных и гласных звуков, высоких и низких, дизяных и простых и т.д. Если добавить сюда еще и физиков, акустиков, математиков, психологов и других ученых, то каждый будет улавливать в прозаическом ритме регулярность чередования знакомых ему ритмических единиц, таким образом навязывая ритму прозы собственную концепцию.

Поэтому допустимо, что понимание ритма прозы, выработанное специалистами разных областей знаний, не может быть объективным, абсолютным и правильным. Разный подход к ритму прозы объясняет также и отсутствие единой теории этого сложного и заманчивого явления.

В проведенном исследовании автор рассматривает ритм прозы как *фонетическое явление*, в котором регулярно чередуются ритмообразующие элементы просодии: ударные слоги, границы синтагматического членения и интонационные единицы (интономы).

В бытовом сознании исследователя ритм прозы делится на два состояния: наличие и отсутствие ритма в принятой им системе ритмообразования. Но ритмичность может быть и частичной – в таком случае важно уметь определять разную ее степень. Для этого необходимо исходить из некоей идеальной ритмичности и очертить границы нарушения или отклонения от нее. Такая система отклонений от абсолютной ритмичности, позволяет представить ритм в виде конкретных цифр.

В зависимости от того, какие ритмические единицы осознаются как ритмообразующие, ритм прозы получает следующие ритмические характеристики: слоговую (С), синтагматическую (К) и интонационную (И).

Слоговая ритмичность (С) подразумевает такое чередование ударных слогов по отношению к безударным, при котором интервал между двумя ударными слогами не будет нулевым и не будет превышать четыре безударных слога. Такую ритмичность автор принял за идеальную.

Синтагматическая ритмичность (К) предусматривает такое расположение синтагм, при котором отсутствуют контрастные по величине синтагмы. Контраст в два такта считается нарушением идеальной ритмичности.

Интонационная ритмичность (И) предполагает относительно равномерное чередование интоном. Как идеальная она не допускает соседства идентичных интоном.

Таким образом, ритм прозы получает не одну, как это было принято раньше, а три характеристики. Каждая из них создается делением количества отклонений от некоей образцовой ритмичности на возможное число реализаций и имеет числовые показатели, выраженные десятичными дробями, которые говорят о степени ритмичности исследуемого текста. Полученные цифровые показатели ритма прозы трех ритмических характеристик (слоговой, синтагматической и интонационной) дают возможность сравнивать ритм прозы в произведениях разных писателей.

Художественный прозаический текст выходит из-под пера писателя, уже имея ритмико-интонационную форму. Эта форма включена в письменный текст по законам языка и всеми носителями языка должна быть одинаково прочитана. Различие между письменной и звучащей формами текста соответствует отношению между явлениями языка и речи. В языковом плане границы членения, разрешенные системой, являются только указателями границ, а в речевом плане, т.е. в озвученном тексте, они выражены реальными паузами разного рода. Подобно этому, трем интонациям языка соответствуют различные интонационные конструкции в речи.

Ритм русской классической литературы подвержен воздействию времени. Ритмические характеристики прозы всего XIX века это подтверждают. Они приведены в сводной таблице ритмических характеристик прозы Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова (см. табл. на с. 296–297 реферируемой монографии).

Е.А. Казак

2019.01.020. В.В. ПОТАПОВ. КОРПУСНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА, ФУНКЦИОНИРУЮЩЕГО НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ. (Обзор).

Ключевые слова: социофонетика; ритм; темп; гендер; английский язык; диалект; акцентные модели; национальный вариант языка; возраст.

Работы Д.Т. Поздеевой (1) и Т. Shevchenko & D. Pozdeeva (3) посвящены изучению специфики словесного ударения в *канадском варианте* английского языка (КВ) в нормативном, когнитивном, перцептивном и акустическом аспектах.

Авторы обращают внимание на то, что КВ представляет наименее изученный вариант английского языка¹. В настоящее время КВ рассматривается большинством лингвистов как отдельный национально-территориальный вариант. Тем не менее в научных ис-

¹ Об этом см. также: Вишневская Г.М., Абызов А.А. Канадский языковой разлом (Англо-французский билингвизм). – Иваново: ИВГПУ, 2016. – 200 с. – *Прим. реф.*

следованиях этот вариант в большинстве случаев анализируется как своего рода «гибрид» *британского* (БВ) и *американского* (АВ) вариантов. В работах подобного рода отмечается, что влияние АВ на КВ проявляется в большей мере в произносительном аспекте, а воздействию БВ подвержены лексический состав и правописание в КВ. Одновременно с этим в канадском произношении заслуживают внимания две уникальные особенности – «канадский подъем» (Canadian raising) и «канадский сдвиг гласных» (Canadian vowel shift).

Д.Т. Поздеева и Т. Shevchenko & D. Pozdeeva последовательно изучают словесное ударение в КВ. В ходе предшествующих исследований было установлено, что 1,7% всех слов и 2,4% многосложных слов, включенных в *English pronouncing dictionary*, демонстрируют различающиеся в БВ и АВ акцентные модели. Следовательно, по мнению авторов, акцентологическая система является одной из наиболее стабильных языковых подсистем. Тем не менее словесное ударение в КВ предстает одной из характерных черт канадской национальной идентичности.

Под словесным ударением понимается бóльшая выделенность одного или нескольких слогов в слове по отношению к остальным слогам; под фразовым – бóльшая выделенность одного или нескольких слов во фразе по сравнению с остальными словами.

Основными выводами предстают следующие наблюдения авторов. Во-первых, сопоставительный анализ кодифицированных норм БВ, АВ и КВ показал, что для последнего также присущи определенные национально-специфические характеристики. Например, для КВ характерно употребление акцентных моделей, которые не являются частотными в двух других вариантах английского языка (БВ и АВ). На этой основе авторами данных работ был сделан вывод о присущей данному варианту ритмической тенденции локализации ударения, проявляющейся в частотном использовании слов с ритмическим ударением.

Во-вторых, применение метода корпусного анализа для установления частотности анализируемых лексических единиц на материале трех национальных корпусов английского языка позволило авторам обнаружить следующую закономерность – частотность слов с различающимися в национальных вариантах акцентными структурами значительно ниже, чем слов, акцентные структуры

которых совпадают в разных вариантах. При этом локализация ударения в низкочастотных и, как следствие, малознакомых словах может происходить по принципу аналогии со схожими по структуре более частотными словами.

В-третьих, закрепление той или иной акцентной модели конкретного слова в словаре не гарантирует того, что именно такой вариант будет использоваться носителями языка. В отношении когнитивного аспекта, результаты экспресс-опроса позволили авторам выявить акцентные модели, закрепленные в сознании разных групп населения Канады – англофонов, франкофонов (билингвов) и аллофонов. Англофоны демонстрируют наибольшее отклонение от британских и американских произносительных норм. Таким образом, подтверждается предположение о наличии специфических ритмических черт в акцентологической системе КВ. Результаты в группе билингвов в большей степени тяготеют к британскому варианту, причиной чему, по мнению авторов, может служить система образования в Канаде, ориентировавшаяся до последнего времени на БВ как образцовый произносительный стандарт. Аллофоны (иммигранты, для которых английский является первым иностранным языком) используют американские произносительные нормы. Смешанный состав населения Канады влияет на неоднородность норм акцентуации слов.

В-четвертых, выделяется перцептивный аспект словесного ударения. Результаты аудиторского эксперимента показали, что носители КВ воспринимают предложенные слова несколько иначе, чем русскоязычные эксперты-преподаватели, «впитавшие в себя» в качестве нормы БВ. Например, по данным канадцев количество слов, в которых присутствует ритмическое ударение, составляет 40%, в то время как по данным русских аудиторов их число составляет около 30%.

В-пятых, различия наблюдаются и в акустических параметрах, характерных для каждого из рассматриваемых типов слогов. Акустический анализ слов, использованных для аудиторского анализа, продемонстрировал, что выделяемое канадцами ритмическое ударение характеризуется более высокими максимальными значениями ЧОТ и длительностью, чем главное ударение, в речи дикторов-женщин; в речи дикторов-мужчин оно выделяется только за счет увеличения длительности слога. По данным русских аудито-

ров, наибольшая выделенность присуща слогам с главным ударением для обеих групп информантов; слоги с безударными слогами по степени выделенности. Акустический анализ не выявил значительных различий при сопоставлении показателей интенсивности в различных типах слогов.

В-шестых, математико-статистическая обработка данных (однофакторный дисперсионный анализ) показала, что основным акустическим просодическим ключом для канадцев при восприятии ударения служит длительность слога, при этом акустические различия между слогами с главным и ритмическим ударением предстают нерелевантными. В то же время ритмическое ударение с учетом гендерологии в речи дикторов-мужчин и дикторов-женщин характеризуется большими параметрическими (высотными) показателями, чем само главное ударение.

Таким образом, в работах Д.Т. Поздеевой (1) и Т. Shevchenko & D. Pozdeeva (3) словесное ударение в КВ изучается с нескольких сторон: закрепленные в национальном словаре нормы, предписывающие использование определенной акцентной модели, сопоставляются автором с акцентными моделями, закрепленными в сознании носителей языка. Перцептивный и акустический виды анализа позволили автору выявить акцентные модели, которые используются в реальной речи, а также акустические ключи, которые являются опорными для выделения и восприятия ударных слогов.

Исследования Т.В. Соковой (2) и Т. Sokoreva & Т. Shevchenko (4) посвящены анализу возрастных изменений ритма английского языка, в экспериментальной части которых рассмотрены просодические характеристики, образующие речевой ритм 102 жителей США в условиях *дистантного дискурса* (термин Р.К. Потаповой), т.е. телефонных переговоров.

Под речевым ритмом авторы исследования понимают периодичность сходных и соизмеримых речевых единиц, образуемую всеми компонентами просодии – высотным, силовым и темпоральным.

Ритм английского языка связан непосредственно с акцентуацией, которая обеспечивает выделение ударного гласного как самую информативную часть ударного слога, способствуя узнаванию слов в потоке речи, пониманию смысла высказывания.

Авторы исходят из понимания ритма не только как средства, структурирующего и организующего слитную речь, но и, в случае тактосчитающего (акцентного) ритма, как средства акцентного выделения ударных слогов, способствующего узнаванию слов и пониманию смысла речи. Кроме того, в работе показано, что ритм как характеристика речи говорящего несет индексную информацию не только в отношении ритмического типа языка в целом, но и в отношении возраста и пола собеседника. Характер ритмической организации речи отражает степень сформированности фонологической системы говорящего, включая ее просодическую подсистему, определенный этап ее развития и оптимизации, способствующей речевой коммуникации.

Данные работы опираются на анализ трех основных просодических параметров – длительности, частоты основного тона (ЧОТ) и интенсивности.

Экспериментальный материал рассматривался с учетом двух видов анализа: на уровне восприятия автором был проведен аудиторский анализ с выявлением ударных и безударных слогов, на уровне физических характеристик – акустический анализ длительности, ЧОТ и интенсивности. В ходе изучения частотных и количественных характеристик просодических компонентов в качестве единиц анализа были использованы интонационная группа, ритмическая группа, ударный и безударный слоги, вокалические и консонантные интервалы.

В ходе исследования авторы пришли к следующим выводам.

Оптимизация просодических средств сохранения ритма происходит одновременно с развитием, а затем и затуханием физических возможностей человека, а также обогащением его социальной и языковой практикой, что позволяет на каждом этапе человеческой жизни оценить значение происходящих изменений. Ритм как регулярность чередования сильных и слабых элементов, ритм как периодичность и предсказуемость способствует выделению акцентированных ударных слогов, которые привлекают внимание к самым информативным частям высказывания, обеспечивая распознавание слов и понимание речи. Сохранение этой способности было показано в данных работах: результаты свидетельствуют о наличии в речи пожилых американцев компенсаторных процессов, направленных, с точки зрения авторов, на сохранение наиболее важных

просодических моделей, обеспечивающих эффективное восприятие, сегментацию, распознавание и понимание речи.

Во-вторых, установлено, что ритм диалогической речи жителей США в условиях дистантного дискурса (телефонных переговоров) с возрастом становится более акцентным. Статистические тесты подтвердили значимость следующих показателей усиления признаков акцентного ритма с возрастом: увеличение длительности ударных слогов с возрастом, свидетельствующее о замедлении темпа речи по мере увеличения возраста, а также о наличии компрессии безударных слогов; выделенность ударных слогов на фоне безударных слогов в речи с возрастом поддерживается за счет сохранения контраста по длительности и увеличивается за счет вариативности максимальных параметров ЧОТ и интенсивности; увеличение диапазона голоса при понижении максимальных показателей ЧОТ: с возрастом диапазон ЧОТ (в полутонах) расширяется за счет использования более низкого регистра, что также позволяет сохранять и усиливать контраст между ударными и безударными слогами; увеличение вариативности максимальных показателей ЧОТ: несмотря на общее уменьшение значений показателей ЧОТ с возрастом, вариативность значений данного параметра увеличивается, причем основная часть изменений происходит в среднем возрасте, в то время как в речи американцев старшего поколения уровень вариативности параметра ЧОТ остается относительно константным.

В-третьих, выдержана периодизация, избранная составителями корпуса, количество дикторов в каждой группе сбалансировано, и представлен переходный этап от молодого к старшему возрасту в группе среднего возраста. Показатели дикторов среднего возраста на этом промежуточном этапе развития речевых характеристик выявили особую значимость гендерных различий. Кроме того, целый ряд показателей гораздо сильнее проявляется при переходе от молодого к среднему возрасту, чем при переходе от среднего к старшему. В среднем возрасте, когда люди имеют сочетание высокого статуса, определенного опыта речевого общения и относительно устойчивого уровня физических возможностей, значительно возрастает вариативность максимальных значений ЧОТ, как и диапазон ЧОТ, и длительность ударных слогов, что может служить, с точки зрения авторов, признаком речевой выразитель-

ности. В старшем возрасте изменения имеют то же направление, но менее значительны в сравнении со средним возрастом.

В еще большей степени сопоставительный анализ возрастных особенностей в просодии приобрел достоверность благодаря использованию точных дат рождения дикторов в корреляционном анализе, который, в свою очередь, внес коррективы в оценку значимости установленных данных.

В-четвертых, результаты исследований Т.В. Сокоровой (2) и Т. Sokoreva & Т. Shevchenko (4) свидетельствуют о характерных изменениях речевого ритма в речи информантов двух гендерных групп. При сохранении основных гендерных различий между голосами, обусловленных физиологически, ритмическая организация речи американских мужчин и женщин претерпевает однонаправленные изменения: с увеличением возраста информантов растут значения показателей средней длительности ритмической группы и ударного слога, а также увеличивается соотношение длительности ударного слога по отношению к безударным слогам. С возрастом и у мужчин, и у женщин происходит расширение интервала ЧОТ и увеличение значений индекса вариативности ЧОТ_{макс}. И у мужчин, и женщин с возрастом также наблюдается уменьшение значений ЧОТ_{мин}.

В-пятых, поскольку исследование проводилось на материале только начальных слогов дистантного дискурса (телефонных переговоров), авторами предполагается, что ритмический рисунок речи устанавливается сразу, с первых фраз разговора, по которым, при осуществлении определенного анализа, можно судить о принадлежности речи говорящего к конкретному типу ритма. Изложенные данные и их интерпретация имеют несомненную важность для социофонетики, в рамках которой происходит постоянный отбор методов сбора материала, поиск надежных методик обработки полученных данных.

Следует подчеркнуть, что включение пауз и анализ других элементов, входящих в иерархию ритмических единиц, могло бы увеличить значимость показателей ритмо-темпоральных характеристик речи носителей английского языка и показать ее возрастную динамику.

Список литературы

1. Поздеева Д.Т. Специфика словесного ударения в канадском варианте английского языка (Корпусное исследование): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГЛУ, 2018. – 24 с.
2. Сокорева Т.В. Возрастные изменения речевого ритма (Экспериментально-фонетическое исследование на материале корпуса диалогической речи жителей США): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГЛУ, 2018. – 26 с.
3. Shevchenko T., Pozdeeva D. Canadian English word stress: A corpora-based study of national identity in a multilingual community / Karpov A., Potapova R., Mporas I. (eds.) // SPECOM 2017. LNAI. – Cham: Springer, 2017. – Vol. 10458. – P. 221–232.
4. Sokoreva T., Shevchenko T. Starting a conversation: Indexical rhythmical features across age and gender (A corpus study) / Sojka P., Horák A., Kopeček I., Pala K. (eds.) // Text, speech, and dialogue. – Cham: Springer, 2016. – Vol. 9924. – P. 495–505.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ. ЛЕКСИКОГРАФИЯ. ФРАЗЕОЛОГИЯ. ОНОМАСТИКА. СТИЛИСТИКА

2019.01.021. ПОСЛОВИЦЫ В ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ПОЛЕ: Когнитивный, дискурсивный, сопоставительный аспекты: Монография / Алефиренко Н.Ф., Зимин В.И., Добровольский Д.О. и др. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2017. – 231 с.

Из содерж.:

Гл. 9. Федуленкова Т.Н. Тенденции развития пословицы: (На материале английского языка). – С. 176–195.

Гл. 11. Мидер В. Футуристическая паремиография и паремиология: Призыв собирать и изучать современные пословицы / Mieder W. Futuristic paremiography and paremiology: A plea for the collection and study of modern proverbs. – С. 205–226.

Ключевые слова: новые пословицы; паремиология; паремиография; английский язык.

В главе, написанной Т.Н. Федуленковой, исследуется распространенная в современном английском языке тенденция – компрессия (усечение) традиционных пословиц. Это явление часто встречается в разных дискурсах и фиксируется в словарях. Усеченные пословицы представляют собой один из «надежных источников пополнения фразеологического фонда современного англий-

ского языка, и, следовательно, постоянным средством обогащения языковой картины мира» (с. 192–193).

Традиционные пословицы рассматриваются автором как коммуникативные фразеологические единицы, имеющие форму предложения и характеризующие целую ситуацию. В английском языке традиционные пословицы, как правило, имеют форму сложных предложений: *If you leap into a well, Providence is not bound to fetch you out* – букв. Если ты прыгнул в колодец, Высшие силы не обязаны вытаскивать тебя оттуда. Однако в настоящее время длинные пословицы выходят из употребления, во множестве порождая лаконичные дериваты, которые могут терять до 80% своего компонентного состава. Дериваты сохраняют ассоциативную связь со своим прототипом. Например, пословица *Early to bed and early to rise makes a man healthy, wealthy and wise* – букв. Будьешь рано ложиться и рано вставать – станешь здоровым, богатым и мудрым в результате компрессии сокращается до трех компонентов: *Early to bed* – букв. рано ложиться спать. При этом расширяется референциальный потенциал нового устойчивого выражения: оно обозначает не просто представление о правильной жизни, но и неприятие человеком ограничений, отказа от удовольствий. Тенденция сокращения затронула и изначально более лаконичные пословицы: *New brooms sweep clean* – букв. Новая метла чисто метет сокращается до двусловного словосочетания *A new broom* – букв. новая метла, которое своим составом указывает на прототип.

Массовый и устойчивый характер описываемой тенденции позволяет выявить способы компрессии и структурно-семантические особенности образующихся дериватов. Т.Н. Федуленикова устанавливает три направления сокращения поликомпонентных пословиц: 1) инициальное клиппирование; 2) терминальное клиппирование и 3) билатеральное (двустороннее) клиппирование (пословица *Let sleeping dogs lie* – букв. Пусть спящие собаки лежат сокращается справа и слева до словосочетания *Sleeping dogs / Sleeping dog*, обозначающего надвигающуюся неприятность). Другая характерная черта эллиптированных пословиц – модификация их компонентного состава при сохранении или видоизменении семантики.

Таким образом, о фразеологической компрессии пословиц в современном английском языке можно говорить как об устойчивом феномене.

В главе монографии, написанной В. Мидером¹, анализируются причины недостаточного внимания исследователей к современным пословицам, включая объективные трудности, возникающие при их идентификации и изучении. В. Мидер оспаривает мнение ряда паремистов, фольклористов и культурологов, утверждающих, что в современном мире пословицами не пользуются, поэтому «старые» паремии выходят из употребления, а новые практически не создаются. Изучение газет, журналов, интернет-ресурсов свидетельствует, что традиционные пословицы остаются популярными (притом что часто применяются в модифицированной форме), а новые входят в употребление, становясь воспроизводимыми².

Источники возникновения новых пословиц существуют во множестве: это речения, характерные для людей определенной профессии, кинофильмы и песни, речи политиков, литературные источники, массмедиа. Пословица может быть первоначально сформулирована индивидом или какой-либо группой общества, а затем получить более широкое распространение. С современными паремиями так происходит достаточно часто. Например, распространились в роли паремий: *Ask not what your country can do for you, ask what you can do for your country* – букв. Не спрашивай, что твоя страна может сделать для тебя, спроси, что ты можешь сделать для своей страны (первоначально – высказывание Дж.Ф. Кеннеди), или *Make love, not war* – букв. Занимайтесь любовью, а не войной (восходит к тексту песни Битлз). В. Мидер приводит также пример пословицы *When you hear hoofbeats, think horses, not zebras* – букв. Когда слышишь звук копыт, думай о лошадях, а не о зебрах, которая первоначально появилась и стала популярной в среде врачей и

¹ Вольфганг Мидер – исследователь пословиц и поговорок, фольклорист, проф. ун-та штата Вермонт, США; автор монографий и словарей, среди которых: *Prolegomena to prospective paremiography* // *Proverbium*. – 1990. – N 7. – P. 133–144; *International bibliography of paremiography*. – Burlington (Vermont), 2011. – 304 p.; один из редакторов словаря *The dictionary of modern proverbs*. – New Haven (Connect.), 2012. – 294 p. – *Прим. реф.*

² К новым автор главы, оговаривая условность такой датировки, относит паремии, возникшие не ранее 1900 г. – *Прим. реф.*

студентов-медиков, а затем распространилась в других группах носителей английского языка. Эта формула мотивирована опытом врачей: выявив какой-либо симптом, необходимо сначала искать обычное, часто встречающееся заболевание, а затем уже думать о более редком или опасном.

Трудность сбора и изучения возникающих пословиц не в последнюю очередь связана с тем, что их нелегко идентифицировать именно как новые паремиологические единицы. Основные признаки, по которым пословицы можно опознать как таковые, В. Мидер формулирует следующим образом: 1) воспроизводимость в устной и письменной речи; 2) наличие структурных особенностей, которые приближают паремии к поэтическим текстам; 3) по своему содержанию паремии выражают наблюдения, установки или «истины», применимые к человеческой психологии и повседневной жизни. Современные пословицы, однако, не всегда дидактичны, они могут основываться на иронии или других видах юмора.

Проблему представляет собой также установление времени появления пословицы и периода ее функционирования. Сам по себе афористический текст изречения не представляет собой паремии – чтобы признать паремиологический характер выражения, необходимо зафиксировать его воспроизведение в течение достаточно длительного периода времени (а не просто краткосрочную популярность). Кроме того, настоящие пословицы имеют, как правило, варианты. Регистрация в паремиографическом справочнике или словаре должна сопровождаться указанием, по возможности, на самое раннее ее употребление с его контекстом. Необходимо также представить как можно большее число последующих регистраций речения, включая варианты, хронологическую и библиографическую информацию и обязательно – демонстрацию семантических трансформаций и расширения сферы применения. В этом современные исследователи и лексикографы опираются на электронные базы данных.

В. Мидер перечисляет семантические и структурные признаки, типичные для современных пословиц. Среди них, помимо вариантности и индивидуального авторства, такие свойства, как краткость, отличающая их от многих традиционных пословиц. Современные паремии могут состоять всего из двух (*Speed kills* – букв. Скорость убивает), часто – не больше чем из четырех слов.

Многие пословицы имеют форму индикативных предложений или негативных конструкций (*Don't fall before you are pushed* – букв. Не падай прежде, чем тебя толкнули), распространены паремии в форме рекламных лозунгов и научных «законов» (*If anything can go wrong, it will* – букв. Если что-то может пойти не так, оно пойдет не так – один из «законов Мёрфи»). В качестве тематических источников пословиц часто используются соматизмы, наименования из областей животного мира, спорта, техники и технологий (*Every shut eye is not asleep* – букв. Не каждый закрытый глаз спит; *You never forget how to ride a bicycle* – букв. Нельзя разучиться кататься на велосипеде).

Автор отмечает, что область паремий является открытой – она будет постоянно обновляться, так как соответствует важному направлению в осмыслении и вербализации мира человеком. Изучение вновь возникающих пословиц с учетом их особенностей в разных языках и культурах, как и их универсальных признаков, необходимо для наук, занимающихся поведением, сознанием и коммуникацией в человеческом обществе.

Е.О. Опарина

2019.01.022. ЦЫГАНОВА Н.Д. ПОЛИАСПЕКТНОЕ ОПИСАНИЕ НЕОЛЕКСЕМ: (По материалам словотворческих интернет-сайтов). – Абакан: Хакасский гос. уни-т им. Н.Ф. Катанова, 2017. – 244 с.

Ключевые слова: лексикология; лексикография; семантика (семасиология); неологизмы; русский язык; словарный состав языка; язык Интернета.

Работа состоит из введения, четырех глав и заключения.

В монографии проводится анализ неолексем, предлагаемых участниками словотворческих интернет-сайтов. Неолексемы анализируются с точки зрения словообразовательного, ономаσιологического, функционально-прагматического подходов, а также особенностей их лексикографического фиксирования.

Во введении отмечается, что неология как никакая иная область лингвистического знания наиболее сопряжена с мировоззрением и культурой человека.

Начиная со второй половины XX в. окказиональная лексика, которую в большинстве своем представляют индивидуально-

авторские неологизмы, интересует многих исследователей-лингвистов, что связано с созданием большого количества подобных единиц и активным функционированием их в современном поэтическом творчестве, публицистике, разговорной речи, интернет-общении. Однако целенаправленное словотворчество с целью увеличения русского лексикона и расширения словообразовательных и выразительных возможностей русского языка начала XXI в. не было объектом специального рассмотрения лингвистов.

Материалом исследования послужили неолексемы (1154 единиц), представленные на специальных интернет-сайтах: группы «Неологизм года» и «Слово года» на Фейсбуке; сетевой дневник Богдана Лукьянова «Смыслы слов»; проективный лексикон русского языка «Дар слова» М.Н. Эпштейна.

Актуальность и востребованность деятельности словотворческих сайтов доказывает достаточно длительный срок их существования: «Дар слова» существует с 2000 г., группа «Слово года» – с 2007, группа «Неологизм года» – с 2008 г. Участниками сайтов являются не только люди, профессионально занимающиеся филологией, но и люди разных профессий и образования, не имеющие прямого отношения к этой области знаний. Таким образом, автор полагает, что проанализировав весь массив языкового материала, можно выявить особенности целенаправленного народного словотворчества.

В монографии систематизированы аспекты изучения неологизмов в современном отечественном языкознании, что расширяет и углубляет представление о неологии как о целостном явлении; представлен опыт рассмотрения результатов целенаправленного словотворчества предпринята попытка лингвистического изучения неолексем словотворческих интернет-сайтов начала XXI в.; многоаспектного анализа и описания лексических инноваций с учетом деривационных ономаσιологических и функционально-прагматических свойств; выявляются особенности их лексикографического представления в специальных словарях.

Анализ филологических источников, в которых представлены толкования фундаментальных понятий неологии, показал, что в определении многих из них имеются существенные расхождения. Релевантным в работе являются следующие понятия: «неологизм»,

«окказионализм», «протологизм», «потенциальное слово», «потенциальный номинативный неологизм», «футурологизм».

Все лексические новообразования в монографии автор считает неологизмами, различая: 1) неологизмы языковые (семантические неологизмы, лексические неологизмы: актуализмы, футурологизмы), 2) неологизмы речевые (разного рода окказиональные лексемы) и 3) неологизмы промежуточного характера (протологизмы). Учитывая специфику языкового материала и неоднозначность термина «неологизм» автор считает возможным использовать термин «неолексема», подразумевая под ним все новые слова (и неологизмы языка, и неологизмы речи).

Анализ научной литературы показывает, что явления лингвистики, в том числе и неологии, могут рассматриваться и изучаться в различных аспектах.

Многоаспектный анализ неолексем словотворческих интернет-сайтов в проведенном исследовании включает четыре аспекта: 1) словообразовательный, в рамках которого анализируются способы образования неолексем, выявляется соотношение окказиональных и узуальных деривационных способов; 2) ономаσιологический, выявляющий причины создания неолексем; 3) функционально-прагматический, изучающий выбор и употребление / неупотребление неолексем носителями языка; 4) лексикографический, изучающий способы фиксирования неолексем.

В первой главе «Словообразовательные особенности неолексем словотворческих интернет-сайтов» анализ языкового материала позволил автору выделить из всего многообразия способов словообразования те, которые являются для участников специальных интернет-сайтов наиболее предпочитаемыми:

– узуальные: 1) суффиксация (187: **болинка** – больная точка, больная тема, незаживающая боль; **гуглик** – информационная единица упоминания в Гугле), 2) префиксация (57; **занекать** (что-то) – общим неканьем поставить крест на чем-то), 3) сложение (148: **абы-день** – плохой день, перетерпный, «так сяк прожил, абы как дожил – абыдень»; **бранноизбранные** – все те, кого мы браним, но избираем; **дружбомания** – сверхдружелюбие, навязчивая дружелювность, желание передружиться и дружить со всеми; **липкоглазый** – с липким взглядом), 4) сложно-суффиксальный способ словообразования (66: **блюдопытный** – любитель новых блюд; **благорАд-**

ный – благу других радующийся, антоним злорадному; **добросетливый** – тот, кто привносит в сеть добро).

Менее частотными являются такие узуальные способы, как суффиксально-постсуффиксальный (**ушкаться** – прижиматься, тереться ушами; **ножкаться** – прижиматься, тереться ногами), префиксально-суффиксально-постфиксальный (**увремениться** – условиться, уговориться о времени), постфиксальный (**сглазиться** – самопроизвольно сникнуть, от самослаза), префиксально-постфиксальный (**залюбиться** – дойти до крайности, до излишества в любовных чувствах или действиях), префиксально-суффиксальный (**досОнок** – продолжение сна / сновидения после перерыва; **налюДИть** – насорили, натоптали).

– окказиональные: 1) наложение (аппликация) (67 неолексем: **базАрт** – искусство любое общение превращать в базар; **гуглУшь** – районы, не освоенные Интернетом (Гуглом); **коррупцирроз** – трагическая степень запущенности общественной болезни, когда метастазы и рубцы коррупции деформируют реформы нашей жизни), 2) наложение (аппликация) с усечением (82 неолексем: **инфомания** (informania) – одержимость поиском информации, независимо от степени ее важности и нужности: **книзменность** – литературный ширпотреб: *полицензия* – **разрешение полиции**), 3) амальгамация (слова-портмоне) (257 неолексем: **аськоголизм** (в Сети) аськоголизм – патологическая потребность в общении по аське, блогоблудие; **бизноватый** – одержимый, как бы ушибленный бизнесом; **бредмет** – бредовый предмет; **брехлАма** – реклама, которая брехня и хлам.

Неолексемы, образованные окказиональными способами деривации, составляют около половины всех новообразований: 530 из 1154. Этот факт позволяет говорить не столько о прагматической функции предлагаемых неолексем, сколько об иллюстрации языковых возможностей, в результате языковой игры.

Кроме указанных узуальных и окказиональных способов деривации языковой материал представляет немногочисленные примеры смешанных способов словообразования: депостфиксация+суффиксация с усечением производящей основы + наращение (**касАтливый** – склонный к прикосновениям, тот, кто легко и часто прикасается к другим, у кого развито осязательное общение); депрефиксация + префиксация (мена приставки) (**возменИть** – из-

менить к лучшему); депостфиксация + суффиксация с усечением производящей основы (**слИвчивый, слИпчивый, слЕпчивый** – прилагательные по значению глаголов «сливаться», «слипаться», «слепливаться»); дессуффиксация+суффиксация+постфиксация (**медведиться** – стараться быть похожим на Медведева); неморфемное усечение + суффиксация (**сегодий** (сегодня) – на указанное способный; герой нашего времени); дессуффиксация + суффиксация (**десятилетник** – слово десятилетия; **извинЕйшен; стабилизец; шмотлики** (бахилы); **подробить** – говорить подробно, снабжать подробностями; дессуффиксация + префиксация + суффиксация + постфиксация (**отнаУшиться** – отключиться от окружающего, вставив себе *наушники* прикрыв глаза); сложение + наложение (**мясокомбинат** – комбинат по производству соевого мяса).

Сложные слова (имеющие не одну мотивационную основу, образованные узуальными, смешанными и окказиональными способами словообразования) составляют значительную часть всех представленных слов: 690 из 1154 – 59,7%.

Автор полагает, что ведущим способом словотворчества участников специальных интернет-сайтов является контаминация: контаминанты составляют 59% от общего числа неолексем (681 из общего числа примеров 1154). Значительная часть неолексем (422 единицы) иллюстрирует окказиональные разновидности контаминации (амальгамация – 269 и наложение – 153). Контаминанты характеризуются стилистической маркированностью, игровой природой и невысоким уровнем узуализации, так как лишь небольшая часть контаминантов может быть адекватно декодирована носителями русского языка вне контекста. Контаминанты позволяют автору неолексемы более полно, точно выразить свою мысль, более ярко, оригинально, но не всегда при этом более доходчиво донести до адресата свое видение, понимание, оценку какого-либо явления действительности или своего чувства (например: **беспросвЕтскость** – беспросветная светскость; гламуразм как симптом; **блогики** – образ мышления человека, привыкшего к общению в блогах; **вепрЕссия** – состояние в результате угнетающего воздействие Интернета; **глокАльный** – соединяющий глобальное с локальным; то, что служит связи, опосредованию, сближению всемирного и местного и др.

Неолексемы, общее количество которых – 1154 единицы, образуются в пределах следующих частей речи: имени существительного, имени прилагательного, глагола, наречия, междометия: 88, 56% (1022 из 1154) всех неолексем составляют существительные, 5,45% (63 из 1154) – прилагательные, 12,56% (145 из 1154) – глаголы, 0,95% (11) – наречия, 0,08% (1) – междометия. Группа имен существительных составляет наибольшую часть всех неолексем, что свидетельствует о желании словотворцев дать название явлениям действительности, и зачастую не просто назвать, но и оценить, выразить свое отношение.

Во второй главе “Ономасиологический аспект неолексем словотворческих интернет-сайтов” отмечается, что в рамках **ономасиологического** подхода к изучению новообразований процесс лексической объективации рассматривается как психоречевая материализация некоторого идеального содержания в новой словесной форме. Несмотря на то, что большинство неолексем, созданных или найденных участниками словотворческих интернет-сайтов, с точки зрения функционально-прагматического и словообразовательного аспектов являются окказионализмами, они в ономасиологическом аспекте (с точки зрения причины и цели их создания) могут быть названы протологизмами, так как авторы новоявленных слов именно претендуют на то, чтобы их творения закрепились в языке, вошли в общее употребление. Значительное количество лексических новообразований составляют слова, призванные устранить расчлененность наименования, заменить синтаксическую объективацию лексической.

С ономасиологическим аспектом тесно связан психолингвистический аспект, изучающий особенности рчеобразования и восприятия речи, рассматривающий новое слово как единицу индивидуального лексикона. Учитывая понятие языковой личности, автор считает необходимым отметить, что наличие значительного числа новообразований у отдельных участников позволяет говорить об устойчивом характере индивидуального словотворчества, являющегося, по-видимому, одним из средств выражения авторских теоретических воззрений.

В третьей главе «Функционально-прагматический аспект неолексем словотворческих интернет-сайтов» указывается, что словотворчество, как и любая другая деятельность, выполняет опреде-

ленные функции. В отношении словотворчества на специальных интернет-сайтах выделяются пять функций: 1) номинативная функция – одна из главных в словотворчестве участников специальных интернет-сайтов и основная в проективной лингвистической деятельности, 2) номинативно-компрессивная функция, суть которой заключается в замене описательной конструкции однословной номинацией, т.е. заполнении лакун, 3) заместительная функция, суть которой в стремлении заменить лексемы иноязычного происхождения, 4) экспрессивно-эмоциональная и экспрессивно-оценочная функции: неолексема передает эмоциональное состояние говорящего и / или выражает его отношение к предмету разговора, 5) игровая функция, при которой автор или фиксатор употребляет неолексему с целью развлечь себя и собеседника является, с точки зрения автора, основной (включающей вышеназванные функции), хотя и не признается таковой участниками специальных интернет-сайтов. Большинство игровых неолексем являются контаминантами.

В четвертой главе «Особенности лексикографического представления неолексем словотворческих интернет-сайтов» в рамках **лексикографического** подхода автор выясняет, что неолексемы находят отражение в специальных словарях окказиональной и проективной лексики.

Поскольку окказиональные слова не только речевое, но и в некотором смысле языковое явление, оказываются правомерными попытки создания словарей окказионализмов, которые и представляют словообразовательные ресурсы русского языка. К этой категории относится предложенный в работе Проспект словаря неолексем, где впервые получили лексикографическую фиксацию неолексемы словотворческих интернет-сайтов.

Таким образом, при лексикографическом подходе к изучению неолексем главной задачей лингвиста является выработка критериев отражения единицы языка или речи в специальных словарях.

В заключении автор подводит итоги исследования, отмечая, что анализ и систематизация неолексем позволяет сделать вывод: любое событие социальной жизни и акт мыслительной деятельности индивида, воспринятое через призму индивидуального мировоззрения, становится источником словотворчества.

ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

2019.01.023. ВАСИЛЬЕВ В.Л. ГИДРОНИМИЯ БАССЕЙНА РЕКИ МСТЫ: Свод названий и анализ микросистем. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. – 344 с. – (Studia philological).

Ключевые слова: ономастика; гидронимика; диалектология.

Работа состоит из двух частей. Основную часть занимает сводный гидронимический каталог – упорядоченное по гидрографическому принципу собрание водных и соотнесенных с ними названий иных типов, локализованных в пределах бассейна реки Мсты. Названия извлечены из современных и старинных карт, материалов современной, старинной и средневековой письменности, полевых сборов и архивных данных. В общей сумме каталог содержит более 6000 гидронимов (вместе с вариантами) и около 1800 соотнесенных с ними негидронимных названий, преимущественно имен селений и урочищ. Это самая полная на сегодняшний день упорядоченная репрезентация гидронимов бассейна хорошо известной в русской истории реки Мсты, которая издревле служила в качестве торгового водного пути, связывавшего системы Балтийского и Каспийского морей. К каталогу даны алфавитные указатели и обратный словник названий. Во второй части книги рассмотрены аспекты микросистемного анализа на материале мстинской гидронимии.

Выбор Мсты неслучаен. Культурно-историческое значение р. Мсты заключается в том, что она была участком древнего водного пути из Скандинавии на Арабский Восток («из Варяг в Арабы»), позднее соединяла средневековый Новгород с Низовской землей, а с эпохи Петра I вплоть до начала XX в. являлась главным звеном Вышневолоцкой водной системы, обеспечивавшей торговые коммуникации столичного Санкт-Петербурга с городами Поволжья.

Далее автор отмечает, что к числу гидронимов, представленных в каталоге, озаглавленном «Названия водоемов бассейна Мсты в гидрографическом порядке» (далее – Каталог), отнесены собственные названия водотоков (рек, ручьев) и участков речных русел (омутов, плесов, порогов, перекатов, каменных кос, подводных камней, островов, отмелей, крутых изгибов рек), наименования стоячих вод (озер, болот, водохранилищ, прудов) и участков озерных акваторий (островов, полуостровов, мысов, отмелей, плесов, заливов). Негидронимы, соотнесенные с гидронимией, являются по преимуществу названиями жилых и нежилых населенных пунктов (сел, селец, деревень, погостов, городов, пустошей, урочищ), реже названиями сенокосных угодий (пожен), лугов, возвышенностей, местностей, волостей, погостских округов. Под гидронимом понимается отдельная лексическая форма в закреплении за отдельным водным объектом. При таком понимании предпочтительнее говорить не о повторении одного гидронима, а о разных вариантных гидронимах; многочисленные повторяющиеся и вариантные гидронимы следуют в Каталоге на общих основаниях.

Каталог составлен на основе большого количества источников, в их списке раскрывается более 100 сокращений. Были учтены наиболее существенные письменные и картографические источники, имеющие отношение к бассейну р. Мсты.

Разумеется, в полной мере были учтены все прочие исторические источники, которые сильно разнятся по хронологии, типологии, полноте и качеству необходимого материала, трудоемкости его извлечения.

Сравнение современных и старинных карт и планов позволили автору уточнить для многих мест иерархию мстинских притоков, выявить различия современной и старинной географии, наконец облегчило упорядочение гидронимического материала, извлеченного из ранних некартографических (докартографических) источников, особенно из средневековых писцовых книг; актов письменности.

Далее отмечается, что дать надежную гидрографическую привязку для отмеченных названиями водных объектов разных уровней иерархии – серьезная задача, которая не всегда удовлетворительно решается даже для заметных водоемов, отображаемых на современных крупномасштабных картах. Если бессточное озеро расположено на водораздельном участке между двух притоков, по-

рой возникают очевидные затруднения, к какому из двух притоков данное озеро привязать. Предпочтение отдается притоку, который ближе к озеру.

Сложности привязки возникают на всех уровнях водной иерархии, но чаще на нижних: чем незначительнее водный объект, тем труднее бывает однозначно привязать его к другим водным объектам. Еще сложнее решать эту задачу, работая со старинными картами и некартографической письменной информацией. Причин этому много, основные из них следующие: 1) отсутствие отображения на картах, даже крупномасштабных, многих водоемов, названия которых обнаруживаются в старинных и средневековых источниках, но не сопровождаются достаточным топонимическим контекстом, позволяющим надежно идентифицировать водоем; 2) несовершенство картографирования, в частности расхождения между старинными и современными картами при отображении водоемов в одних и тех же местностях, а также ошибочные отнесения гидронимов к соседним водоемам; 3) расхождения в оценке гидрографической иерархии для водоемов (что считать притоком, а что главной рекой), наблюдаемые как по современным, так и по старинным источникам; 4) существенные искажения форм исторических гидронимов, затрудняющие идентификацию их с современными названиями тех же самых водоемов; 5) антропогенное изменение гидрографической сети: появление новых водохранилищ, осушение болот; изменение стока рек и озер благодаря появлению каналов и канав и др.

При упорядочении водоемов и, соответственно, их названий автор преимущественно опирается на современную гидрографическую сеть, отраженную в поздних материалах, хотя, разумеется, учитывает по мере возможности искусственные гидротехнические преобразования.

При каталогизации гидронимов, проводившейся в целом с опорой на современную гидрографию, обязательно учитывались межгидронимные отношения. Водоемы с микросистемно соотносимыми названиями, как правило, относятся к бассейну одного и того же притока. Поэтому нередко благодаря гидронимной микросистемности неоднозначно локализуемые водоемы получают вполне определенную гидрографическую привязку.

Е.А. Казак

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ И ЗАГЛАВИЙ РАБОТ, ОПИСАННЫХ НЕ НА АВТОРА¹

(Нео)психолингвистика и
(психо)лингвокультурология:
Новые науки о человеке говорящем
01.018

Алпатов В. 01.002

Бубнова И.А. 01.018

Бутакова Л.О. 01.004

Васильев В.Л. 01.023

Гуц Е.Н. 01.004

Дискурсивное пространство
в лингвистическом ракурсе 01.013

Зыкова И.В. 01.016, 01.018

Исаева С.М. 01.006

Кислякова Е.Ю. 01.012

Козловская Е.А. 01.004

Комалова Л.Р. 01.005

Кострова О.А. 01.017

Красных В.В. 01.018

Кулинич М.А. 01.017

Малевинский С.О. 01.003

Опарина Е.О. 01.015

Пословицы в фразеологическом поле:
Когнитивный, дискурсивный,
сопоставительный аспекты 01.021

Потапов В.В. 01.020

Раренко М.Б. 01.007–010

Ритм прозы от Карамзина до Чехова
01.019

Уфимцева Н.В. 01.018

Цыганова Н.Д. 01.022

Чертов Л.Ф. 01.001

Язык, сознание, коммуникация 01.014

Russian English: History, functions, and
features 01.011

Составитель: *Л.Р. Комалова*

¹ В номерах рефератов алфавитного и предметного указателей год издания РЖ (2019) опущен.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ (№ 1)

- Акустическая фонетика 01.020
Английский язык
– социолингвистические исследования 01.011
– стилистика 01.015
– фонетика 01.020
– фразеология 01.021
Андерсен Г.Х.
– переводы 01.008
Ассоциативный эксперимент 01.004
- Билингвизм 01.005, 01.011
Булгаков М.А.
– переводы 01.009
- Вариантность 01.011
Внутренний перевод 01.007
- Гендерные исследования 01.020
Герменевтика 01.009, 01.010
Говорящий 01.002
- Детская речь 01.004
Дискурс 01.004, 01.012, 01.013
- Жанры 01.013
- Знак 01.001
- Инакость 01.012
Инкорпорация 01.014
Интернет
– язык и стиль 01.022
Интерференция 01.005
- Картина мира языковая 01.003,
01.014, 01.017, 01.018
Каталанский язык
– социолингвистические исследования 01.005
Классификация языков 01.002
Когнитивная лингвистика 01.012,
01.014
Когнитивная психология 01.018
Код и сообщение 01.001
Коммуникативная стратегия 01.017
Коммуникативный подход 01.012
Коммуникация межкультурная
01.007, 01.008, 01.017
Компрессия текста 01.021
Контаминация 01.022
Концепт 01.014, 01.015, 01.016
Корпусная лингвистика 01.020
Культура 01.016
- Лакуна 01.010
Лексикализация 01.014
Лингвокультурология 01.016, 01.017
- Метафора 01.015
Мультикультурализм 01.005
- Национальная культура 01.007,
01.008, 01.017
Неологизмы 01.022
Номинация 01.022
- Окказионализмы 01.022
Оппозиция 01.012

- Паралингвистика 01.017
 Паремиология 01.013, 01.021
 Перевод 01.007
 Переводчик 01.006
 Полевая лингвистика 01.002
 Понятие 01.001, 01.003
 Просодика 01.019
 Психоллингвистика развития 01.004
 Психоллингвистический эксперимент 01.004
- Речевые акты 01.017
 Рильке Р.М.
 – переводы 01.010
 Ритм 01.019, 01.020
 Русский язык
 – гидронимика 01.023
 – интонация 01.019
 – словообразование 01.022
 – стилистика 01.015
 – ударение 01.019
- Семантического дифференциала метод 01.004
 Семиозис 01.001
 Семиотика искусства 01.001
 Семиотика культуры 01.001
 Семиотический метод 01.001
 Сигнификация 01.001
 Слушающий 01.002
 Социальные диалекты 01.008
 Социокультурная компетенция 01.006
 Спонтанная речь 01.013
- Творчество 01.016
 Транспозиция 01.008
- Ударение 01.020
- Философия языка 01.002, 01.003, 01.012
 Фразеологическая единица 01.018
 Фреймовая семантика 01.014, 01.015
 Функции языка 01.003
- Художественный перевод 01.006, 01.008, 01.009, 01.010
- Цивилизация 01.016
- Частота основного тона 01.020
- Эвфемизмы 01.013
 Экспериментальная фонетика 01.020
 Этнопсихоллингвистика 01.018
 Этносоциоллингвистика 01.005
- Язык 01.003
 Язык и культура 01.016
 Язык и политика 01.013, 01.015
 Язык науки 01.013
 Язык средств массовой информации 01.013, 01.015
 Языковая личность 01.016, 01.018
 Языковая ситуация
 – США 01.005
 Языковое сознание 01.018
 Языковые единицы 01.002
 Языковые контакты 01.011
 Языкознание
 – история 01.002
- Составитель: *Л.А. Перевезенцева*

*Уважаемые читатели!***В настоящее время вышли в свет:**

Язык в глобальном контексте: Современная языковая ситуация как следствие процесса мировой глобализации: Сборник научных трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Отв. ред.: Потапов В.В., Казак Е.А. – М., 2018. – 202 с. – (Сер.: Теория и история языкознания). ISBN 978-5-248-00863-6

Представлена систематизация факторов влияния языка международного общения (английского) на национальные языки как развитых, так и на языки развивающихся стран, а также влияние на различные языковые жанры (например, язык науки, язык художественной литературы). Определяются место и роль языка Интернета в сфере языковой коммуникации. Рассматриваются языковые уровни: от фонетико-фонологического до семантико-прагматического. Сборник рассчитан на широкий круг лингвистов, преподавателей иностранных языков, культурологов.

Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты = Human being: Image and essence. Humanitarian aspects: Науч. журн. / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Ред. кол.: Скворцов Л.В. (гл. ред.) и др. – М., 2018. – № 1–2 (32–33): Человек и язык в меняющемся мире = Man and language in the changing world / Ред.-сост. вып. Раренко М.Б. – 243 с. ISSN 1728–9319. DOI: 10.31249/chel/2018.01.00

В журнале представлен материал, отражающий взаимодействие социокультурных и языковых процессов в современном мире. В этом контексте рассматриваются судьбы коммуникативно мощных, миноритарных языков и диалектов. Для широкого круга специалистов в области гуманитарного знания.

Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты = Human being: Image and essence. Humanitarian aspects: Науч. журн. / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Ред. кол.: Скворцов Л.В. (гл. ред.) и др. – М., 2018. – № 3 (34): Антропоцентрическая парадигма в гуманитарном знании =

Anthropocentric paradigm in humanities / Отв. ред. Комалова Л.Р., ред.-сост. вып. Потапов В.В., Казак Е.А. – 216 с. ISSN 1728–9319. DOI: 10.31249/chel/2018.03.00

В рамках антропоцентрической парадигмы рассматриваются вопросы восприятия и оценки действительности, находящей отражение в языковой картине мира отдельной личности и этноса в целом. Исследуется духовное бытие человека в эпоху «глобальных вызовов». Для широкого круга специалистов в области гуманитарного знания.

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Реферативный журнал

Серия 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2019 № 1

Художник обложки и художественный редактор М.Б. Шнайдерман

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999г.

Подписано к печати 29.12.2018

Формат 60×84/16

Печать офсетная

Усл. печ. л. 12,0

Тираж 300 экз.

(1–150 экз – 1-й завод)

Бум. офсетная № 1

Цена свободная

Уч.-изд. л. 10,0

Заказ № 146

Институт научной информации по общественным наукам РАН
Нахимовский просп., д. 51/21 Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отдел маркетинга и распространения информационных изданий:

E-mail: inion@bk.ru

Отпечатано в ИНИОН РАН Нахимовский просп., д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997,

042(02)9